

В. Я. Ивбулис

МОЯ ЗОЛОТАЯ БЕНГАЛИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

В. Я. Ивбулис

МОЯ ЗОЛОТАЯ БЕНГАЛИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

V. Ivbulis
Indijas ceļos
Rīga, 1984

Редакционная коллегия

К.В. Малаховский (председатель), *Л.Б. Алаев*,
Л.М. Белоусов, *А.Б. Давидсон*, *Н.Б. Зубков*,
Г.Г. Котовский, *Р.Г. Ланда*, *Н.А. Симония*

Авторизованный перевод с латышского

Э.В. МОРОЗОВОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия

Л.Б. Алаев

Рецензенты

Е.М. Быкова, *В.Н. Егоров*, *Л.Л. Тайван*

Ивбулис В.Я.

И 24 **Моя золотая Бенгалия.** Авториз. пер. с латыш. Послесл. Л.Б. Алаева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

136 с. с ил. ((«Рассказы о странах Востока»))

Автор книги — латвийский индолог, посветивший многие годы изучению творчества Р. Тагора и проживший длительное время на его родине в Западной Бенгалии, работая в основанном поэтом университете Вишвабхарати.

Наблюдая жизнь индийского народа как бы изнутри, он сумел живо рассказать о своих впечатлениях. В книге даны сведения и о социальном развитии Индии за последние годы, и о политике правительства в экономической и социально-культурной областях, и о быте индийцев, их отношении к природе, религии.

И $\frac{1905020000-088}{013(02)-88}$ 71-88

ББКл8

© «Avots», Rīga, 1984.

© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ОТ АВТОРА

Приступив к работе над этой книгой, я сначала хотел поделиться теми впечатлениями, которыми меня обогатила научная командировка в Индию в 1978–1979 гг. Но так как на латышском языке было сравнительно мало информации об этой стране, а у меня в течение многих лет накопилось достаточно интересного материала, рукопись сама собой начала приобретать черты не путевых заметок, а книги, претендующей на охват ряда важных проблем жизни Индии. При переводе ее на русский язык я исключил некоторые главы, многое переработал с целью не повторять материал, знакомый читателю по другим публикациям.

В отличие от других советских специалистов, которые, приезжая в Индию в командировку, чаще всего селятся в больших городах, а в отдаленные районы страны обычно отправляются не в одиночку, я в качестве научного сотрудника университета Вишвабхарати находился в прямом подчинении индийских учреждений и практически жил один среди индийцев. Если мне необходимо было куда-то поехать, то приобретал билет сам, устраивался в гостинице, питался, где приходилось. Только по приезде в Индию и перед самым отъездом несколько ночей я провел в комнате с кондиционером, лишь в тех редких случаях, когда заходил в Генеральное консульство СССР в Калькутте, мог просмотреть наши газеты.

Я приехал в Индию, чтобы по первоисточникам заниматься изучением жизни и творчества Рабиндраната Тагора. План моей работы, утвержденный университетом Вишвабхарати, предусматривал посещение учебных заведений Калькутты, Мадраса, Тривандрама, Бомбея, Дели, Северобенгальского университета и многих других мест, связанных с жизнью поэта. Эти поездки позволили мне более основательно познакомиться с Индией как бы изнутри. Будучи исследователем богатого духовного

мира Индии, я не мог смотреть на эту землю только с высочайших вершин ее древней и современной культуры. Я видел на улицах городов и множество полуголодных, полуодетых, нередко лишенных крова людей. Поэтому мой долг — откровенно рассказать и о трудных социальных проблемах, стоящих перед страной.

Предлагаемая читателю работа была написана в 1979—1980 гг. на латышском языке. При подготовке русского издания я попытался по возможности дополнить ее свежими материалами и наблюдениями, почерпнутыми во время второй, более короткой поездки в Индию в 1985 г. Использовал я и некоторые газетные сообщения индийской прессы, которые хорошо дополняют то, что мне хотелось рассказать.

Жил я в основном в Западной Бенгалии. Но она, разумеется, лишь один из штатов Индии. Поэтому, даже тогда, когда рассказываешь о тагоровском университете, всплывают проблемы всей страны. Вследствие этого и книга на латышском языке была названа «По Индии». Однако в русском ее издании Бенгалия получила большее освещение, и, следовательно, другое название — «Моя золотая Бенгалия», представляющее собой первую строку известной тагоровской песни.

Надеюсь, у читателя сложится некоторое представление о современной Индии. Конечно, неполное и фрагментарное. Чтобы узнать об этой стране побольше, необходимо читать специальную литературу, которая, к сожалению, иногда не успевает давать оценку всему, что там происходит. В результате, например, волна сикхского экстремизма в 1984—1987 гг. для многих явилась как бы неожиданностью.

Пребывание в Индии сблизило меня со многими выдающимися людьми. Среди них особо хочется выделить Шонкхо Гхоша — в настоящее время одного из известнейших бенгальских поэтов, доцента университета Джадавпура (в его семье в Калькутте я прожил неделю и каждый вечер с восторгом слушал пение его двух дочерей и их игру на вине); известного поэта, борца за мир и прогресс Шубхаша Мукхопаддхая; недавно умершего Пробхата Кумара Мукхопаддхая — по существу, единственного настоящего биографа Рабиндраната Тагора. В доме Пробхата Кумара хранится картотека, содержащая сведения о том, что делал великий поэт каждый день в течение жизни. Я никогда не забуду, с каким радушием меня принял Бхудеб Чоудхури — один из известных бенгальских литературоведов. Беседы с этими и многими другими выдающимися деятелями культуры и сотнями простых людей убедили меня в том, что посланцы Советского Союза в Индии всегда желанные гости.

РЕСПУБЛИКА ИНДИЯ. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

Великий сын индийского народа Джавахарлал Неру писал в книге «Открытие Индии»: «Я полагаю, что все мы по-разному представляем себе свою родную страну и не найдется двух людей, которые мыслили бы совершенно одинаково. Когда я думаю об Индии, я думаю о многих вещах: об обширных полях и бесчисленных деревушках; о малых и больших городах, которые посетил; о волшебной силе периода дождей, несущего жизнь иссохшей от жажды земле и внезапно превращающего ее в грандиозный, чарующий зеленый ковер; о великих реках и горных потоках; о Хайберском проходе и его суровых окрестностях; о южной оконечности Индии; об отдельных людях и о народных массах; об увенчанных снегом Гималаях или о какой-нибудь горной долине в Кашмире весной, когда вся она покрыта цветами и слышатся всплески и журчание протекающего по ней ручья»).

Трудно себе представить более многообразную страну, чем Индия. В ней сочетаются необыкновенное географическое разнообразие поясов, пестрота языков, обычаев, верований и убеждений. Кажется, это и является самым главным «чудом Индии». Страна в своей тысячелетней истории пережила много потрясений, ассимилировала или сделала своей составной частью народы-завоеватели, приходившие с запада и севера.

Особая глава в истории страны начинается с прихода безжалостных торговцев — французов, голландцев, португальцев и, наконец, британцев, — силой и хитростью овладевших огромным субконтинентом, («людским океаном»), как говорил о своей родине Рабиндранат Тагор. Понадобилось почти два века, чтобы наконец заставить Великобританию 15 августа 1947 года уйти из страны, разделившейся на Индию и Пакистан по принципу религиозной принадлежности.

26 января 1950 года вступила в действие конституция

Индии, которая провозгласила страну независимой, секулярной, демократической республикой, членом Британского содружества. До 1948–1949 годов в ее состав входило около 500 мелких и крупных феодальных княжеств. Самым большим из них было государство Хайдарабадского низама, территория которого превышала площадь Италии. В 1950 году Индия стала союзом штатов. Сейчас страна разделена на 25 штатов и 6 союзных территорий. Столица Дели находится в прямом подчинении федерального правительства, или, как это называется в Индии, в прямом подчинении центра. По конституции главой государства является президент, он обладает очень большими полномочиями. Президент занимает пост верховного главнокомандующего, при необходимости может взять на себя управление отдельными штатами, распустить парламент и правительство. Но высокий пост превращается только в почетную и представительную должность из-за одной лишь короткой фразы в конституции, в которой подчеркивается, что президент действует «по совету премьер-министра».

Роль правительства особенно возросла потому, что после завоевания независимости и до 1964 года его возглавлял такой авторитетный и умный политический деятель, как Джавахарлал Неру. Под идейным и политическим руководством Махатмы Ганди Индия завоевала независимость, а с именем Дж.Неру связана модернизация государства. Потребовались громадные усилия, чтобы не допустить превращения Индии в индуистское государство, хотя соседний Пакистан стал мусульманским. Дж. Неру поддерживал и укреплял единство Индии, буржуазно-демократический строй и принцип секуляризма в управлении государством, под влиянием опыта СССР было введено планирование по пятилеткам, в ряде отраслей промышленности создан сильный государственный сектор. Политика неприсоединения, неучастия в военных блоках, борьба за мир и международную безопасность, против расизма и колониализма, сотрудничество и дружба с Советским Союзом – вот основы внешней политики Индии, заложенной Неру и продолжаемой его преемниками.

Парламент Республики Индия состоит из двух палат: верхней, которая называется Раджья Сабла (Совет штатов) и насчитывает 238 избираемых и 12 назначаемых президентом депутатов, и нижней – Лок Сабхи (Народной палаты), – насчитывающей 542 депутата, избираемых на свободных, всеобщих выборах. На последних, восьмых по счету, проводившихся в конце 1984 года, наибольшее число мест получила партия Ин-

дийский национальный конгресс [ИНК(И)], что означало большую победу Раджива Ганди — молодого премьер-министра и руководителя этой партии. Коммунистическая партия Индии (марксистская) [КПИ(м)] получила 22 мандата (в основном в штате Западная Бенгалия, где уже в течение длительного периода она возглавляет правительство Левого фронта), Коммунистическая партия Индии (КПИ) — 6. Только два места в парламенте имеет правая партия «Бхаратия джаната парти», являющаяся политическим крылом шовинистической индуистской организации «Раштрия Сваям Севак Сангх» (РСС) и пользовавшаяся очень большим влиянием лет пять-шесть назад, когда некоторое время у власти находилась «Джаната парти» во главе с премьер-министром Морарджи Десаи.

Индийский парламент (особенно нижняя палата) играет важную роль в повседневной политической деятельности. Правительство, например, не может ввести новые налоги или финансировать какое-то начинание без согласия парламента.

Коммунистическая партия Индии, основанная в 1925 году, всегда играла значительную роль в политической жизни страны. У нее большой опыт нелегальной деятельности в условиях британского колониализма. В настоящее время КПИ особенно большим влиянием пользуется в профсоюзах, студенческих и молодежных организациях. Она имеет значительное количество мест в законодательных собраниях ряда штатов. Индийские коммунисты самоотверженно и последовательно, нередко даже жертвуя своей жизнью, сражаются за эмансипацию угнетенных слоев общества и их права, за радикальные социально-политические преобразования в интересах трудящихся.

КПИ(м) возникла в 1964 году, отколовшись от КПИ. Она возглавляет правительства Левого фронта в Западной Бенгалии и Трипуре, а с 1987 года еще и в Керале. В последнее время влияние партии возрастает и в других штатах. Я жил в Западной Бенгалии и наблюдал, как эта компартия завоевывала авторитет в штате, проводя большую работу среди бедняков и, насколько это возможно в рамках существующего законодательства, защищая их интересы. В последние годы позиции обеих компартий все более сближаются.

То, что в самоуправляющихся штатах одной страны у власти находятся силы, классовые интересы которых зачастую диаметрально противоположны, несомненно, затрудняет деятельность центрального правительства. Но, к чести руководителей Индии, надо отметить, что они, провозгласив национальное единство основой политической жизни, действуют так, что дело почти никог-

да не доходит до острого конфликта между центральным и местными правительствами.

Индия — большая федеративная республика с огромным населением, поэтому центральному правительству приходится постоянно решать очень сложные задачи, связанные с глубокой религиозностью подавляющего большинства населения и существованием различных религиозных общин. Меньшинства, в первую очередь мусульмане, весьма озабочены тем, что они, по их мнению, не имеют достаточного веса в общественной жизни страны, и особенно экономической, ортодоксальные же индуисты опасаются, что переход «неприкасаемых» и других наиболее угнетенных слоев населения в ислам и христианство ослабляет позицию их религиозной общины.

Для работы в государственных учреждениях подбираются люди, представляющие различные религиозные общины.

Так как к высшим кастам принадлежит не более 15—20% жителей страны, политическим деятелям выгодно заручиться для своей партии поддержкой низших каст, *адиваси* (племен) и других многочисленных, но в течение веков наиболее угнетенных слоев населения. Поэтому, когда министром или даже главным министром штата становится кто-то из них, это еще не означает, что наиболее привилегированные социальные группы уступили свою главенствующую роль. Ведь все экономические рычаги — а это главное — остаются в их руках, ибо как центральное правительство, так и правительства штатов пока не могут добиться реального равенства возможностей для всех групп населения. Знакомясь с составом правительства штата, где у власти стоит Левый фронт, по фамилиям (они указывают на религиозную принадлежность и касту) можно видеть, что наиболее широко представлены высшие касты. Однако не стоит думать, что это плохо. Ведь, например, брахманы, составляющие не более двух процентов населения, всегда принадлежали к наиболее образованной части индийского общества. Стоит ли удивляться, что многие из них стали коммунистами.

Индийское общество и в наше время разделено на определенные социально-религиозные группы. Эти перегородки становятся все менее и менее ощутимыми. Сегодня невозможно представить себе политического деятеля, который отказался бы от общения со всеми слоями населения, включая членов низших каст. Однако принадлежность кандидата в парламент к наиболее широко представленной в данном округе социально-религиозной группе часто решает успех его избрания. Отрадно отметить,

что, несмотря на все эти сложности, система выборов всех ступеней обеспечивает стране политическую стабильность.

Советские индологи говорят, что понять Индию можно, если посетить ее по меньшей мере два раза. Мне посчастливилось побывать в Индии еще раз в конце 1985 года в составе делегации Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Эта поездка после необыкновенно богатой впечатлениями научной командировки 1978—1979 годов была как бы возвращением на вторую родину, какой для индолога является Индия. Сразу же вернулось то ощущение, с которым когда-то покинул страну: все в Индии так, как и должно быть, нечего удивляться. Вроде непривычны для нас категорические предупреждения на дорогах в местах, где недопустимы большие скорости. Если шофер не снизит скорость до пяти километров в час, его машина подпрыгивает, как на трамплине. После такого прыжка он никогда больше не посмеет послушаться этого неподкупного «индийского инспектора ГАИ», для которого все водители и все машины (включая автомобиль президента или премьер-министра) абсолютно равны. Если в этом месте нельзя превышать скорость — значит, нельзя! Это касается всех без исключения. Правда, на других участках дороги, в данный момент не контролируемых, дела обстоят по-другому. Так, на отрезке Дели — Агра, где то и дело проносятся мощные грузовики, иногда случаются аварии. Но в этом скорее виновата не скорость, а то, что машины страшно перегружены и водители находятся сутками в пути.

В Раджастанхана наша «Тойота» мчалась со скоростью более ста километров в час. Мимо проносились, как в калейдоскопе, караваны верблюдов, женщины в красивой яркой одежде, ремонтировавшие дорогу, множество павлинов, то в одиночку, то небольшими стайками чинно прогуливавшихся по обочинам... И если со всем этим я уже был знаком ранее, то для моего спутника — министра мелиорации и водного хозяйства Латвийской ССР — все было в новинку. Я же вернулся в привычную среду, где провел десять месяцев, насыщенных работой и атмосферой необыкновенности.

Но прав ли я? Пожалуй, нет. Индия может перестать поражать индолога красотами природы и деталями жизни, но не устанет изумлять тем, что является ее глубочайшей сутью — связью прошлого и настоящего. Особенно наглядно это проявляется в Раджастанхана. Ведь здесь чуть ли не на протяжении всей истории страны индуистские правители неистово воевали между собой,

с мусульманскими завоевателями и английскими колонизаторами. И хотя XX век властно вторгся в жизнь Индии, в сознании многих индийцев еще жива мысль о том, что если соблюдать нормы поведения, о которых говорили мудрецы прошлого в своих сочинениях — «Ригведе», упанишадах, «Махабхарате», «Рамаяне», то приблизится «золотой век». Данью уважения к старинным традициям являются священные коровы, прогуливающиеся по улицам Ахмадабада, Джодхпура, Джайпура и других городов. Правительству и теперь еще приходится заниматься вопросами, связанными с защитой этих животных. Так, в июле 1979 года гандист Виноба Бхаве объявил голодовку с целью заставить центральное правительство принять эффективные меры и запретить убивать священное животное. Этот вопрос во всеиндийском парламенте не был снят с повестки дня и в 1985 году.

Мне показалось, что теперь люди в Индии живут несколько лучше, чем шесть лет назад, и на улицах меньше нищих. Бросалась в глаза новая деталь — реклама товаров, произведенных иностранными фирмами в сотрудничестве с индийскими предприятиями, — автомашин, мотоциклов, телевизоров, радиоприемников, фотоаппаратов. Раньше, когда я жил в Индии, нельзя было не заметить, что в магазинах продавали товары, произведенные только в Индии. Конечно, в Калькутте или Бомбее на черном рынке можно было и тогда купить японские транзисторы, магнитофоны и фотоаппараты, южнокорейскую обувь и американские лезвия. Но подобная торговля не была обширной и происходила главным образом в портовых городах, где действовали контрабандисты.

Качество изделий не всегда было одинаково высоким. У меня, например, создалось впечатление, что в Индии трудно купить такую дорожную сумку, которая после недолгого пользования не порвалась бы. Очевидно, при их производстве не учитывался вес предметов, которыми пользуются европейцы в отличие от среднестатистического индийца, которому обычно нечего класть в подобную сумку. Были чересчур хрупкими и ломались в руках и некоторые электротовары. Совсем другое дело — традиционные экспортные товары! Думаю, что любая, даже самая утонченная европейская женщина в крупных городах — Калькутте, Бомбее и Дели — может найти все, что душе угодно. Во всяком случае, модное платье для нее за два дня могут изготовить в одной из многочисленных портняжных мастерских, где, кстати, имеются в изобилии самые последние французские, американские, английские журналы мод.

Все время растет экспорт украшений, что дает стране много столь необходимой валюты. Самые изысканные изделия из золота, серебра, драгоценных камней, самоцветов, чеканка, резьба по дереву вызывают неподдельный интерес иностранных туристов. Они вполне могут украсить любую квартиру или стать дополнением к наряду любой женщины.

Человеку, на какое-то время являющемуся гостем Индии, кажется, что в стране много иностранцев. Это ложное впечатление возникает, возможно, потому, что в Индии туристы приезжают в основном лишь зимой, то есть в ноябре—феврале. Лишь 651 миллион долларов дохода получила Индия от иностранного туризма в 1981 году. Такие небольшие по сравнению с ней страны и территории, как Гонконг, Израиль, Саудовская Аравия и Тайвань, получают от туризма намного больше валюты. Советским туристам, побывавшим в Индии, эта страна кажется раем, созданным для любования памятниками культуры и экзотической природой. Но не так думают люди, которые приезжают в Индию работать: непривычны для них климат и еда, существует возможность заболеть тропическими болезнями, если не соблюдать правил гигиены. Все это отпугивает туристов-одиночек, которые не могут себе позволить жить в благоустроенных и, следовательно, дорогих гостиницах.

Индия за свои четыре — четыре с половиной тысячи лет существования — если историю страны начать со времени расцвета цивилизации долины Инда — прошла через многие этапы развития, ассимилировала многие народы и синтезировала разные культуры, оставаясь в то же время глубоко своеобразной, самобытной страной.

ТРУДНОЕ РАЗВИТИЕ

Встав на путь независимости, Индия стала быстро развиваться. В 1983/84 году национальный доход страны по сравнению с 1950/51 годом утроился. То же самое произошло и в производстве зерна. Урожай составил около 150 миллионов тонн в году. Теперь промышленность производит в три с половиной раза больше товаров, чем в 1950/51 году. Выплавка стали и производство цемента за последние четверть века увеличились в десять раз, выработка электроэнергии — в двадцать. Появились новые отрасли промышленности, среди которых выде-

ляются нефтедобывающая (ее продукция составляет 26 миллионов тонн в год) и электронная. По числу ученых Индия стоит на третьем месте в мире после СССР и США. Десять тысяч научных работников заняты только проблемами освоения космоса. Общеизвестно, что первые спутники Земли Индия запустила при технической помощи СССР, а в 1980 году индийские ученые и рабочие создали первый спутник собственными силами.

Мне довелось близко познакомиться с работой Индийского сельскохозяйственного исследовательского института в Дели. В нем работают 5 тысяч человек. Институт располагает прекрасными лабораториями с современным оборудованием. Сотрудниками института выведены новые, высокопродуктивные сорта низкорослой пшеницы, риса, гороха, хлопчатника, горчицы, овощей, фруктов (среди них особый интерес представляют новые разновидности манго и папайи).

Говоря о промышленности, важно отметить, что в стране теперь производятся почти все необходимые товары, в том числе машины. Индийские железнодорожные вагоны и локомотивы идут даже на экспорт. По асфальтированным дорогам страны катят разнотипные автобусы, созданные в Индии, начиная с дешевых и менее удобных и кончая транспортными средствами серии «de lux» и «super de lux».

Все это стало возможным после создания национальной тяжелой промышленности и мощного государственного сектора. Ведь ни у кого из индийских богачей в начальный период обретения страной независимости не было таких капиталов, чтобы построить гигантские заводы. Но главное — тяжелая промышленность для большого бизнеса не представлялась достаточно прибыльной и выгодной отраслью с точки зрения вложения капитала. В государственном секторе Индии в основном добывают уголь, плавят сталь, алюминий, медь, производят продукцию тяжелого и легкого машиностроения, локомотивы, самолеты, суда, нефтяные продукты, товары химической промышленности. В их ведении находятся железные дороги.

На полях Индии в середине 1980 года работало около 250 тысяч тракторов (в основном сконцентрированных в Пенджабе, Харьяне и некоторых других штатах, где поля обширнее); около 220 тысяч деревень (из общего количества пятисот семьдесят тысяч) электрифицированы. В результате так называемой «зеленой революции» значительно улучшены сорта зерновых, повысилось плодородие почвы, вносится значительно больше минеральных удобрений, а по приросту обводненных

земель Индия в последние годы превосходит все страны мира. Но для обводнения полей не хватает существующих запасов пресной воды. Поэтому в последние годы в основном используют «малую ирригацию», то есть бурение скважин и обводнение полей грунтовыми водами. Несмотря на увеличение пахотных земель, в условиях быстрого роста населения на одного жителя приходится все меньше земли: в 1951 году на каждого индийца оказывалось 0,34 гектара, а в 1971 году — лишь 0,25 гектара. Теперь в Индии больше не умирают от голода, как это было еще в недавнем прошлом. В 1942 году в Восточной Бенгалии от голода в течение нескольких месяцев погибли миллионы людей и на улицах Калькутты лежали трупы, словно во время чумы.

Значительно развился и транспорт за 70—80-е годы: общая длина железных дорог возросла на 4 тысячи километров и достигла 60 700 километров. На смену паровозам постепенно приходят электровозы и тепловозы. По 29 тысячам километров шоссейных и миллиону трехстам тысячам километров грунтовых дорог уже в 1979 году катило свыше 3 миллионов моторизованных транспортных средств (в 1961 году их было только 665 тысяч). По основным магистралям и днем и ночью осуществляются транзитные перевозки грузов, а по асфальтированным и пыльным сельским дорогам в основном движутся запряженные буйволами и волами повозки на двух больших колесах. В конце 1985 года три четверти необходимой для тяги энергии приходилось на быков, буйволов, верблюдов и лошадей. Самолеты слишком дороги, и их очень мало (в гражданской авиации в 1979 году имелось только 66 лайнеров). Не могу припомнить, чтобы хоть раз их видел в небе Шантиникетона, которое простиралось надо мной семь с половиной месяцев.

Претворяя в жизнь свои пятилетние планы, Индия все время широко сотрудничает с Советским Союзом. С помощью нашей страны были созданы многие предприятия госсектора, обеспечивающие экономическую независимость. Это сотрудничество началось еще в 50-е годы при строительстве металлургического завода в Бхилаи. Затем были построены заводы тяжелого машиностроения в Ранчи, тяжелого электрооборудования в Хардваре, антибиотиков в Ришикеше и др. Гигант тяжелой промышленности, «город стали», был создан в Бокаро. На его строительстве вместе с советскими специалистами работали шестьдесят тысяч индийцев. Сотни предприятий обеих стран выполняли заказы этого гиганта. Индийские газеты сообщали, что уже в середине 70-х годов предприятия, построенные с по-

мощью СССР, производили около 80% продукции тяжелой промышленности, 60% электрооборудования, 70% электроэнергии.

Индии очень выгодно, что она может платить за техническую помощь не иностранной валютой, а рупиями, за которые наша страна приобретает индийские товары. Важно отметить, что у Индии с нашей страной все время сохраняется положительный торговый баланс, то есть экспорт значительно превышает импорт. К тому же речь идет о значительных суммах, ибо в настоящее время торговый оборот с СССР составляет пятую часть всего торгового оборота Индии.

К 1990 году наша страна станет основным торговым партнером Индии (в настоящее время эту позицию занимают США). Мы покупаем 40% экспортируемого Индией чая, 35% кофе, 30% табака, 60% обработанной кожи, 90% шерстяной пряжи, 23% технического оборудования, 20% продовольственных товаров. Договор от 23 декабря 1985 года, подписанный между обеими странами, предусматривает увеличение торгового оборота в полтора-два раза. Возрастет импорт в СССР текстильных изделий и одежды, химикатов и лекарств. Из Советского Союза в Индию будет все больше поставляться нефти, удобрений, цветных металлов, промышленного оборудования.

Самое крупное за всю историю советско-индийских отношений соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве было подписано в ноябре 1986 года во время официального дружественного визита Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Индию.

В соответствии с этим соглашением Советский Союз согласился оказать содействие Индии в сооружении гидроэнергетического комплекса в Тери, реконструкции и модернизации металлургического завода в Бокаро, строительстве четырех угольных шахт на месторождении Джария и проведении комплексной разведки углеводородов на суше в Западной Бенгалии.

Индия нуждается в увеличении объема экспорта, чтобы закупать за рубежом нужные ей товары. В 1982 году страна продала товаров лишь на 7,6 миллиарда долларов, в то время как небольшой по численности населения Сингапур заработал на экспорте 20,7 миллиарда, Гонконг – 20,9 миллиарда и Южная Корея – 21,7 миллиарда долларов. В течение последних лет Индия закупает значительно больше товаров, чем продает, и бюджет возможно сбалансировать лишь благодаря денежным поступлениям от индийцев, живущих в других странах.

Индийские газеты и журналы много и в основном положительно пишут о новом, седьмом пятилетнем плане, основная

цель которого — достичь стабильного роста всех отраслей хозяйства и приблизить, как говорят в Индии, «мечту Раджива»), а именно чтобы в начале XXI века все (или почти все) были сыты, чтобы у людей имелась крыша над головой, работа, а страна в целом производила почти все нужные ей товары такого качества, чтобы они могли завоевать и международный рынок.

В седьмой пятилетке предусмотрен рост сельскохозяйственной продукции на 2,5% в год (в 1965—1973 годах он составлял 3,7%, в 1973—1983 годах — 2,2%). Объем продукции некоторых отраслей народного хозяйства, как, например, транспорта, должен увеличиться на 7,1% в год. Снабжение газом и водой возрастет на 7,9%; добывающая и перерабатывающая промышленность будет давать продукции на 6,8% больше. Ежегодный прирост национального продукта должен намного увеличиться и достичь 6%.

Эта программа, хочется верить, будет выполняться, хотя и более скромные цели предыдущей пятилетки по ряду показателей достигнуты не были. Особенно болезненно на народном хозяйстве сказывалось быстрое увеличение импорта в 1985 году и сокращение экспорта, замедление производства стали и текстильной промышленности, трудности в добыче угля и особенно в производстве электроэнергии. Ее нехватка остается самым больным местом экономики Индии. В одном только Гуджарате в последние годы закрыто 26 текстильных фабрик, и 40 тысяч человек остались без работы.

Происходит быстрая концентрация частного капитала в руках ведущих монополистических объединений. Нехватка средств заставляет правительства отдельных штатов идти на шаг, последствия которого трудно предвидеть, — передачу большей части народного образования и здравоохранения из государственных в частные руки. Все экономические и социальные планы Индии составляются из расчета, что к 1996—2000 годам рождаемость не будет превышать 1,53% в год, то есть значительно понизится. Однако пессимисты думают иначе, и не без оснований. Между тем появляется новая проблема: врачи не хотят работать в сельской местности. 13 декабря 1985 года «Times of India» писала, что в штате Уттар-Прадеш сотни сельских больниц остались без врачей — не заняты 1404 докторских места. Газета высказывала сомнение, поможет ли изменить положение передача частному сектору больниц и центров здравоохранения, найдутся ли желающие взять на себя ответственность за них. Врачу в Индии работать нелегко, учитывая, что каждый в среднем дол-

жен обслуживать более трех с половиной тысяч человек. К тому же большинство жителей села не имеют средств для оплаты медицинской помощи.

Цены растут. Это больше всего чувствуют те, кто живет ниже «черты бедности». А таких, по одним данным 37%, по другим — 48% всего населения. Эти люди в конце 1985 года зарабатывали менее 3,6 рупии в день в деревне и менее 4,1 рупии в городе. Так как эти деньги уходят в основном на еду, стоит сообщить, сколько в конце 1985 года стоили основные продукты питания: килограмм риса — 3,84—4,5 рупии, сахара — 5,5—7,4, гороха — 6—7,5, картофеля — 1,5—2 рупии. Буханку белого хлеба в один килограмм можно было купить за 2 рупии.

Многим живется трудно. В Индии зарегистрировано 25 миллионов безработных, на самом деле их больше. Поэтому наряду с созданием высокопроизводительных предприятий индийское правительство должно думать и о том, как обеспечить работой огромную массу людей, готовых делать что угодно, лишь бы платили. И в седьмой пятилетке выделены значительные средства на оплату ручного, малопроизводительного труда.

Медленно ликвидируется неграмотность. Перепись населения 1981 года показала, что теперь в Индии 36,1% людей умеют читать и писать (46,6% мужчин и 24,8% женщин), то есть общее число неграмотных в связи с быстрым ростом населения не уменьшается, а растет. Хуже всего обстоят дела в таких больших штатах, как Бихар (грамотных 26%), Уттар-Прадеш (27,4%), Мадхья-Прадеш (27,8%), а также Раджастхан (24,0%), Джамму и Кашмир (26,2%). Больше всего грамотных в Керале (69,2%), Махараштре (47,4%), Тамилнаде (45,8%), Гуджарате (43,8), Западной Бенгалии (40,9%), Пенджабе (40,7%). В общем, Юг Индии «более образован», чем Север. На нужды образования в седьмой пятилетке будет выделяться 1,9% всех бюджетных ассигнований.

Если на образование по сравнению с рядом других развивающихся стран в Индии отпускается относительно меньше средств, то многое делается для повышения его качества. С этой целью в седьмой пятилетке планируется ассигнование 30 миллиардов рупий на покупку компьютеров для школ и 86 миллиардов рупий для создания образцовых школ в каждом областном центре, в которых обучение будет вестись на хинди или английском языке. Между тем создание таких школ, в которых 70% мест будет предназначено для детей сельских жителей, а прием будет осуществляться на основании разнообразных

тестов с целью отбора наиболее одаренных, приветствуется далеко не всеми.

Против идеи такого образования для немногих выдвигается в качестве главного аргумента то, что дети одного возраста не всегда достигают одинаковой умственной зрелости. Критики эксперимента призывают сохранить старую основу работы школ, при которой каждый ребенок считается потенциально одаренным.

Мне в свое время удалось ознакомиться с работой довольно многих начальных, средних и высших учебных заведений Индии. С первого по пятый класс образование во всем государстве бесплатное уже давно. Насколько мне известно, лишь некоторые штаты оказывают помощь школьникам в приобретении книг. Чтобы отправить ребенка в школу, необходимо его одеть, купить учебники и дать хотя бы полрупии на скромный обед. А откуда взять деньги бедняку? К тому же престиж образования страдает оттого, что процент безработных среди окончивших колледжи и университеты еще выше, чем среди других слоев населения. Правда, эти люди не особенно охотно берутся за работу, которую они считают неподходящей для себя.

В Индии нет единой системы образования. Существуют как государственные, так и частные (в том числе и миссионерские) школы. Учебная программа проще, чем у нас. В Западной Бенгалии, например, географию и историю школьники изучают крайне бедно. В результате редко кто из старшекласников знает, где находится Польша или Швеция. Дети начинают учиться в школе с шести лет. Первая ступень образования заканчивается пятым классом, вторая — восьмым, после чего можно продолжать учебу в технических школах или осваивать разные ремесла. Средняя школа — десятилетка. Но она не дает права на поступление в высшее учебное заведение. Для этого приходится учиться еще два года.

В вузы студентов принимают по конкурсу. Особыми привилегиями пользуются выходцы из низших каст, «неприкасаемые» и представители различных племен. В Гуджарате, например, этим людям отводят 31% всех вузовских мест. Реально столько кандидатов из их среды не набирается. К тому же прием студентов на облегченных условиях плохо отражается на общем уровне подготовленности выпускников, ибо преподаватели вынуждены приспособливаться к разному уровню знаний студентов. Не хватает хороших учебников, написанных индийскими авторами, поэтому по ряду специальностей с успехом используются советские. Студенты по уровню успеваемости подразделяются

на три категории, которые, разумеется, определяются результатами очередной сессии. Когда я жил в Индии, все экзамены были письменными, и поэтому долго приходилось ждать оценок. 13 января 1979 года газета «The Statesmen» поместила статью под заголовком «Требуют, чтобы результаты экзаменов объявлялись через 100 дней».

Не надо думать, что большинство индийских школ похожи на наши. Когда я впервые приехал в Дели в 1978 году, то наблюдал, как ребята учились вечером под уличным фонарем. Это, очевидно, была своего рода вечерняя школа. Нет подходящих помещений и для многих дневных школ. В Бенгалии не раз приходилось наблюдать, как дети учатся под открытым небом, причем разные классы одновременно у одного учителя.

Некоторые высшие учебные заведения, с которыми мне удалось познакомиться, как, например, Индийский технологический институт в Кхарагпуре, хорошо оснащены всеми необходимыми лабораториями. При институте есть хорошие общежития и дома для преподавателей. Не имеют университетских городков лишь самые старые университеты, находящиеся в центре больших городов — Калькутты, Бомбея, Мадраса. Плата за обучение в вузах зачастую невысокая — иногда всего 15–20 рупий в месяц. Число студентов в Индии достигло к 1986 году 2,7 миллиона.

Во время своего пребывания в Индии я регулярно просматривал многие центральные газеты. Это, как правило, издания на многих страницах большого формата, помещающие информацию обо всем на свете. Разумеется, много места отведено рекламе. Общий тираж всех индийских газет, выходящих на 84 языках и диалектах, составляет 51 миллион экземпляров. Ежедневная пресса на хинди выходит тиражом 3,6 миллиона экземпляров, на английском языке — 3,3 миллиона. Наиболее читаемые газеты — «Times of India» (0,5 миллиона экземпляров), выходит одновременно в нескольких городах и бенгальская «Анондо бадисар потрика» (0,4 миллиона экземпляров). Из еженедельников наиболее значителен тираж у издания на языке малаялам (0,5 миллиона экземпляров). Многие газеты, особенно англоязычные, гордятся столетним и еще более давним существованием, и читателям об этом постоянно напоминают.

По числу изданных книг Индия намного превосходит такие страны, как Испания, и находится примерно на одном уровне с Чехословакией, Польшей, Венгрией, Данией и Финляндией. Один из лучших бенгальских поэтов рассказывал мне в 1979 году, что за свою книгу стихов он получает 700–800 ру-

ний, то есть по ценам того времени — месячную зарплату начинающего преподавателя вуза. Поэтому профессиональных литераторов в Индии мало.

В последние годы широкое распространение получили радиовещание и телевидение. По официальным (мне кажется, весьма оптимистическим) данным, радиопередачи слушают до 80% населения. Когда я покидал Индию в 1979 году, в городских домах и лавках часто звучало радио и его передачи могли слушать даже бездомные, которые ютились на тротуаре (только в Калькутте их насчитывалось тогда не меньше 0,8 миллиона). Что касается деревни, то радио там можно было услышать редко. Как бы то ни было, оно доходит до большинства людей еще и потому, что передачи ведутся на 21 языке и 246 диалектах.

В последние годы значительно возросла роль телевидения. Построено 183 ретрансляционных телецентра, обслуживающих территорию, на которой проживает 70% населения страны. Индия имеет также спутниковую телевизионную принимающую систему. Передачи цветного телевидения ведутся только с 1982 года. Цветные телевизоры рекламируются на каждом углу. И не зря: качество их высокое, хотя экраны небольшие. В 1981 году (более свежих данных я не встречал) в Индии было продано 1,2 миллиона радиоприемников и около 0,6 миллиона телевизоров. Телевизор — вещь слишком дорогая, чтобы он стал доступен большинству населения.

У меня не было времени регулярно смотреть телевизор или слушать радио. Но хотелось бы остановиться на том, о чем писали индийские газеты перед моим отъездом из страны — в середине декабря 1985 года.

Самые широкие слои общественности поддерживают как внутреннюю, так и внешнюю политику премьер-министра Раджива Ганди. Он очень популярен в народе. Правда, слышны и голоса недовольных. Одни критикуют премьер-министра за слишком широкое вовлечение в индийскую экономику иностранных фирм и покупку дорогостоящих иностранных лицензий в тех случаях, когда имеются невнедренные отечественные изобретения. Другие выражают недовольство тем, что впервые в истории независимой Индии в седьмой пятилетке больше государственных бюджетных средств ассигновано на нужды частного, а не государственного сектора. Правда, представители индийской финансово-индустриальной верхушки считают, что интересы Индии требуют еще более широкого использования иностранного капитала и технологии.

Следует заметить, что деятельность зарубежных фирм рег-

ламентируется: им разрешается иметь не более 40% всех акций предприятий, создаваемых совместно с индийскими, вывозить из страны строго лимитированные суммы. К тому же индийское правительство настаивает на том, чтобы по возможности все вспомогательные отрасли производства были расположены в Индии, чтобы меньше материалов ввозилось из-за границы. Поэтому посол Японии Такуми Хосаки 16 декабря 1985 года выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что его страну не очень привлекает сотрудничество с Индией. Не знаю, можно ли ему верить, ибо на дорогах Индии уже много машин японской марки. Нам рассказывали, что первый малолитражный легковой автомобиль «Марути-Судзуки» сошел с конвейера всего лишь через два года после того, как было подписано соответствующее соглашение. Еще быстрее японские фирмы внедряются в производство электроники. Все же это им, по-видимому, выгодно. Пресса сообщала, что в первые восемь месяцев 1985 года было заключено 687 договоров о сотрудничестве с иностранными фирмами, то есть почти столько же, сколько за предыдущие пять лет. В это же время стоимость лицензий, закупленных в США, возросла с 500 до 1 200 миллионов долларов.

Много внимания уделяют индийские газеты внутривнутриполитическим вопросам. Они сообщают о беспорядках и террористических актах в Пенджабе, о время от времени вспыхивающих столкновениях между индуистами и мусульманами. Вскрываются все новые и новые нарушения финансовой дисциплины частным капиталом. В 1986 году, кажется впервые в истории независимой Индии, было арестовано несколько крупных бизнесменов за неуплату налогов и контрабанду.

Судя по тону газет, чувствовалась всеобщая поддержка внешней политики Раджива Ганди, суть которой заключается в последовательном неприсоединении к военным блокам, противодействию империализму, расизму и неокOLONиализму, борьбе за свободный от ядерного оружия ненасильственный мир, в укреплении дружбы с Советским Союзом. Индия выступает против милитаризации космоса и Индийского океана. Страна, которая испытывает большую нужду в средствах, тем не менее оказывает Вьетнаму продовольственную и финансовую помощь, изыскивает возможности помочь борющейся против наемников США Никарагуа, осуждает агрессивную политику Израиля и т.д. Выражая мнение широких слоев общест-венности, крупнейшие газеты поддерживают действия правительства по урегулированию отношений с соседними странами и в частности Пакистаном. Много пишут о больших политичес-

ких и экономических переменах в Китае, сравнивают хозяйственные показатели и темпы роста обеих стран, которые почти во всех отношениях убедительно говорят в пользу Китая, за исключением производства молока, сахара и некоторых других продуктов питания.

Размышляя о внутренней и внешней политике Индии, нельзя не вспомнить о первом выступлении Раджива Ганди по радио 12 ноября 1984 года, на второй день после того, как прах Индиры Ганди был развеян над величественными Гималаями. Тогда он говорил, что секуляризм является основой Индии как страны: «Он включает в себя активные усилия по обеспечению гармонии... Есть только одна Индия, и она принадлежит всем нам». И борьба за единство страны является одним из основных направлений деятельности нового правительства. Премьер-министр высказал свою приверженность плановому хозяйству, непрерывной модернизации экономики, искоренению бедности.

Индия развивается экономически, сплачивается социально, приобретает все больший авторитет среди других народов. Не это ли было мечтой ее великих вождей — Мохандаса Карамчанда Ганди и Джавахарлала Неру?

СОЮЗ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ

Индия является федеративной республикой. Ее штаты, а также союзные территории, находящиеся в прямом подчинении центрального правительства, большей частью образованы исходя из сложившегося расселения основных этнических групп населения. По данным переписи 1981 года, самый крупный из них — штат Уттар-Прадеш (111 млн. жителей, в основном говорящих на языке хинди). На втором месте по численности жителей стоит штат Бихар (69,8 млн.), также хиндиязычный. За ним следуют Махараштра (62,6 млн.), в котором большинство жителей говорит на языке маратхи, Западная Бенгалия (54,4 млн., основной язык — бенгальский), Андхра-Прадеш (53,4 млн., язык телугу), Мадхья-Прадеш (52,1 млн. с хиндиязычным населением), Тамилнад (48,2 млн., тамильский), Карнатака (37,0 млн., каннада), Раджастхан (34,1 млн. говорящих на языке хинди), Гуджарат (34,0 млн., гуджарати), Орисса (26,2 млн., ория), Керала (25,4 млн., малаялам), Химачал-

Прадеш (4,2 млн., хинди и другие языки), Джамму и Кашмир (5,9 млн., кашмири и хинди), Харьяна (12,8 млн., хинди), Пенджаб (16,2 млн., панджаби), Ассам (19,9 млн., ассамский). Штаты и территории с наименьшим числом населения: Сикким (0,3 млн.), Нагаленд (0,8 млн.), Мегхалая (1,3 млн.), Манипур (1,4 млн.), Трипура (2,0 млн.).

К концу 1986 года население Индии достигло 750 миллионов человек. Прирост — 1,9% в год, или приблизительно 14 миллионов. Рождаемость имеет тенденцию снижения (в 70-х годах — 2,23%). Однако увеличивается и средняя продолжительность жизни. В настоящее время она составляет 54 года. Усилия государства по планированию семей не дают желанного успеха. Слишком большой прирост населения все еще вносит свои негативные коррективы в программы повышения жизненного уровня людей, борьбы с бедностью.

Естественно, что между штатами нет пограничных застав, люди могут свободно переезжать из одного региона страны в другой, из села в город и наоборот. Однако при перевозке грузов из штата в штат необходимо платить пошлину.

В любой части Индии можно услышать разговор на всех наиболее распространенных языках страны. Особенно многонациональны крупные города: Калькутта, Бомбей, Дели и Мадрас. В каждом штате основное внимание уделяется развитию местного языка и культуры.

Потомки индоарийцев составляют примерно две трети населения страны. Они более или менее смешались с другими народами и племенами, жившими в Индии до них, но у них сохранился более светлый цвет кожи, чем у остальных жителей страны. Некоторые брахманы светлокожие. Когда в Риге я сопровождал одного индийского профессора на театрализованное представление праздника Лиго, участники художественной самодеятельности, примерно зная место, где находится гость, по завершении концерта хотели возложить не на него, а на меня венок из листьев дуба.

Бенгальцы, живущие в самой восточной части страны, отличаются более темным цветом кожи, чем народы Северо-Западной Индии. Люди Южной Индии — дравиды — еще смуглее. Многие мелкие племена, разбросанные по всей стране, родственны дравидам. В Индии есть и народности тибето-бирманского происхождения. Они населяют склоны северных и северо-восточных гор — шерпы, нага и др. Значительное влияние на этнический состав страны оказывали различные захватчики, которые почти на протяжении всей истории шли в Индию с северо-запада.

Среди них — гунны, арабы, персы, афганцы. Но большая часть потомков мусульманских захватчиков мало смешалась с коренными народами субконтинента. Это больше всего заметно в Кашмире, где живут мусульмане и индуисты. По внешнему виду и одежде они резко отличаются друг от друга.

Жители различных районов Индии отличаются по внешнему облику, а иногда также по темпераменту. Гуджарат и Раджастан — соседние штаты, но если раджастанцы обычно выделяются крепким телосложением, а в прошлом — воинственным характером, то гуджаратцы — невысокие доверчивые люди, они всегда гораздо охотнее торговали, чем воевали. В Бенгалии индуисты высших каст едят не только яйца и рыбу, но и баранину и козлятину. Это недопустимое прегрешение для жителей Южной Индии, которые в основном вегетарианцы. В Калькутте в автобусе или на улице иногда возникают жаркие перебранки. А в других городах, особенно на Юге, люди во всех ситуациях уравновешенны, как дипломаты, и отличаются такими изысканными манерами, словно придворные королевских домов Европы XVII—XVIII веков. Если ваши действия им покажутся неприемлемыми, они никак не выскажут своего недовольствия вслух.

Очень различна одежда индийцев. Бенгалки, например, даже в горах ездят на пони или идут пешком в своих красивых сари, края которых чуть не волочатся по земле. Когда я осмелился спросить одну из спутниц, не было ли удобнее в данном случае воспользоваться брюками, она ответила, что, конечно, жалко забрызганного грязью наряда, да и ходить по горам в нем неудобно, но ничего не поделаешь — всю жизнь она не знала другой одежды. Женщины Северо-Западной Индии нередко носят и сари и шаровары, сверху надевая иногда и юбку. В соседнем с Бенгалией штате Орисса сари короткие — чуть ниже колен. Мужчины (особенно бенгальцы) носят дхоти — особым образом обмотанную вокруг бедер и туловища тонкую ткань, нижняя часть которой ниже колен. В такой одежде в жаркое время ходят и ректор университета, и знаменитый поэт, и главный министр штата Западная Бенгалия. Бенгальские мусульмане щеголяют в белых тонких брюках.

Большая часть мужчин Южной Индии, так же как и Бенгалии, включая Калькутту, носят длинную, я бы сказал, юбку до земли, концы которой зачастую засовывают за пояс так, что становятся видны колени. В наши дни там в почете и европейская одежда, особенно брюки. В Бенгалии мужские пиджаки и рубашки шьют из легкой ткани разного цвета, даже пестрые;

а в Южной Индии — обычно из белой. Стройные и темнокожие южане в этих белых пиджаках и белых рубашках выглядят, несомненно, красивыми. В Гуджарате женщины носят яркие (обычно красного оттенка) широкие юбки, а мужчины — особого вида сюртуки (*ширвани*) поверх узких белых брюк. Головной убор раджпутов (раджастханцев-кшатриев) и сикхов — тюрбаны. Они такие громоздкие, что люди шутят: раджпуту большой тюрбан нужен для того, чтобы в случае необходимости он его мог размотать и, используя вместо веревки, достать воду из глубокого колодца. Для ношения тюрбана в Раджастхане разработан особый ритуал, различный для разных областей этого края. Объектом зубоскальства служат широкие юбки богатых женщин-раджпутанок, на пошив которых идет до 40—60 метров ткани.

По-моему, национальная индийская одежда замечательна, и жаль, что ее постепенно вытесняют платья и костюмы европейского образца. Мужчины в костюмах выглядят не так эффектно, а женщины в платьях лишаются той грации, которая так им свойственна. Думаю, нет в мире более подходящей одежды для любой женской фигуры, чем сари — этого особым способом обмотанного вокруг тела куска ткани длиной в 5—7 метров, отличающегося разнообразием тонов и рисунков. Стройную женщину сари слегка полнит, а у полной скрывает недостатки фигуры. Зато всех без исключения оно наделяет особой привлекательностью и красотой. Сари обматывают так, что один конец ткани остается свободным. Его можно перебросить через одно или оба плеча, накрыть им голову или спрятать лицо от взглядов прохожих. Сельские женщины, отправляясь за покупками в автобусе, завязывают в сари ключи и деньги. Цена красивого наряда различна — от нескольких десятков до нескольких тысяч рупий. Сари может быть из шелка или хлопка, в последнее время и из искусственной ткани.

Традиционная одежда индийской женщины насчитывает более 2 тысяч лет. Обычно для сари используют ткани ярких тонов, украшенные по краям орнаментом или цветами. Ткани, похожие на марлю, носят только вдовы и очень бедные женщины. Но надо признаться, что сари имеет и свои недостатки — в этой одежде нельзя бежать за трамваем или автобусом, не очень удобно в нем и работать.

В очень прохладную погоду горожане-мужчины надевают несколько видов верхней одежды — рубашку, джемпер и безрукавку. В отличие от нас индийцы рубашку не заправляют в брюки, она свисает до бедер. Сельские жители часто обходятся

набедренной повязкой, шароварами или одними брюками. Обычно крестьяне ходят с непокрытой головой, даже в самую жару. Только в Ориссе можно видеть шляпы из пальмовых листьев, защищающих от солнца.

Создается впечатление, что насчет обуви люди в Индии особо не задумываются. Многократно приходилось видеть — покупатель заходит в магазин, примеряет и без долгих размышлений берет. Но часто ее и не надо примерять, так как обувь обычно примитивна — она состоит из подошвы и нескольких полосок кожи или ее искусственного заменителя. В Кашмире, где зимой бывает холодно, бедняки вместо туфель иногда оборачивают вокруг ноги пучки соломы. Подавляющее большинство ходит босиком и в селе, и в городе; работают без обуви даже на соляных полях. Так дешевле. Однако в штате Раджастхан обуты даже батраки.

Каждый штат имеет свою историю, которой он гордится и которая определяет характер людей и их поведение. Штаты, естественно, неодинаково богаты природными ресурсами. Огромные различия в социально-историческом и экономическом развитии имеются даже среди местностей одного штата. Например, в районе Хаура рядом с Калькуттой сконцентрировано так много промышленных предприятий, как нигде в Индии. Количество рабочих здесь достигает 250 тысяч человек, многие из них — выходцы из сельских районов Бенгалии. В то же время земледельцы других, отдаленных районов Бенгалии даже толком не представляют, как работают сеялки, жатки и молотилки. Поэтому столь различен в разных районах уровень жизни. В начале 70-х годов доходы на одного жителя в Пенджабе были в два с половиной раза выше, чем в Ориссе и Бихаре, и в два раза выше, чем в соседнем штате Раджастхан. С развитием промышленности и транспорта постепенно стираются внешние различия между отдельными штатами и областями Индии, но различия в темпах их развития сохраняются.

Конституция республики признает пятнадцать главных языков, но на самом деле их намного больше. По данным переписи населения 1961 года, в Индии было 1652 языка и диалекта. Официальным государственным языком является хинди, вторым до 1965 года считался английский. Наступил 1965 год, когда хинди должен был полностью заменить английский, но это вызвало такое недовольство в ряде штатов, что решение пришлось отложить. Да и сейчас ситуация не изменилась.

Когда еще правительство Морарджи Десаи пыталось на практике утвердить хинди в качестве государственного языка,

то есть ввести его изучение в школах и применять во всех государственных учреждениях, поднялась волна протестов во многих штатах, за исключением Уттар-Прадеша, Харьяны, Мадхья-Прадеша, Бихара, Раджастан, где хинди является ведущим языком. Но даже в рамках этой обширной зоны имеет место движение за лингвистическую и территориальную автономию отдельных диалектов хинди. Яркий пример того — диалекты раджастан и майтхили. Хинди своим родным языком считают не более 40% всех жителей Индии, хотя многие и понимают этот язык. Для южных же индийцев (тамилы, телугу, каннада, малаяли, чьи языки родственны) хинди лингвистически очень далек. И в школах там официальный государственный язык изучается неохотно, и я не могу даже представить, что могло бы заставить тамошних жителей сменить привычный английский на хинди. Бенгальцам нетрудно понять хинди, потому что их язык, так же как гуджарати, маратхи, панджаби, ория и ассамский, относится к одной и той же группе языков (подобно тому, например, как многие европейские языки относятся к романским или славянским). Но в школах Западной Бенгалии изучают свой родной язык и английский. Хинди для школ этого штата не является обязательным.

Один из президентов Индии — тамил Сарвапали Радхакришнан не знал языка хинди — государственного языка. Действительно парадоксальная ситуация, которая, кажется, возможна лишь в Индии.

Я спрашивал многих южноиндийцев и бенгальцев, почему они не хотят изучать хинди, и всегда получал один и тот же ответ:

— Конечно, хорошо быть патриотом своей страны, но что нам даст хинди? Никто же не может утверждать, что штаты, где говорят на хинди, в своем развитии опередили другие штаты. А английский нам открывает дверь в широкий мир.

Это очень веский аргумент, против которого трудно возразить. Против повсеместного внедрения хинди выступают и религиозные меньшинства. Дело в том, что нынешняя зона распространения хинди является колыбелью индуизма. Там родились первые варианты великих эпосов («Махабхарата») и («Рамаяна»), упанишады, литература раннего буддизма, сборник древних законов («Артхашастра»), «Законы Ману» и другая литература, которая и сегодня в значительной мере формирует мировоззрение индуистов. Человек, говорящий на хинди, о себе говорит:

— Я индиец.

Его сосед, родным языком которого является урду, независимо от места жительства утверждает:

— Я мусульманин.

Индийцем назовет себя только образованный мусульманин.

Проблема государственного языка является острой политической проблемой и потому, что введение хинди даст еще больше преимуществ тем, для кого это родной язык (все главные государственные учреждения находятся в столице Дели, где ведущее положение занимает язык хинди). Очевидно, что Индии следовало бы сделать хинди реальным государственным языком. Но пока это возможно только теоретически. Надо признать, что роль английского уменьшается в связи с тем, что в высших учебных заведениях все шире вводится язык соответствующего штата. Вывески магазинов, надписи на железнодорожных и автобусных станциях в Северной Индии чаще всего делаются только на хинди. Чтобы что-то узнать, необходимо обращаться к людям среднего возраста, так как молодежь говорит по-английски плохо. В условиях Индии, когда английский теряет свои позиции, а хинди их еще не завоевал, отсутствие объединяющего всю страну, всем понятного языка очень осложняет общение людей. Ни санскрит, ни фарси (ставший государственным языком в IX—XIII веках, когда Индию покорили мусульманские завоеватели), ни английский, которым никогда не владело более двух процентов жителей страны, не были понятны большинству индийского народа. В наши дни, когда контакты между различными областями одной страны становятся все теснее, нельзя обойтись без единого, всем понятного языка. Только будущее покажет, как Индия сумеет до конца разрешить этот сложный вопрос.

Эта страна — конгломерат народов с различными обычаями и верованиями. Существуют объективные противоречия между классами и политическими партиями. В Уттар-Прадеше, Махаращре, Дели и Раджастане сильны позиции Индийского национального конгресса и правых партий, а в Западной Бенгалии постоянно находится у власти блок левых сил. Юг, населенный дравидами, нередко с недоверием относится к индоарийскому Северу, особенно к хиндиязычным штатам, в руках которых концентрируется ядро политического управления страной (хотя в органах законодательной и исполнительной власти всегда представлены все регионы страны). Не утихают происки подрывных сепаратистских группировок в Пенджабе. Происходят столкновения между различными религиозными общинами, шумные кампании под предлогом «защиты» той или иной

религии, тех или иных каст, этнических групп. Следует в то же время отметить, что основные причины беспорядков — разница в имущественном положении отдельных народностей и религиозно-социальных групп, а также миграция населения, вследствие чего коренная народность какого-то штата теряет свои позиции (как это уже произошло в Трипуре). Правительство Индии, правящая партия ИНК(И) пытаются активно противостоять экстремистским акциям, выдвигают и осуществляют программу укрепления единства Индии, ее конституционных основ, заложенных Джавахарлалом Неру.

За последние годы были достигнуты важные соглашения по урегулированию многолетних конфликтов в Пенджабе, Ассаме, Кашмире, Мизораме. Необходимы усилия всех сторон, чтобы их осуществить и вместе с тем сорвать планы и замыслы экстремистов внутри Индии и внешних врагов, пытающихся подорвать целостность страны, еще более разжечь междоусобные распри.

Одной из проблем, которой постоянно должно заниматься центральное правительство, является требование отдельными штатами большей самостоятельности, чтобы на их территории все главенствующие посты в области экономики, социальной жизни и культуры принадлежали представителям национально-го большинства. Небоскреб Таты в Калькутте возвышается над другими зданиями и подавляет их своим величием. Бизнесменов же менее значительных и финансистов, прибывших из других краев, местные деятели пытаются вытеснить или хотя бы ограничить свободу их действий.

Нация большинства зачастую господствует в административном аппарате даже в тех районах штата, где национальные меньшинства составляют большинство. Например, приезжая в пригималайский город Дарджилинг, легко заметить, что непальцы и тибетцы являются его основными жителями, но владельцы крупнейших магазинов, высшие чиновники и даже полицейские в основном бенгальцы, потому что они образованнее, более опытные в вопросах бизнеса и в делах управления государством. Не надо удивляться, что в последнее время и в этой части Индии появились сильные сепаратистские тенденции.

Словом *адиваси* («коренной житель») в Индии официально обозначают людей, принадлежащих к племенам, которые населяли страну до прихода индоарийцев. Адиваси живут в разных концах страны. В течение веков и тысячелетий они постепенно оттеснялись все дальше от плодородных долин, загонялись в леса, в горы, в места, мало приспособленные для земледелия.

Но мифология и божества адиваси частично проникли в индуизм. Еще несколько столетий назад некоторые богатые вожди племен получили доступ в высокую касту властителей и воинов-кшатриев. Издревле коренные жители Индии и «культурные» народы враждовали между собой потому, что адиваси не хотели смириться с положением угнетенных. Они нападали на индоарийские поселения, убивали или угоняли скот. Никто толком не знает, сколько же их. Предполагают, что около 50 миллионов. Обычно их именуют гораздо менее почетным именем tribals — «люди племен». Они в основном говорят на языках, относящихся к дравидской группе языков.

Полагают, что адиваси по общественному положению и внутренней организации социальной жизни довольно близки к индуистским «неприкасаемым», большая часть которых также относилась к коренным жителям Индии. В религии этих двух социальных групп много общего, например смешение первичных культов и верований с индуизмом. Для них характерны изолированность от остального мира, большее социальное равенство в пределах одного племени или группы, чем среди высших каст, заметная свобода женщин во всех сферах жизни, вера в духов, колдунов и различные сверхъестественные явления. Например, в штате Орисса горные народности (составляющие 25% от общей численности жителей штата) питаются тем, что им дают дары леса и полей. Они ловят рыбу, собирают в лесах плоды и корни, выращивают кукурузу, рис, горох, табак, перец, охотятся с самодельными луками и копьями; зачастую получают огонь трением одной палочки о другую, поэтому стараются хранить его круглые сутки. В некоторых местах горные племена занимаются лишь меновой торговлей и не признают денег. Все исследователи, которые пишут о племенах Индии, отмечают, что они чистоплотны, честны, чрезвычайно трудолюбивы и невероятно бедны.

Мой друг антрополог Ронджит Бхоттачарджо неоднократно предлагал поехать мне вместе с ним на несколько дней к горным индийцам в Бихар. Предложение было очень заманчивым. Конечно, в такое рискованное путешествие вряд ли меня отпустило бы начальство Вишвабхарати (будучи озабочено тем, чем я буду там питаться, где спать и т.д.), да и у меня самого не хватило бы духу отправиться в горы и леса. Ведь началась жара, а вместе с ней и сезон змей. Но одно из племен — санталы — живет в окрестностях Шантиникетона. Я бывал в их семьях. Близко познакомился с санталом — единственным за все эти годы представителем племени, закончившим университет Виш-

вабхарати. И хотя при основании этого университета предполагалось просвещать жителей окрестных деревень, в том числе санталов, образование практически могут получить лишь богатые. Мой знакомый (его имя забыл записать и теперь уже не могу вспомнить) один из немногих санталов, которым принадлежит крупный земельный надел. Только поэтому он мог учиться.

Темнокожий, кудрявый, красивый и сильный юноша недавно женился на девушке из касты брахманов и был горд, что сделал это наперекор всем запретам общества. Он сказал мне, что санталы и другие коренные жители Индии находятся на самой низкой ступени социальной лестницы, потому что у них нет никакого другого имущества, кроме одной смены одежды, хижины без мебели и любви к своей семье и народу.

Санталы являются самым крупным коренным народом в Индии, живущим на северо-востоке страны. Кроме того, они есть в Бангладеш и Непале. У санталов сильно выражено чувство общности, как у наших цыган. Леонард Элмхерст, сотрудник Р. Тагора в Шриникетоне — центре по улучшению экономики села, писал об этом народе: «Они чрезвычайно чистоплотны. Даже если пруд находится в пятидесяти ярдах от дома, они не поленятся пойти за водой к роднику или колодцу. Санталы выбирают для своих деревень только такое место, которое не затопляется, берегут свое здоровье, соблюдают чистоту и редко болеют малярией. Санталы почти никогда не преступают закон». О девушках этого народа он сообщал: «Формы их тела и пропорции — само совершенство. Гибкие и стройные, без единого грамма лишнего веса, они являют собой воплощение женственности. У них крепкие груди. Поскольку они носят на голове кувшины с водой, походка их легка, движения грациозны. Все они словно королевы».

Работая в мемориальной библиотеке Р. Тагора, я два дня наблюдал, как две такие «королевы» переносили на голове корзины с гравием. Одеты они были в скромные, похожие на короткое сари одежды. Девушки работали и пели. Они не переставали петь, наполняя широкие корзины наполовину, помогая друг другу поднять их на голову. С песней они удалялись. Глядя на идеально сложенные фигуры девушек, я думал о том, какую большую тяжесть они способны переносить. Неподалеку, в Болпуре, на стройке, женщины носят на голове 7—8 кирпичей. Домой (не менее чем 3—4 километра) они возвращаются, дружно взявшись за руки и распевая песни. Вечерами они, тоже с песнями, готовят ужин, стирают, штопают, а рано

утром песней начинают новый день. Я неоднократно бывал в деревнях санталов. Меня угощали чаем в хижинах, в которых не было ничего, кроме глиняного пола, небольшого очага или угольной печурки, глиняной посуды и какого-нибудь металлического горшка, в котором готовилась еда. Однако не чувствовалось, чтобы они были удручены своей бедностью, тем, что, работая от зари до зари на полях, на строительстве дорог и домов, получают гроши. Санталы-мужчины обычно ходят лишь в набедренных повязках, и дети тоже. Не знаю, что они делают в прохладное время года, когда в Северной и Центральной Индии температура ночью падает почти до нуля.

Приятно отметить, что центральное правительство и правительства штатов проявляют несомненную заботу об исконных жителях Индии. Однако они не могут дать им землю или другую собственность. Экономическая зависимость адиваси от других слоев населения поэтому предопределяет и их социальное положение.

ГОРОДА

В Индии примерно 3 тысячи больших и малых городов. В 1941 году в них жило около 14% всех жителей, а в настоящее время — около 25%. Самые крупные города — Калькутта, Бомбей, Дели, Мадрас, Хайдарабад, Ахмадабад, Бангалур. В Индии нет такого города, в котором бы концентрировались все рычаги экономики, науки и культуры. Но политическим центром является Дели. Каждая встреча вновь прибывшего со столицей начинается с посадки в современном аэропорту и поездкой в Нью-Дели. Можно прожить неделю в этой части города в одном из посольств, которые построены рядами, как на выставке — одно здание красивее другого, и даже не понять, что находишься в Индии. Рассматривая дворец президента, парламент и здания вокруг него, вы не обнаружите в них черты национальной архитектуры, потому что они все построены по планам британских архитекторов во времена колониализма.

Создается впечатление, что и при строительстве современных центров — Бангалура, столицы штата Карнатака, Бхубанешвара — столицы штата Орисса, — индийские архитекторы подражали созданному английскими архитекторами образу Нью-Дели. Нельзя не заметить, что новые здания Дели отличаются рациональной планировкой, большей приспособленностью к

особенностям местного климата и лучше вписываются в окружающий ландшафт. Комплекс построенных за последние десятилетия административных зданий, банков, музеев и жилых домов в Нью-Дели радует глаз изысканным архитектурным вкусом, безупречным качеством исполнения и ненавязчивым присутствием национальных элементов. Даже такие необходимые атрибуты, как солнцезащитные выступы и ниши, в которые встроены окна, — не расчленяют фасады зданий и не привлекают внимания.

Индийцы не всегда в восторге от этих зданий — они слишком дороги и не совсем соответствуют климатическим условиям. Может быть, это и так, но сомнительно также, лучше ли в этом отношении спроектированные Ле Корбюзье и самими индийцами железобетонные и стеклянные небоскребы центра Чандигарха и Бомбея. Если в этих домах приходится находиться тогда, когда не действуют установки кондиционирования воздуха (а такое случается довольно часто, потому что почти по всей Индии не хватает электроэнергии, а маломощным генераторам — топлива), жара становится нестерпимой.

Дели — древний город. Он строился и полностью или частично уничтожался семь раз. Еще в 1737 году, с ослаблением империи Моголов, город разграбил персидский шах Надир, а в 1761 году — правитель афганцев Ахмед-шах Абдали. Поэтому сегодня так мало сведений о его богатом прошлом (самое древнее название города — Индрапрастха). Индийские гиды показывают туристам в первую очередь Раджгхат — место кремации выдающихся политических деятелей Индии. «Истина существует» — краткая надпись украшает плиту полированного гранита, которая воздвигнута на месте кремации Махатмы Ганди.

Знаменитый Кутб-Минар — минарет высотой 72,5 метра. Его начали строить в 1196 году, и он устоял во время сильного землетрясения 1803 года. Он — один из немногих свидетелей прошлого величия страны периода правления первых мусульманских завоевателей. Минарет построен из красного песчаника и мрамора, украшен мраморными балкончиками и цитатами из Корана. Мусульмане верят, что благодаря этим надписям и сохранился так долго знаменитый минарет. Но и без благословения Аллаха стоит с 321 года знаменитая (высотой 7,2 метра) колонна из нержавеющей, химически очень чистого железа, какое и теперь трудно получить. Нижняя часть этой колонны, свидетельствующей о высоком техническом развитии Индии, буквально отполирована руками посетителей — каждый, кто может обхватить колонну руками, стоя спиной к ней (диаметр —

41 сантиметр), считается счастливым. Мне, совсем не такому уж стройному, с помощью какого-то индийца, который с другой стороны колонны сцепил мне вместе пальцы рук, это счастье улыбнулось уже на второй день по прибытии в Индию.

Мусульманские правители построили Лал-Кила («Красный форт»), над которым 15 августа 1947 года взвилось знамя независимой Индии, а также дворцы властителей и мечети за его стенами. Напротив «Красного форта» возвышается большая мечеть Джама-масджид, которая, так же как Кутб-Минар, построена из красного песчаника и мрамора. В ее дворе могут собраться одновременно тысячи верующих. Знакомство туристов со старым городом Дели обычно кончается у этих двух выдающихся памятников архитектуры, которые наряду со знаменитым Тадж-Махалом, комплексом мечетей в Лакхнау — столице штата Уттар-Прадеш, и еще несколькими памятниками архитектуры по-прежнему помогают мусульманам Индии сохранять высокий престиж их культуры в собственных глазах и в глазах туристов из всего мира. Рядом с этими помпезными зданиями находится старый Дели — город с узкими улочками, по которым не может проехать даже такси.

Спешат куда-то женщины с детишками на руках, снуют худые, словно иссушенные чахоткой мужчины. Здесь же расположились торговцы фруктами, которые проводят весь день на улице, пытаясь продать прохожим несколько апельсинов или бананов. Подгоняемый каким-то непонятным чувством, я забрел в эту часть города в первый же день приезда в Индию и ходил по ней часа три. Нигде и никогда позже я не видел столь ужасающего контраста между величественной, красивой и богатой частью города и его социальным дном. Бродя в одиночестве по этому подлинному Дели, я ни разу не встретил ни европейца, ни полицейского. Слишком необычным посетителем я был там, никто ко мне не подходил, никто даже не просил милостыни — люди были заняты своим привычным делом: торговали, куда-то шли, не обращая на меня внимания.

Если старый Дели — город простых людей, то Нью-Дели построен только для богачей и состоятельных людей, там не видно даже нищих. Однако величие Нью-Дели не подавляет. Зато небоскребы центральной части Бомбея, в которых размещены банки, конторы магнатов индустрии и торговли, словно заставляют почувствовать свое ничтожество. Там себя более или менее хорошо чувствуют лишь те, кто разъезжает на собственных легковых автомобилях. Бомбейские и калькуттские финансовые олигархии во все стороны страны раскинули свои

сети. Не преувеличу, если скажу, что Тата, Бирла и другие тузы капиталистического мира как прямо, так и косвенно, через принадлежащие им газеты, выходящие на английском и индийских языках, активно участвуют в составлении политических программ буржуазных партий, а также воздействуют на принятие проектов законов в парламенте и особенно в модификации и торможении выполнения принятых решений.

Центральная часть Бомбея со стороны моря имеет весьма привлекательный вид благодаря своей набережной. Дома центра города построены в викторианском стиле — из красного кирпича с белыми куполами и башенками. Бомбей стал большим торговым и экономическим центром уже в конце XVII века. Теперь это важнейший порт и наряду с Калькуттой — выдающийся центр культуры Индии, а также кузница технической интеллигенции. Индийские (главным образом на хинди) фильмы, которые идут на наших экранах, в основном снимаются в Бомбее. Вблизи города построен первый атомный реактор, спроектированный самими индийцами. Хотя в Бомбее живет много людей, родными языками которых являются хинди, урду, гуджарати, город прежде всего гордость штата Махараштра, любимое детище народа маратхов. Этот народ так любит свой край, что, в отличие от всех других народностей, населяющих Индию, очень редко переезжает на постоянное место жительства в другие районы страны.

Мне хотелось бы подробнее остановиться на Калькутте. Этот город стал символом блеска и нищеты Индии. Считают, что в настоящее время в Калькутте живет свыше 9 миллионов человек.

Город, основанный англичанами в 1690 году, оказался главными воротами, через которые на субконтинент проникали не только солдаты и заносчивые колониальные чиновники, но и европейский дух просвещения, сделавший Бенгалию начинательницей новых общественных, политических и культурных течений. Бенгальский просветитель Раммохон Рай, писатель-романтик и просветитель Бонкимчондро Чоттопаддхай, просветитель Ишшорчондро Биддашагор, мыслитель Свами Вивекананда — это имена выдающихся индийцев прошлого века. Их мужество в борьбе за претворение в жизнь гуманистических и демократических идей нового времени унаследовал Рабиндранат Тагор и донес имя Индии до каждого просвещенного человека на Земле.

Можно смело утверждать, что ни в одном другом крупном городе Индии так не кипят политические страсти, как в Каль-

кутте, нет столь активной и широко развернутой деятельности учреждений культуры. По количеству театров, концертов, выставок и их художественному уровню Калькутта, кажется, не имеет конкурента во всей стране, может быть, за исключением Бомбея. Столица штата Западная Бенгалия до 1911 года была столицей всей Британской Индии. Поэтому в ней находятся самая большая в стране библиотека, самый обширный и богатый экспонатами музей, старейший и крупнейший университет (100 тысяч студентов), большой зоопарк, пользующийся всемирной известностью, Индийский статистический институт. И еще один факт, которому я просто не мог найти объяснения: мне казалось, что в Калькутте жизнь дешевле, чем в других крупных городах страны, несмотря на его перенаселенность и обилие транспорта.

Внутреннее богатство Калькутты скрыто за завесой ужасающей нищеты и частых стихийных бедствий, поэтому здесь туристов меньше, чем в других местах. Это не значит, что в городе не на чем остановить свой взор стороннему наблюдателю. Дома зажиточных людей южной Калькутты так же красивы, как виллы в Дели или Бангалуре. Длинная авеню, пересекающая с юга на север обсаженную деревьями обширную площадь Майдан, сделала бы честь самому великолепному городу мира. Настоящим чудом архитектуры и инженерного искусства является построенный еще британцами длинный мост над рукавом Ганга — рекой Хули.

Калькуттцы, очень любящие свой город, озабочены его будущим. Дело в том, что он построен на заболоченном месте и медленно оседает (на 2 дюйма за десять лет). По сообщениям газет, 70% домов подлежат капитальному ремонту, но их владельцы регулярно поднимают квартплату. Система водоснабжения обслуживает лишь половину жителей, «хромает» телефонная связь, не хватает электроэнергии, за последние десять лет сократился объем выпускаемой промышленной продукции, намного меньше работы в порту, так как крупные суда в него не заходят. Все это способствует росту числа безработных. Дым и выхлопные газы тысяч машин при отсутствии ветра и большой влажности воздуха погружают город на недели в облако смога.

В Западной Бенгалии у власти находится объединенный фронт левых партий. Однако он не может предпринимать ничего, что выходило бы за рамки общих для всей страны установлений закона. Поэтому в Калькутте растет и расширяется крупный капитал. Проезжая по площади Майдан или гуляя по Чоуринги — центральной улице города, нельзя не обратить внимание

на два небоскреба, названные именами Таты и Чаттерджи. «Вот как Индия чтит память своего великого филолога Сунити Кумара Чаттерджи», — подумал я, увидев один из железобетонных небоскребов с большой надписью по фасаду: «Chatterji International Centre». Но я ошибся — он был назван в честь однофамильца — бенгальского мультимиллионера. Позже убедился, что главные организации штата, занимающиеся вопросами языка, искусства и литературы, ютятся в нескольких комнатах — нет средств. Каждый прохожий может сказать, где находится контора той или иной частной компании, но только редкий знает, что там же во дворе расположены помещения Объединения бенгальского языка.

Тем не менее на ниве культуры здесь ведется большая работа. Например, Институт исследования творчества Тагора, сотрудники которого работают в полуподвальном помещении, в 1979 году опубликовал на общественных началах несколько десятков содержательных книг, организовал широко посещаемые курсы литературы и языка, проводит множество лекций и другие мероприятия. Время, проведенное среди этих энтузиастов — преподавателей университетов, студентов, служащих, мелких предпринимателей, — осталось в моей памяти как яркое свидетельство того, насколько популярен в Бенгалии Р. Тагор. Уже одно то, что дух поэта ощущается не только в красивом родовом особняке Тагоров в районе Джорашанко (там теперь действует университет Робиндро-бхарати), но и в помещении, в которое едва попадает дневной свет, говорит о всенародной любви к поэту.

Калькутта осталась в памяти не только благодаря великолепным выставкам изобразительного искусства, концертам и театральным представлениям, на которых мне удалось побывать. Запомнился город и своими социальными контрастами. Они в Калькутте попадают на каждом шагу. Взять хотя бы нищих и бездомных, проводящих ночь на асфальтовом тротуаре.

Юбилейные торжества, связанные с 500-летием великого средневекового поэта хинди Сурдаса (1478—1583), в Калькутте оплачивали богатые меценаты. Зарубежные гости, в том числе и советские индологи, были размещены в их домах. У одного такого господина («с мягким сердцем») жил и мой знакомый — московский профессор. В его распоряжение были отданы легковая автомашина с шофером, роскошная комната в квартире, занимающей второй этаж большого дома. Богач рассказывал, что его основной доход дает игра на бирже, где он, если повезет,

зарабатывает 100–200 тысяч рупий в день. Его квартиру обслуживают 12 слуг.

Однажды я зашел в магазин, чтобы купить часы. И услышал за спиной голос молодого бенгальца. Он сказал продавцу:

— Мне нужно купить три сувенира, — и показал на самые дорогие золотые часы.

Даже толком не рассмотрев их, юноша вытащил чековую книжку, расписался и, подав продавцу чек, ушел, словно купил газету или карандаш. А ведь часы стоили не менее семи тысяч рупий; миллионы индийцев такую сумму не зарабатывают за всю жизнь.

Хотя богачи откровенно презирают бедных, в отдельных случаях они желают снискать себе славу филантропов. Таты, например, в Джамшедпуре (город назван в честь основателя династии Тата, первого крупного промышленника Индии Джамшеджи Тата; его предприятия уже в начале нашего века производили сталь) строят много домов и зданий типа общежитий для инженерно-технических работников и рабочих. Другой путь для демонстрации своей филантропической натуры выбрала семья Бирла, которая поселилась в Калькутте. Джайны по религиозной принадлежности, они строят храмы в различных городах. Семь — больших и очень дорогих — уже построены или достраиваются в Дели, Хайдарабаде, Калькутте и в других местах. Мне рассказывали, что такая филантропия имеет чисто деловое начало — подобное богоугодное строительство позволяет уклоняться от подоходного налога настолько эффективно, что строить сказочно дорогие, иногда даже мраморные храмы выгодно из финансовых соображений. Несмотря на это, газеты писали, что 37 крупных компаний, входящих в индустриальную империю Бирлы, задолжали государству в виде налогов 1,2 миллиарда рупий, а сами члены семьи Бирлов — по несколько сот тысяч каждый.

На улицах Калькутты много легковых автомашин. В утренние и предвечерние часы образуются огромные транспортные пробки. Даже на главной магистрали они нередко должны оглядываться в сторону появившуюся корову, а по остальным улицам автомашины вообще не могут быстро двигаться из-за того, что улицы запружены людьми, рикшами, повозками с запряженными в них буйволами или волами, а также велосипедистами.

Неподалеку от центра города, где есть надежда что-нибудь заработать, часть тротуара своей территорией делают разместившиеся семьи бездомных. На тонком куске материи (или прямо на асфальте) люди спят, прикрывшись рваной одеждой. На них надето тряпье. Днем, растянувшись прямо на тротуаре,

дремлют, попрошайничают или бегают голые, отощавшие детишки, которых у таких семей предостаточно. Один или несколько человек присматривают за ребяташками, охраняют печурку, на которой варят рис. Другого имущества у этих людей нет. Страшно подумать, что человек может родиться на тротуаре и, вероятно, там же проведет всю жизнь. Никто толком не знает, сколько в Калькутте «жителей тротуаров», как их официально называют. Но не меньше чем 800 тысяч. И сколько еще таких, которые живут в хибарах, сооруженных из кусков шифера, жести и картона!

Беженцы из бывшего Восточного Пакистана (Бангладеш), жертвы наводнений и засух, непрерывно пополняли и пополняют число бедняков и нищих Калькутты. Самое ужасное, что к этому социальному бедствию привыкают. Сужу по себе. Сначала меня чрезвычайно раздражало то, что калькуттские власти позволяют людям спать, где тем вздумается, возводить жалкие хибары неподалеку от центра города, рядом с узловыми пунктами строительства метро (первая очередь уже сооружена с помощью Советского Союза), бросать на землю корки бананов и скорлупу кокосовых орехов, справлять свои естественные надобности везде, где придется, только не в местах с табличкой «Private». Потом постепенно я начал осознавать, что органы власти бессильны что-либо сделать из-за нехватки денежных средств. Долго не понимал, почему со всех сторон раздаются призывы не засорять город, а на улицах нет даже урн. Оказывается, бездомные люди их тут же уносят и используют в качестве строительного материала при сооружении хибар.

Только слепой может не заметить ту огромную пропасть, которая пролегла между богатством и бедностью, просвещением и невежеством. Однако верхушка общества в течение веков к этому настолько привыкла, что большинству кажется — иначе и быть не может. Живя в Шантиникетоне, я подружился с одним жителем Калькутты, известным деятелем бенгальской культуры — умным, чутким, безусловно, порядочным человеком. Однажды он пригласил меня поехать в одну из деревень. Не долго думая, я согласился.

Мой друг пригласил трех велорикш (всего было шесть пассажиров), и мы отправились в Шурул, деревню, где Р. Тагор начал свои эксперименты по улучшению экономики села. Мы провели в ней часа два. Мои спутники — уважаемый деятель культуры, его молодые друзья—студенты колледжа и какая-то дама из Шантиникетона — тщательно осмотрели действительно интересные, хотя и небольшие деревенские храмы, места, связан-

ные с деятельностью Р. Тагора и его отца. Неподдалеку люди молотили рис, гнали скот, хлопотали во дворе. Но я заметил, что мои спутники не обменялись с ними ни одним словом.

Сказанное, конечно, не означает, что среди обеспеченных и образованных индийцев нет людей, которые сочувствуют беднякам, самоотверженно борются за просвещение и лучшую жизнь народа.

Когда кончается рабочий день и темнеет (это происходит одновременно), улицы Калькутты на несколько часов заполняются народом, главным образом молодыми людьми, и автобусы, несмотря на то что водители непрерывно подают сигналы, в некоторых местах могут двигаться лишь со скоростью пешехода. В эти часы нагляднее всего видно, каким людским морем является Индия. С 1947 года средняя продолжительность жизни индийцев возросла с 25 до 54 лет. Это достижение, которым страна может заслуженно гордиться. Но рост числа жителей — на 14 миллионов в год — создает почти неразрешимые проблемы. Людей уже теперь слишком много как в деревнях, так и в городах. А их надо прокормить. Быстрый подъем сельского хозяйства практически лишь в последние годы начал несколько опережать рост населения.

Уже четверть века в Индии говорят об ограничении рождаемости. Созданы специальные центры («планирования семьи»), проводится широкая пропаганда соответствующих мероприятий. Я слышал, как в одной деревне с помощью громкоговорителя какой-то человек из коляски велорикши агитировал ограничиться двумя-тремя детьми в семье. Среди обеспеченных слоев населения, особенно среди горожан, их количество примерно такое. Но как регулировать семейную жизнь большинства людей, если как для индуистов, так и мусульман дети, особенно сыновья, являются божественным благом? К тому же за противозачаточные средства, даже если бы их начали широко применять, надо платить. Много говорят здесь о стерилизации тех супругов, у которых уже родилось трое детей. Мало тех, кто действительно хочет численно ограничить свою семью. В 1976—1977 годах, когда во время чрезвычайного положения стерилизация во многих случаях навязывалась насильно, этой операции, по официальным данным, подверглось пять с половиной миллионов мужчин и пятнадцать миллионов женщин. В следующем году количество стерилизованных сократилось до восьмисот тысяч человек, и таким оно остается и по сей день. По официальным данным, в 1979 году только двадцать пять миллионов людей практиковали «планирование семьи», т.е.

применяли противозачаточные средства. В теплые калькуттские вечера, наблюдая человеческое море, невольно думаешь, о том, что произойдет в 2000 году, когда, по прогнозам демографов, в Калькутте и Бомбее будет жить по восемнадцать миллионов человек, а во всей стране — около миллиарда.

Только взглянув на переполненные людьми улицы индийских городов, понимаешь, в какой тесноте живут индийцы. Данные статистики, например, о штате Карнатака свидетельствуют, что там на селе в одной комнате в среднем обитают пять человек, а в городах — 4,7 (комнатой называется помещение величиной хотя бы в 4 квадратных метра). Вечером, проезжая на втором этаже двухэтажного автобуса по Калькутте или Бомбею, можно видеть, что дом, который, кажется, вот-вот разрушится от ветхости, полон людьми, о бедности которых говорит вывешенная для просушки весьма изношенная одежда. Маломальски сносные квартиры — дорогие. В Калькутте за две комнаты неподалеку от центра в 1979 году надо было платить 1500 рупий в месяц (тогда приличной считалась зарплата в 600—800 рупий в месяц). В квартирную плату не входит стоимость электричества, которое горожанин много расходует на вентиляторы (они установлены везде и понижают температуру самое большее на пять градусов).

Муниципалитет Мадраса в 1978 году извещал, что новые квартиры стоят 48—52 тысячи рупий в зависимости от этажа. Строительство в городах становится все дороже из-за быстрого роста цен на землю. В крупных городах, особенно в Нью-Дели и Бомбее, один квадратный метр земли в 1979 году сдавался в аренду за 600—800 рупий. Еще лет пятнадцать назад эта сумма была в 10—20 раз меньше.

В городах и деревнях Индии непривычной для иностранца является не только толчея на улицах, но и шум. Вы, например, сидите в междугородном автобусе и ждете, когда он отправится в путь. Окна без стекол, вы вынуждены слушать старую, дребезжащую пластинку, которую без конца прокручивает продавец государственных лотерейных билетов. Чтобы слышать соседа, пассажирам приходится говорить громко. Без конца раздаются пронзительные сигналы автобусов или грузовиков. Вам непрерывно предлагают свои услуги малолетние чистильщики обуви, за полрупии обещающие навести блеск на ваших сандалиях. В этой суматохе в другом конце автобуса начинает петь народный певец — *баул*, сам себе аккомпанирующий на однострунном инструменте, но его никто толком не слышит и поэтому не подает обычные три, пять пайс.

В Калькутте царит такой шум, что, кажется, голова расколется, но никому в голову не приходит запретить сигналы автомашин, хотя бы глубокой ночью. В Канья-кумари (мыс Коморин) — на самом юге Индии — вам кажется, что у каждого десятого дома установлен громкоговоритель, передающий религиозную музыку или музыку из индийских кинофильмов. Во время свадеб громкоговорители работают во всю мощь в самых тихих деревнях Бенгалии. К звукам надо добавить запахи. К неприятным запахам бензина, дыма, мочи, навоза, пота, гниющих отбросов иногда присоединяется аромат сандалового дерева, цветущих деревьев и кустов, парфюмерии. Головокружительной концентрации все это достигает на многих больших железнодорожных станциях, и можно смело сказать: туристу с острым обонянием там лучше не появляться.

Меня много раз спрашивали: чем занимаются индийцы в городах, если там мало крупных предприятий? На этот вопрос ответить трудно, так как не приходилось встречаться с подобной статистикой. Даже в годы переписи населения вряд ли можно собрать сколько-нибудь точные сведения о тех людях, у которых фактически нет ни определенного места проживания, ни определенной работы. Но обследования показывают, что разделение основной массы жителей Индии по главным сферам занятости довольно постоянно с 1901 года. Тогда в сельском хозяйстве зарабатывало себе на пропитание 67,5% всех работающих, в 1971 году — 69,6%. В обрабатывающей промышленности и строительстве эти цифры соответственно 12,5 и 10,7%, а в торговле — 7,1 и 8%. Большинство работающих в городах заняты неполный день, основная часть трудоспособных мужчин (не говоря уже о женщинах) вынуждены перебиваться случайными заработками или ждать, пока какой-нибудь родственник или человек его касты куда-нибудь пристроит.

Количество работающих в промышленности не так велико, чтобы они в каком-то городе составляли самую значительную группу трудящихся. По данным газеты «New Age» (8 февраля 1987 года), из 296 миллионов работающих только 35 миллионов заняты в так называемом организованном секторе и состоят в профсоюзе. Рабочие же не члены профсоюза подчинены самоуправству хозяина и безжалостно эксплуатируются. Их работа отличается низким уровнем механизации. Строительные краны, бульдозеры и самосвалы не видны даже на строительстве крупных зданий Бомбея. Это значит, что весь цемент, кирпич и другие стройматериалы на пятнадцатый или двадцатый этаж доставляются «живым конвейером». Особое значение на

многих работах имеет голова, которая для простого индийца, несомненно, более полезная часть тела, чем для нас, потому что кроме «естественных» функций она служит и для переноски тяжестей. На голове в корзинах или тюках можно нести на базар фрукты или даже целую гору горшков. Из котлована, который станет подвалом или фундаментом нового дома, землю в плоских корзинах на голове выносят женщины. На голове переносят землю и стройматериалы при проведении каналов и строительстве дорог, и даже при сооружении калькутского метро. Скорее можно сказать, что «не транспортируется» на голове, чем перечислить то, что носят. Никогда не носят на голове детей. Обычно матери и старшие сестры устраивают малыша на бедре, так что одна его ножка находится спереди, а другая сзади, и придерживают ребенка рукой за нижнюю часть туловища. Удивлялся, почему так не делают у нас.

Ручной труд в городах Индии встречается на каждом шагу: орудием типа кетменя копают канавы на улицах городов, когда ремонтируют или строят водопровод или канализацию, 30–40-сантиметровой острой «саблей» косят траву в парках (иногда маленькую косилку тянет вол или буйвол). Как-то в Калькутте возле Национальной библиотеки бурей повалило толстое, высокое дерево. Полторы недели бригада из шести человек в поте лица работала пилой и топорами, чтобы его убрать.

Однако не надо думать, что низкий уровень механизации означает плохое качество работы. Совершенно плоские крыши домов не пропускают воду даже тогда, когда кажется — с неба низвергается водопад. Ни в одной части Индии я не заметил, чтобы в душевой и туалете, являющихся обязательным дополнением к приличному гостиничному номеру, приходилось тревожиться о том, как бы не затопить жителей нижнего этажа. На цементном полу можно обливаться сколько душе угодно. Не очень красиво выглядит новостройка, оплетенная бамбуковым каркасом, потому что она кажется кривой и косой. Но леса связываются очень прочными веревками. Когда кажущееся нагромождение бамбука убирают, тогда как чудо появляется современный и красивый фасад дома, украшенный керамикой, естественным камнем, бетонным орнаментом.

Индийцы очень расторопные люди. Каждый портной, сапожник, парикмахер сумеет угодить вам. Какая бы неприятность в пути ни случилась, ее можно немедленно устранить. Например, в Калькутте у меня поздно вечером сломался ключик от шкафа. Спросил служителей, где его можно починить. Они ничего толком не могли ответить. Вышел на улицу и после пятиминутных

расспросов попал в мастерскую, где мой ключик быстро спаяли — я не успел даже толком объяснить, откуда приехал и что делаю в Индии. Слышал, что бывают иногда и такие случаи: чистят туфли, чистильщик обуви обрабатывает их лезвием безопасной бритвы, чтобы получить плату и за ремонт (оба эти ремесла обычно объединены). В общем у меня сложилось твердое убеждение, что простые люди, представители различных профессий, в Индии честны и услужливы. Несомненно, они стараются справиться с работой наилучшим образом.

Самым распространенным занятием жителей городов является торговля. Больших универмагов, где можно купить все необходимое, нигде нет, нередко те, кто производит товары потребления, зачастую их сами и продают. У Бенгальского магазина по ремонту обуви, Калькуттского магазина по ремонту обуви, Имперского медицинского центра и многих других только пышные названия; зачастую работают в них сам хозяин и один его помощник. Занимают они площадь в 7–10 квадратных метров. Если не чем-то другим, то громким названием удастся заманить клиентов. Магазины «Батя», которые славятся дешевой и прочной, хотя и не очень изысканной обувью, через газеты напоминают, что в предпраздничный вечер будет много покупателей, поэтому лучше приходить утром. Но, как правило, ни в большом городе, ни в маленьком нет толпы покупателей из-за основного принципа капиталистической торговли, по которому цены повышаются сразу, как только повышается спрос. В городах очень много магазинов. Так и кажется, что все продают, но никто не покупает, за исключением нескольких магазинов дешевых, подержанных товаров в густо заселенных кварталах бедноты.

Если в большом магазине тканей вы спросите, не продают ли там живых обезьянок, а в уважаемом книжном магазине захотите приобрести чемодан, вам наверняка очень вежливо ответят:

— Простите, вам следовало бы обратиться по такому-то адресу.

Но стоит вам спросить у хозяина маленькой лавочки, есть ли у него тот или иной товар, то он вас не отпустит, а позовет кого-нибудь из помощников, который будет вас водить по лавкам до тех пор, пока вы не получите свою обезьянку или чемодан или вместо них купите маленькую статуэтку Будды и комплект грампластинок. К тому же по цене не самой низкой.

Боги ни одной религии не побуждают обманывать или обчитать «нечистого» — неверующего. Может быть, поэтому

в столице Кашмира Сринагаре многие автобусы украшает надпись: «Надейся на бога». Под этими словами, по-видимому, следует понимать: «Берегись людей», по крайней мере меня в этом удивительно красивом уголке природы обманули самым изысканным образом. Жил я тогда в плавучем домике. Его хозяин дня два-три был чрезмерно ласков, говорлив и предлагал мне все достать и показать. Я обрадовался: вот доказательство, что не все богачи — высокомерные эксплуататоры. Хозяин познакомил меня со своим «братом» Мухаммедом Султаном, и оба беседовали со мной целый час. Затем Мухаммед предложил мне посмотреть свои изделия. При этом он заверил, что покупать их совсем не обязательно, даже за лодку не придется платить. Мы плыли по красивому озеру Дал вдоль внешне очень привлекательных мастерских прикладного искусства. Там, как я узнал позднее, за гроши работают мужчины, женщины, дети и делают для хозяев изумительные ковры, резную мебель, украшения, которые идут на экспорт. Меня провели в похожий на музей склад, полный изделий прикладного искусства самого высокого качества. Там меня встретили два молодых, хорошо одетых человека. Пока один показывал различные предметы, второй со мной разговаривал. Я купил по «оптовой» цене, как они сказали, прекрасную деревянную шкатулку (она была слишком тяжела, чтобы ее привезти домой, поэтому я ее подарил своим индийским друзьям) и шаль, которая мне была абсолютно не нужна. «Оптовая» цена оказалась вдвое выше, чем в магазинах.

Какое-то время после этой «торговой операции» каждый торговец вызывал у меня подозрение, но, к счастью, я вскоре сообразил, что по нескольким жуликам нельзя судить обо всех людях. Нельзя было не заметить, как точно отсчитывает кондуктор автобуса или трамвая сдачу. Так же как это делает продавец газет и торговец кокосовыми орехами, который несет свой товар на коромысле в центр города за семь-восемь километров; не обманывает официант привокзального или другого дешевого ресторана, хотя и ждет чаевые, которые для него являются единственным заработком. Жульничают в основном те, которым не приходится жаловаться на отсутствие средств к существованию. Но с ними чаще соприкасаются иностранцы, которые не могут жить в чужой стране, ничего не покупая.

Малые города Индии удивляют обилием мелких торговцев, различными ремонтными мастерскими, а также множеством парикмахеров, портных, сапожников, которым нередко приходится работать на тротуаре. Перекусить, выпить чаю или

кофе можно в любое время. Кажется, многие мелкие торговцы вообще не ложатся спать или спят рядом со своим товаром на тротуаре. Есть и такие, которые могут просидеть весь день в неподвижной позе на чем-то напоминающем гнездо, которое не больше квадратного метра и каким-то странным образом прикреплено к стене дома на высоте в полметра от земли. Почти везде много прогуливающихся мелких торговцев. Время работы магазинов даже в крупных городах обычно не указывается. Это же относится к заведениям, которые если не выбором блюд, то своими функциями напоминают наши буфеты и столовые. Рестораны я посещал редко, но могу сказать, что обычно они выглядят респектабельно, если только хозяин в целях привлечения посетителей не назовет рестораном обычную столовую, в которой он же работает в качестве кассира, а гостей обслуживают один повар и один официант.

Мне, как и всем приезжим, с миром торговцев приходилось иметь дело в каждом городе или селе, но в отличие от людей, посещающих Индию на короткое время, по разным делам случалось заходить и в разные государственные учреждения. Чиновники сидят за столами, обычно зарывшись в горы бумаг, которые негде разместить, потому, что шкафов обычно нет. Над каждым двумя-тремя столами монотонно гудит вентилятор, который заглушает шум разговоров, заставляет забыть, что тут же за окном живет своей жизнью улица, и в то же время убаюкивает. Некоторые авторы, пишущие об Индии, жалуются на чрезмерную бюрократию, нерасторопность учреждений. У меня такого впечатления не сложилось. Учитывая, в каких примитивных условиях работают люди и как скромны их оклады, административная система Индии свои функции выполняет.

ИНДИЙСКИЕ ДЕРЕВНИ

Более трех четвертей жителей Индии живут в деревнях. Родственными и экономическими связями с селом тесно связано и большинство горожан. В городах некоторые ходят босиком нередко потому, что они так привыкли, живя в деревне.

Села разных штатов нередко отличаются друг от друга. Внешний вид жилищ определяют традиции и степень благосостояния людей. Но характерной чертой для всех деревень является скученность. Около ста дворов с 500—600 жителями — такова в среднем индийская деревня. Столетиями она находится

на одном месте, вблизи источника воды, и не может расширяться дальше начальных границ потому, что вокруг — поля, дающие пропитание. Количество семей растет, поэтому зачастую не остается даже достаточного места для двора и нормальной улицы. Ее заменяет извилистая тропа между домами. Бóльшая скученность, естественно, в тех частях деревни, где обитают бедняки, находящиеся в самом низу социальной лестницы. Более зажиточные сельские жители живут в каменных домах или в обширных двухэтажных домах-мазанках, остальные — в одноэтажных, которые иногда бывают довольно большими. Вокруг полей очень мало деревьев и кустов — их или сжигают, или скармливают скоту, когда наступает засуха. Господствующий цвет полей — желто-серый, за исключением нежно-зеленых участков со всходами зерновых. Траву даже в сезон дождей съедают до корней, а на склонах, где до нее не может добраться скот, скашивают серпами.

Рисовые поля ярко-желтые и без сорняков, так как из-за избытка рабочих рук выпалывается каждая сорная травинка. На северо-западе выращивают много пшеницы, есть и поля с ячменем. Огороды и огородики скучены вблизи прудов, каналов, артезианских колодцев и других источников воды, потому что овощные культуры выгорают еще быстрее, чем поля с зерновыми. Поля проса и арахиса не привлекают взора своим серым тоном, а не слишком часто встречаемые поля кукурузы красивы; словно кусты, поднимаются высокие стебли сахарного тростника. В Индии уже давно нет легко осваиваемых земель. Даже на крутых склонах создаются маленькие поля, на которых урожай очень невысок. Когда окидываешь взглядом плодородные, но жаждущие воды равнины, усеянные камнями плато, кажется, что земля населена не так уж плотно. Но статистика показывает, что Индия с численностью жителей 222 человека на один квадратный километр — самая густонаселенная и более всех «распаханная» страна из всех крупных государств Азии. 40% жителей Индии живут в долинах Ганга и Инда. Поля там кажутся большими, хотя обычно они разделены на мелкие участки, потому что нет хуторов и все живут в больших деревнях скученно, поэтому свободные от построек поля кажутся обширными.

Не очень интересными выглядят глиняные и кирпичные дома в Бихаре. Но в Уттар-Прадеше они кажутся еще однообразнее — отсутствуют фантазия и планировка. Деревни этого штата зачастую похожи на весьма хаотичную комбинацию глиняных и каменных домов, избышек, куч соломы и сухого наво-

за. Деревья там редкость, за исключением стройных и пышных манго, которые ничего не закрывают и не скрывают, поэтому вся деревня как на ладони. Очень своеобразную картину можно наблюдать при поездке на автобусе из Дели в Агру — вдоль дороги с левой стороны выстроились сооружения, похожие на юрты. Это круглые, без окон и дверей, хижины жителей местных племен. Нигде в Индии ничего подобного я не встречал.

Самыми привлекательными показались мне поля Западной Бенгалии и Кералы. Бенгалия в свое время была житницей Индии, но в связи с резким увеличением количества населения она уже не может прокормить себя. Люди живут в крупных деревнях, деревья растут в основном вокруг селений или вдоль рек и прудов. Поэтому, когда проезжаешь на поезде или автобусе, видишь, что между деревнями по обе стороны дороги рисовые поля тянутся до горизонта. Не все деревни Западной Бенгалии похожи друг на друга, но они обычно состоят из глиняных избушек или одно-, двух- и даже трехэтажных мазанок с крышей из тростника или соломы. Даже самые проливные дожди и яростнейшие бури не могут разрушить эти сбившиеся в кучки строения, которые со своими покатыми крышами издали напоминают шляпки старых подосиновиков. Возле каждой деревни один или несколько прудов, в которых люди совершают ритуальные омовения, стирают белье, но редко плавают. В более низких и влажных местах деревни почти скрыты в гуще пальм и бананов.

Керала радует глаз исключительно чистыми белокаменными, кирпичными или из не поддающейся гниению древесины тика домами с красными черепичными крышами и такими же бело-красными заборами. Они особенно живописно выглядят там, где на поверхность выходит латеритная красноцветная почва. Над двором обычно простирают свои ветви крупные, красивые плодоносящие кокосовые пальмы. В этом штате чрезвычайно чисты и прибраны мазанки.

Много раз в маленьких городах и деревнях Бенгалии с их открытыми сточными канавами, распространяющими свои запахи на значительное расстояние, я убеждался, едва переступив порог хижины, в идеальной чистоте и порядке внутри. Когда зайдешь в какой-нибудь дом, забыв, что по индийской традиции надо оставлять туфли или сандалии снаружи, то не знаешь, куда деваться от стыда.

Придет время, когда и в деревнях шум тракторов заглушит стук барабанов, который там часто раздается. Но до этого еще далеко. За исключением Пенджаба и частично Харьяны, во всех

других штатах рис косят серпом и расстилают на земле (или на шоссе) для просушки. Потом руками связывают в снопы и на повозке, запряженной волом или буйволом, привозят в деревню, где и обмолачивают. Если нет тяглового скота, рис в больших вязанках несут домой на голове. В Бенгалии его обмолачивают, ударяя снопами по доске, напоминающей стиральную, а потом на ветру провеивают. Рассматривая устройство для орошения — корыто, — хочется спросить, не существовало ли подобное устройство уже 2000 лет назад. В других частях Индии подобных корыт не видно. Там более распространены так называемые персидские колеса, которые крутят волю или буйволы. Такими же древними вылят и деревянная соха, которую тянут волю, мотыги, взрыхляющие землю перед посадкой риса, серпы, которыми его косят.

При такой работе и производительность труда, несомненно, низкая. Четверо людей не разгибаясь трудятся весь день, чтобы посеять рис на площади 0,15 гектара. Один работник с серпом от восхода до захода солнца не может сжать злаки на площади более 0,06—0,07 гектара, один пахарь с молодой парой волов или буйволов может вспахать за то же время не более 0,3 гектара.

В Бенгалии на богарных (неполивных) полях (а они там преобладают) применяется следующий цикл полевых работ: в январе—апреле землю дважды пашут, затем разравнивают и удобряют; в мае—июне высевают семена риса для получения рассады; в июне—июле приводят в порядок дамбы для задержания воды или ее доставки из канала и еще раз или даже два перепашивают землю. После этого поля готовят под посадки. В июле—августе сажают рассаду риса, потом дважды пропалывают. Октябрь — время уборки риса, а в ноябре и декабре его обмолачивают. С орошаемых полей собирают два или даже три урожая в год, порядок работ другой.

Во время полевых работ батраки проводят на поле по 10—12 часов и там же спят ночью, чтобы не идти в свою деревню, которая обычно отстоит километров на пять—семь. Несмотря на чрезвычайно низкий уровень механизации, каждый пятый сельский житель Индии не имеет постоянной работы и каждый второй оказывается без нее в зимние месяцы. Что бы они делали, если бы землевладельцы широко стали применять тракторы, молотилки, электронасосы? По данным официальной статистики, свыше 80% хозяйств Индии располагают площадью не более 5 акров (2 гектара). К тому же земли разбросаны по разным местам. Это объясняется тем, что раньше община заботилась,

чтобы каждой семье принадлежал участок как хорошей, так и плохой земли. Теперь, с развитием капитализма, происходит концентрация земельных участков в руках богатых крестьян.

Однако налицо и обратный процесс — раздел земли между сыновьями после смерти отца. Если поля очень малы, то как можно вести рациональное хозяйствование, применять технику? По данным специалистов, средний урожай риса в Индии составляет лишь 20% от его сбора в Испании, Австралии или Японии. Необразованному мелкому крестьянину трудно понять, что высеваемый им сорт зерна — плохой, что коровий навоз, «лепешки» которого сушатся на стенах мазанок и заборов, надо не сжигать, а использовать для удобрения полей. Но на чем тогда человеку сварить свою пригоршню риса, если уголь дорогой, а кустарники и леса вырублены?

Попробуем приглядеться к тому, что скрывается под идиллией мира и гармонии, возникающей перед нашими взорами при посещении укрытых зеленью деревень, где совершенно голые ребятишки кричат, купаясь в пруду, и слышится неторопливый разговор женщин у колодца.

С самыми простыми людьми (мелкими и безземельными крестьянами) обычно довольно трудно было разговаривать. Происходило это не потому, что я не понимал их языка, а они моего бенгальского. Виной тому пропасть между нашим образованием, социальной средой и мировосприятием. В начале каждого такого разговора мне приходилось подолгу объяснять, кто я и что делаю в Индии. И надо признаться, что никогда я не мог этого сделать. Такие понятия, как Европа, Советский Союз, что-либо говорят лишь тем, кому посчастливилось посещать школу и кто слушает радио или заглядывает в газеты. Но таких людей в те годы на селе было мало. Мои собеседники из моих рассказов поняли только одно — я приехал из далекой страны, где зимой очень холодно. Многие из них никогда не покидали родной деревни, ничего не знали о географии, истории и других премудростях, и у них в жизни две цели — каким-то образом заработать столько, чтобы не умереть с голоду, и заботиться о потомстве. Поэтому неудивительно, что не сами угнетенные крестьяне сражаются за свои человеческие права, а эту борьбу организуют и руководят ею представители сельской интеллигенции.

Индийские деревни даже территориально разделены на религиозные и кастовые группировки. Определяющие позиции везде имеют высокие и зажиточные касты землевладельцев, хотя численно они не составляют большинства жителей. Напри-

мер, в деревне Аван, расположенной неподалеку от Дели, живет 44 семьи брахманов, 16 — кшатриев, 15 — вайшья и семей других, более низких каст. В свою очередь, они разделены на многие подкасты. Социальные табу в этой деревне по-прежнему распространяются не только на браки вне пределов своих подкаст, но и на еду и особенно на питье. Представители высоких каст (брахманы и кшатрии) на праздниках средних каст едят только жареные кушанья, и ни одна из этих двух групп не принимает воду из рук кожевников или других «неприкасаемых». Последние стоят так низко, что обслуживать их отказываются даже брадобреи, которые сами не относятся к средним кастам.

«Неприкасаемые» — *бханги*, которые обычно работают уборщиками на территории всех индуистских каст и делают то же самое в мусульманской части деревни, — тем не менее не едят вместе с мусульманами. Лишь до шести-семилетнего возраста все дети деревни могут быть вместе, потом они играют только с отпрысками семей близких им по рангу каст. Вдовы трех высоких каст не имеют права второй раз выходить замуж. По-прежнему нередко девочек в деревне выдают замуж до наступления половой зрелости. Чтобы выдать дочь замуж, отцу обычно надо выплатить большую сумму в качестве приданого. Интересны данные о том, дети из каких каст посещают сельскую школу: в первых шести классах учатся дети всех каст, а одиннадцатый, последний, заканчивают отпрыски лишь брахманов и вайшьев.

В бенгальской деревне как между индусами, так и между мусульманами помимо каст существует деление людей на две социальные группы. Одна — *бходролок*, или *боролок* (благородные, высшие), другая — *чхотолок* (низшие), или *гориб* (бедные). Первые заказывают музыку, вторые — танцуют. Индуистские «благородные» и «низшие» скорее постоянные социальные группы, чем изменяющиеся экономические классовые категории, полагает Р. Бхоттачарджо. Зато мусульманские высшие почти исключительно работодатели, а «бедные» или «нищие» — работники. Подобную картину рисует трехлетнее обследование, проводившееся антропологом Ронджитом Бхоттачарджо в деревне Берграм (по индийским стандартам в ней есть хорошая школа, которую посещают дети и из других деревень). Я посетил ее жарким весенним днем, когда поездка даже на крыше автобуса не только не освежает, а скорее утомляет. В Берграме больше всего земли принадлежит 35 семьям из высоких каст (в среднем у каждой по 2,6 гектара); 14 семей низких каст вообще ее не имеют, а у семи других — 2 гектара на

всех. Общая земельная площадь деревни мала, чтобы обеспечить работой всех ее жителей, поэтому на каждых двух-трех сельскохозяйственных рабочих приходится один надсмотрщик, восемь семей подрабатывают ростовщицеством, 4 — продажей продуктов питания, сигарет и всякой мелочи, 2 семьи ремонтируют велосипеды (эти семьи, между прочим, принадлежат к высоким кастам). К тому же двум семьям доход дает работа учителя, двум — обслуживание местной почты, двум — обязанности священнослужителя (это, естественно, семьи брахманов).

В Западной Бенгалии кастовые приоритеты, несомненно, слабее, чем во многих других штатах и областях Индии. Но «неприкасаемые» не берут воду из общих колодцев и в Берграме, а брахманы, как предписывают кастовые законы, сами не заняты на сельскохозяйственных работах, а сдают свои поля внаем. Если же какая-то семья брахманов сама осуществляет надзор за сельскохозяйственными работами на своей земле, то никому из членов этой семьи не разрешено исполнять обязанности священнослужителя. В Берграме бывали случаи, когда представители всех каст садились за общий стол, но только тогда, когда по случаю какого-либо праздника или другого важного события «благородные» приглашали к себе «низших».

Р. Бхоттачарджо писал: «Мои первые контакты с индустской деревней Берграм начались с посещения нескольких богатых семей высоких каст. На дальнейшем этапе работы я осторожно старался установить контакт с низкими кастами деревни. Эти отношения не нравились членам уже упомянутых высоких каст, которые помогали мне устроиться в деревне и представили односельчанам как ученого. Они не могли смириться с тем, что молодой брахман посещает семьи низких каст и принимает от их членов пищу и воду. Они также не поддерживали мои более тесные контакты с мусульманами». Р. Бхоттачарджо отметил, что так и не сумел вызвать «неприкасаемых» на откровенность, а также найти подход к представительницам женской половины семей мусульман и брахманов.

Мусульманская деревня, в которой он некоторое время жил, называлась Кхирули. Ученому разрешили находиться там лишь с условием, что он не станет употреблять мясо, будет есть все то, чем питаются люди Кхирули, и носить такую же одежду, как и они. Вместе с Ронджитом я побывал и в этой деревне. В ней живут 85 семей (565 человек), в том числе девять семей индуистов низких каст (члены высоких каст в мусульманских деревнях не живут). У каждой из девяти семей индуистов есть

хотя бы один акр земли, а 20 семей мусульман ее вообще не имеют. Земельный надел остальных крестьян — в среднем 2 акра (0,8 гектара). Для сравнения отметим, что в соседних индуистских деревнях высоким кастам в среднем принадлежат 7–9 акров. И мусульмане, очевидно под влиянием индуизма, делятся на группировки по происхождению, напоминающие касты, хотя границы между ними не столь резки, как у индуистов. Но и эти люди, несмотря на теоретическое равенство всех верующих, вступают в браки лишь в границах своей социальной группировки.

Р. Бхоттачарджо обследовал также деревню племени санталов — Дебаграм в Маджхипуре. В ней — самой чистой из всех — 26 дворов. В одноэтажных мазанках живет 156 человек. Санталы разделены на восемь групп, которые якобы отражают порядок их появления на Земле. Но они не имеют кастового деления, социальное неравенство среди санталов слабо выражено. Только 8 человек из них умеют читать и писать по-бенгальски (школы в деревне санталов нет). 14 семей вместе имеют 14 акров земли, а 12 семей вообще ее не имеют. Это значит, что санталы, так же как индуисты низких каст и «неприкасаемые» (к которым их приравнивают индуисты высоких каст и мусульмане), имеют самый низкий жизненный уровень.

Среди жителей бенгальских деревень выделяются те, которые зарабатывают ростовщицеством, дают ссуды деньгами или продовольствием. Даже взимая чрезмерно высокий процент (до пятидесяти и больше в год деньгами, натурой или отработкой), они полагают, что поступают великодушно. Не надо думать, что ростовщик похож на скрягу и негодяя, который только и делает, что пересчитывает свои барыши. Обычно это не очень богатый человек почтенного вида, занимающий высокое место в обществе. Со своими предложениями он никому не навязывается. Наоборот, его надо долго упрашивать дать деньги в долг. Делается это с целью, чтобы бедняк понял, какое благодеяние ему оказывается. Правительство Индии, широко предоставляя выгодные займы, многое сделало, чтобы помочь людям избавиться от ростовщиков. Но как может государство дать заем тому, у кого нет никакого имущества, которое служило бы гарантией, залогом возвращения ссуды?

Состоятельные жители деревень (индуистские «благородные») и мусульманские «высокие») монополизируют как официальные, так и неофициальные источники власти и влияния. Они больше всего представлены в панчаятах и других деревенских учреждениях — школах, библиотеках, клубах. В их руках

обычно и связи деревни с остальным миром. В руки малочисленной деревенской верхушки чаще всего поступают и доходы от государственных ссуд и займов на строительство школ и их содержание, рытье колодцев, медицинское обслуживание и строительство шоссейных дорог.

Ронджит заверил меня, что во время праздника Дурги («низким») не разрешили возложить цветы рядом с изображением богини. Обычно они не могут заходить в храм, который посещают «благородные». Им разрешают молиться только низким домашним божествам. Священнослужителю, брадобрею и акушерке, обслуживавшим «благородных», было запрещено заниматься обслуживанием остальных.

Еще более категоричное разделение, стоящее как будто бы над кастовым делением, издавна существует в Северной Индии в виде так называемой системы *джаджмани*, которая основывается на взаимоотношениях между работодателем (*джаджманом*) и работником (*камином*). В отличие от подобных производственных отношений в других странах в докапиталистический период, система джаджмани устанавливает, что, например, одна определенная семья сельскохозяйственного рабочего из поколения в поколение работает на полях одного хозяина, а землевладелец принимает на работу только членов этой семьи, выплачивая за труд строго определенную сумму натурой или деньгами, а также выделяя им в пользование небольшой земельный участок. Компенсация, величину которой определяет традиция, не всегда соответствует объему проделанной работы, потому что она задумана для того, чтобы камин мог поддерживать свою жизнь независимо от времени года и собранного урожая. Если в какой-то деревне камин не хватает для обслуживания всех джаджманов, их приглашают со стороны.

Джаджмани как система разделения труда на селе более разветвлена и гораздо древнее, чем феодальные отношения между землевладельцем и арендатором, которые в нынешней форме ведут свое происхождение от английских колонизаторов, которым было легче собирать налоги и управлять страной, делая феодалами махараджей, раджей, ран, навабов, ханов, эмиров и других представителей индийской правящей элиты. Перенаселенность, хронический избыток рабочей силы и особенно развитие капиталистических трудовых отношений в деревне постепенно, но определенно разрушают связанную с кастовостью систему джаджмани; но в отдаленных районах она по-прежнему регулирует трудовые отношения между людьми в деревне.

В индийской деревне издавна существуют органы самоуп-

равления — панчаяты, название которых уходит в седую старину. Существовали два вида панчаятов — кастовые и территориальные. Они всегда решали важные задачи и имели большие права. Кастовые панчаяты действуют и сейчас. Только они могут исключить человека из касты за нарушение какой-либо традиции. Территориальные панчаяты стали органами власти. За их укрепление высказывались М.К. Ганди и Дж. Неру. Превращая панчаяты в выразителей воли демократического большинства, правительство Левого фронта штата Западная Бенгалия изымает излишки земельных участков у крупных землевладельцев.

Сегодня в большинстве деревень Индии дофеодальные и феодальные отношения между людьми переплелись с новыми — капиталистическими. Традиционные занятия сменяют другие. Но многие лишены работы вообще. Нельзя обеспечить всех работой по строительству и ремонту дорог, несмотря на то что уровень механизации крайне низок.

Для облегчения положения крестьян и сокращения притока людей в города правительство широко развернуло так называемую программу «food for work» («питание за труд»). Проезжая по дорогам Индии, часто можно видеть, как мужчины в набедренных повязках или трусах роют каналы, на головах переносят землю. В соответствии с решением правительства каждому такому рабочему выдается пять килограммов зерна в день, если он выроет и перенесет определенное количество земли. На самом деле норма невыполнима, и в среднем более чем 2 килограмма зерна в день землекоп заработать не может. Зачастую наблюдением за работой и распределением заработка ведают частные предприниматели, которые обкрадывают рабочих, тем более что власти часто не в состоянии полностью доставить запланированное для вознаграждения рабочих количество зерна.

РЕЛИГИЯ И ЖИЗНЬ

Когда путешествуешь по Индии, на каждом шагу встречаешься с памятниками, связанными с различными религиями. В городах и селах возвышается великое множество больших и малых индуистских храмов, кое-где видны круглые купола мусульманских мечетей и минаретов. В Южной Индии, вдоль побережья океана, высятся, и подчас очень красивые, католические и протестантские церкви. В Бодхгае — месте, где Будда на-

чал проповедовать свое учение, — построен великолепный храм. Буддийских святилищ много в областях вдоль северо-восточных границ страны. Людей, одетых в одежды оранжевого цвета с полосами белой краски на лице и теле, с мешочком через плечо — их единственным имуществом — и теперь можно часто встретить в различных концах страны. Это индуистские монахи, которые скитаются от одного святого места к другому и живут подаванием. Среди них есть и бездельники, которые хотят без труда заработать на пропитание, используя традиционную благожелательность людей к аскетам-странникам. Но большинство из них по-настоящему религиозны и, что вызывает самое большое изумление, даже хорошо образованны.

На улицах Калькутты и других крупных городов можно встретить и не индийцев, а европейцев в оранжевых накидках, босых и с клоком волос только на макушке. Своим шутовским видом и не менее экстравагантными поступками они напоминают хиппи. С буддизмом все проще, но индуистом надо родиться, эта религия, в отличие от всех других, с помощью системы каст изолировала себя и сделала невозможным приток новых верующих. Индуизм в средние века был очень замкнут и территориально. Верующим грозило исключение из касты, если они уезжали за море.

Религиозность подавляющего большинства индийцев, большое значение религии в общественной и политической жизни общества, ее возрастающая агрессивность и явно выраженные претензии на роль регулятора не только жизни каждого индуиста, но и всего общества — фактор, с которым не может не считаться ни один политик.

Спорить с индийцами по вопросам религии практически невозможно.

— Ах, вы не верите ни в какого бога? А в кого же вы верите? Ни в кого? Но вы же сказали, что историю создает сам человек. Это и есть ваша вера.

Другими словами, средний индиец просто не может себе представить, что человек способен обойтись без религии. Зато без всяких обид и вполне спокойно принимает утверждение, что вы атеист. Рядом с мелким промышленником из Джайпура я просидел в автобусе весь день во время однодневной экскурсии из Бангалура в Майсур и Вриндаван, сады которого затмили все до того виденное по красоте и многообразию иллюминаций. Мой спутник, человек образованный, долго, с искренним интересом слушавший мои объяснения о том, во что я верю и во что — нет, вдруг заметил:

— Поблагодарим бога за то, что он подарил нам такую красоту.

Не успел я возразить, что эту красоту придумали и создали люди еще в середине 30-х годов и она возможна благодаря могучей плотине, спроектированной и построенной инженерами, а также таланту искусных садоводов-декораторов, как мой сосед затих, и надолго. Должно быть, он читал молитвы.

Согласно переписи 1971 года, индуисты составляли 82,72% от общей численности населения, мусульмане — 11,2, христиане — 2,6, сикхи — 1,89, буддисты — 0,71, джайны — 0,48 и остальные — 0,4%. Не во всех штатах индуисты составляют большинство. В Пенджабе тогда их было 37,5%, в Кашмире — 30,4, а в северо-восточных штатах еще меньше. В Нагаленде большинство жителей — христиане, в Керале 20% христиан, а в Махараштре 6,5% жителей перешли в буддизм. Это в основном «неприкасаемые», пытавшиеся вырваться из-под гнета кастовых обычаев. Но окружающие их представители более высоких каст по-прежнему считают этих людей «неприкасаемыми».

Что такое индуизм — никто в нескольких словах не сформулировал. Нет даже единого мнения, каковы основные признаки этой религии, настолько аморфной и многообразной она кажется. Нельзя даже сказать, что это моно- или политеистическая религия, потому что одновременно существует как один бог, так и его неисчислимые ипостаси и другие божества. Даже в священных книгах — в ведах и упанишадах — высказывается сомнение в существовании бога. В индуизме были и прогрессивные для своего времени течения. Такое, например, как *бхакти* в средние века, которое проповедовало равноправие всех людей перед богом, независимо от их каст. Хотя индуизм не создал официальную церковную иерархию и церковь, его законы настолько переплелись с нормами социальной жизни и права, с идеологией и политикой, что нельзя провести черту, за которой начинается или кончается религия. До сих пор в Индии нормы брака, развода, имущественного права определяет не общий для всех граждан гражданский кодекс, а законы, которые действуют лишь в границах соответствующей религии. Индуизм, как и другие религии, имеет и свой весьма разветвленный «аппарат». К нему надо причислять не только священнослужителей храмов, но и служителей святых мест, различных «святых» и их учеников, астрологов. Да, и астрологов, потому что без их благословения индуистский брак считается недействительным. Гороскопы молодых должны совпадать. Замечено, что они лучше всего совпадают, если астрологу хорошо заплатить.

Кажется, было бы правильным сказать, что индуизм как веру характеризует только то, что она резко отличается от других известных в мире религий, за исключением буддизма, джайнизма, сикхизма, в своих истоках являющихся ответвлениями индуизма. Защитник «истинного индуизма» Чинтахорон Чокроборти свою недавно вышедшую на бенгальском языке книгу «Индуистские обычаи и ритуалы» начинает словами: «Мы гордимся индуизмом, в беседах зачастую ссылаемся на веды, упанишады, Гиту. Но о том, что характерно для индуизма, каков его кодекс и церемониал, которые соблюдает простой индуист, каковы его цели, задачи и особенности, представители просвещенных слоев имеют весьма неполное представление, так как в настоящее время большинство людей особо не углубляются в религию и свое уважение к индуизму проявляют только во время свадебных и похоронных ритуалов, которые строго определены. Те, кто более богобоязнен, уважают церемониал веры, как правило, являются неграмотными и все религиозные мероприятия доверяют проводить малограмотным священникам»).

Большинство индуистов просто чему-то верят, но у них нет ни малейшего представления об основных положениях своей религии — даже о путях, по которым, согласно священным книгам, человек может достичь мокши — состояния, когда он уже неподвластен требованиям своего тела, а также не связан с внешним миром. Существуют три таких пути: *карма-марга* (путь свершения повседневных дел), *джняна-марга* (путь знаний, то есть осмысление бога через изучение священных текстов и глубокой медитации) и *бхакти-марга* (путь бескорыстной любви к богу). Индийский крестьянин, сельскохозяйственный рабочий, ремесленник или рабочий вряд ли знают и то, что индуизм для человека выдвигает три жизненные цели — *дхарму* (духовное совершенство), *артху* (получение богатства честным путем) и *каму* (наслаждение). Бога любви тоже зовут Кама.

Мне больше всего приходилось встречаться с образованными людьми. Некоторые из них, особенно один широко известный в своей отрасли профессор, чье дружеское ко мне расположение и искренняя забота очень помогли преодолеть многие трудности, демонстративно соблюдал ритуалы в праздники. Думаю, что он это делал и в будни. Другие образованные индийцы — и их было большинство — вряд ли часто ходят в храм. Но в беседах они обычно защищали теоретические постулаты индуизма и открыто не высказывались против его религиозно-социальной организации.

Авторитет индуизма поддерживают красивые храмы, которые в основном построены в живописных местах. Почти с каждым из них связана легенда, делающая храм и место его нахождения святыми. Храмы обычно возводятся в честь одного из богов и собирают почитателей именно этого бога. В больших храмах предусмотрено место для изображений не только главного божества, членов его семьи, но иногда и менее значительных богов. Храмы имеют свои традиции и требования. Например, в святилище Тирупати в Южной Индии, посетить которое мне не удалось, каждый истинно верующий жертвует богам свои волосы и возвращается домой с бритой головой. В некоторых индуистских храмах проводится большая работа по исследованию истории и культуры Индии, при них содержатся общеобразовательные школы (так же как в мусульманских мечетях и христианских храмах).

Как выглядит индуистский храм — каждый представляет себе по книжным фотографиям. Однако вряд ли иностранец знает, с каким блаженством входит в храм верующий, с каким почтением складывает ладони для индуистского приветствия, с каким смирением возлагает цветок к изображению бога и как он тем не менее бережлив, когда надо опустить деньги на пожертвование в ящикек кассы храма, даже в том случае, если их у него недостаточно.

Храмы привлекают не только тех, кто желает избавиться от грехов, но и ценителей искусства и красоты. Некоторые храмы в настоящее время уже практически потеряли свое первоначальное назначение и стали только выдающимися памятниками культуры, любоваться которыми приезжают люди со всего мира. Один из таких — храм Солнца в Конараке в Ориссе. Он построен в XIII веке наподобие громадной колесницы. Издали кажется, что на двенадцати больших колесах помещена огромная, украшенная множеством больших и малых скульптур пирамида.

В условиях тропического климата со временем трескается даже камень. Поэтому еще в 1903 году бывший губернатор Бенгалии Д. Вудхорн начал работы по спасению памятника. Было найдено оригинальное решение проблемы: сверху храм был заполнен песком и известковым раствором. Но в 1958 году оказалось, что вода все время попадает в здание, в результате чего внутри образовалась пустота. Прошло уже более тридцати лет, как стало ясно, что великолепный храм Солнца может в любой момент рухнуть, но, несмотря на предупреждения экспертов, по-прежнему не проводится никаких ремонтных работ.

Также два других храма — выдающиеся памятники буддийского и индуистского искусства — комплексы пещерных храмов в Эллоре и настенной живописи в Аджанте, находящиеся в пустыне неподалеку от города Аурангабада и лишь по счастливой случайности открытые английскими охотниками в начале нашего века, являются местами поклонения только туристов, а не паломников. Ошеломляет грандиозность этих пещер. Кто эти трудолюбивые рабочие и мастера, сумевшие в скалах вырубить пещеры глубиной до 30 метров, шириной 20 метров и высотой от 5 до 8 метров, украсить их скульптурами и росписью? Чем питались тысячи мастеров, если вблизи нет ни полей, ни лугов, ни озер, а только сухие, бесплодные, скалистые, поросшие кактусами горы? Почему для двух столь грандиозных строек выбрали такое уединенное место? На эти вопросы, так же как и на многие другие в истории Индии, трудно найти ответ. В обычные дни безлюдными кажутся и другие храмовые комплексы, включая Кхаджурахо в Центральной Индии. Но в праздничные дни они оживают. Раз в год многие святилища собирают немало паломников.

Мне довелось присутствовать на празднике одного такого, внешне невзрачного храма в деревне Конкалитола, на расстоянии четырех—пяти километров от Шантиникетона. Собралось множество людей со всей округи. Они прибыли сюда пешком, на велосипедах, на повозках, на частных автобусах, совершавших специальные рейсы. Я глядел на людское море, думая, что несмотря на то что они, несомненно, верующие и участвуют в соответствующих церемониях, все же главным в таких случаях является возможность общения и торговли.

Возле небольшого храма Конкалитола рядами разместились лавки торговцев. Рядом с ними споро действовали продавцы билетов государственной денежной лотереи. Только им одним было разрешено рекламировать свой товар с помощью громкоговорителей. И они это право использовали в такой степени, что долго находиться у их столов было невозможно — громкоговорители буквально гремели. Несколько в стороне рядами разместились ремесленники, которые продавали свои незатейливые изделия — глиняную и жестяную посуду, корзины, дешевые украшения. Мне очень хотелось что-нибудь приобрести на память, и я купил за одну рупию тростниковую флейту. При покупке она издавала чудесные звуки. Когда же я привез ее в Ригу, то в руках моих друзей-музыкантов флейта звучать не хотела. Еще за полрупии я купил колечко из медных проволочек. Низкая цена и чрезвычайная простота товаров, которые

можно заполучить на этом базаре, очевидно, соответствуют покупательной способности простых индийцев. Мне понравилась одна вещица, которую я бы с удовольствием привез в Ригу. Это была красивая табуретка, стоившая восемь рупий, — бамбуковый каркас, оплетенный прутьями. Низенькая и чрезвычайно удобная, если не сидеть на ней более одного-двух часов. На такой табуретке я сидел, бывая в гостях, устраивал гостей, которые меня навещали в скромном «гест-хаузе».

На этом базаре никто вас не будет стараться обмануть, потому что между производителем — настоящим тружеником, зарабатывающим в 1978—1979 годах обычно не более двух-трех рупий в день, и потребителем нет посредника. Однако для Индии характерно, что даже самые дешевые товары здесь плохо покупают.

На расстоянии нескольких сотен метров от места, где простые деревенские люди что-то продавали и только изредка покупали, неподалеку от храма, бегал черный козленок, привязанный к кольшку. Рядом с ним — помост, на нем — устройство, похожее на гильотину — тяжелый, широкий и очень острый топор. К вечеру козленка не станет, его принесут в жертву.

Между прочим, однажды и мне перепало кое-что от жертвоприношений. Это произошло во время праздника богини Сарасвати в Калькутте. Я шел по улице и увидел ее изображение на краю тротуара. Рядом сидело четверо или пятеро хорошо одетых молодых людей. Когда я попросил разрешения сфотографировать их вместе со скульптурой богини, юноши согласились. Они оживились, стали прихорашиваться и дали мне адрес, по которому просили прислать снимки, если они получатся. У ног богини — а это же была богиня науки, преклонению перед которой я и обязан приездом в Индию, — были сложены жертвенные плоды. Юноши мне их предложили. Смел ли я спрашивать, кто их пожертвовал, когда и где их мыли? Я молча съел их.

Трудно переоценить значение праздников в Индии. В Бенгалии, например, официально определены 23 праздничных дня в году. Только два из них являются государственными праздниками — День республики (26 января) и День независимости (15 августа). Особенно торжественно в Дели отмечается День республики — яркими военными парадами, которые принимает президент, обращением премьер-министра к народу и чествованием самых выдающихся политических деятелей Индии. Есть и государственные праздники отдельных штатов: в Бенгалии — в память Шубхашчондро Бошу, известного руководителя левого крыла партии Индийский национальный конгресс (погиб в

1945 году); в Махараштре чествуют национального вождя XVII века Шиваджи; в Пенджабе отмечают день рождения основателя сикхской религии Нанака. Как в Западной, так и в Восточной Бенгалии (Бангладеш) празднуют день рождения Рабиндраната Тагора. Индийцы настолько любят праздники, что в торжества превращаются начало и завершение строительства каждого нового промышленного объекта, школы, храма. В этом случае никогда не обходится без почетного гостя, зачастую строятся трибуны, развешиваются разноцветные лампочки, проходят приемы, пылают фейерверки.

Может быть, праздников и многовато. Но Индия — страна многих религий: индуистских богов надо чествовать, нельзя оставить в забвении и Аллаха. А как в таком случае обойтись без празднования Рождества? В октябре вся Бенгалия целые три дня пышно чествует богиню Дургу. При этом возводятся богато разукрашенные павильоны, чуть ли не в каждом четвертом-пятом квартале Калькутты. Мужчины и женщины чинно идут к восьмирукой богине, неукоснительно соблюдая очередь. Вокруг павильонов с достоинством прохаживаются члены праздничного комитета со знаками различия на груди. Нищие на празднике в честь Дурги становятся более навязчивыми, чем обычно, и немудрено: ведь именно в эти дни они могут «подзаработать».

В газетах появились статьи, в которых говорилось, что сто лет назад Бонкимчондро Чоттопаддхай осудил устройство пышных праздников и бездеятельность в те дни, когда многие тысячи людей борются с ликвидацией последствий наводнений. Но с тех пор ничего не изменилось. Раз в несколько лет бывают крупные наводнения, и ежегодно — праздник Дурги. Очевидно, люди, которые в древности составляли календарь дней чествования богов, думали о том, чтобы человек помнил о них как раз во время самой большой опасности.

Праздник *Дивали* символизирует по индуистским канонам пришествие богини счастья Лакшми на Землю. По преданию, только дому, богато украшенному светильниками, она принесет счастье, поэтому на балконах, верандах, в лавках торговцев горят свечи, а в более богатых домах — лампочки. Всю ночь в небо взмывают ракеты, взрываются петарды. Во всех краях Индии проходят ярмарки, театрализованные религиозные представления, кое-где поклоняются огню. Прогуливаясь по главным улицам маленьких городков Индии, можно видеть, как красиво выглядят дома в этот вечер. Но иллюминация имеет привкус XX века, она настолько же не настоящая, как сжигание

автопокрышек вместо бочки с дегтем в праздник Лиго в Латвии.

Больше всего меня привлекало уличное оживление во время других религиозных праздников, когда огромная толпа сопровождала изображение бога по улицам города или плыла в храм, чтобы выразить там ему свою покорность и уважение. Тогда я чувствовал, что действительно нахожусь на Востоке, который еще полностью не проснулся от средневековой спячки.

Мне никогда не было страшно ходить по темным дорожкам Шантиникетона без карманного фонарика, несмотря на многократные предупреждения друзей, что в темноте можно наступить на ядовитую змею. По необходимости и просто так, из любопытства, один ночами бродил я по улицам чужих городов, потому что был убежден: там, где есть народ, всегда найдется кто-то, кто окажет мне помощь, если я заболел, вывихну ногу или на меня нападут. Достаточно длительный жизненный опыт учил: нет оснований не верить людям, даже если они внешне очень отличаются от меня. Не из уважения к моему европейскому происхождению и белому цвету кожи, а из гуманных соображений, кондукторы переполненных калькуттских автобусов не разрешали мне висеть в открытых дверях, как это зачастую делают местные пассажиры. Но мне всегда становилось жутковато, когда я чувствовал вокруг себя дыхание огромной толпы богомольцев.

Религиозные празднества обходятся слишком дорого. Бомбейская газета «(Sunday Standard)» 4 февраля 1979 года писала, что «среди всех видов расточительства религия занимает одно из главнейших мест». Все главные индуистские боги, по мысли автора статьи, требуют, чтобы в их честь сжигали тонны растительного масла, использовали уйму электроэнергии. «Сообщают, что в честь бога храма Тирупати ежегодно используют 360 тонн топленого масла — пятую часть из того, что производит Корпорация развития молочного хозяйства штата Андхра-Прадеш»).

Строгие кастовые запреты постепенно смягчаются под влиянием развития современной экономики и транспорта. Когда я летел из Дели в Калькутту в сентябре 1978 года, многие пассажиры отказывались от вкусного обеда. Я ошибочно решил, что, видимо, они боялись нарушить кастовый запрет, потому что не знали, кто готовил обед. Когда жил в Калькутте и в Шантиникетоне, мне сначала казалось, что повара в столовой Национальной библиотеки и на кухне международного дома студентов — брахманы, как это должно быть в соответ-

ствии с традицией. Ничего подобного. Брахманы теперь выбирают по возможности только чистую работу.

При остановке автобуса в каком-нибудь городке все пассажиры обычно высыпают на улицу и спешат перекусить. Я замечал, что индуисты заходили в мусульманские столовые. Может быть, не все, но многие все же туда шли и ели. Хотя, по понятиям касты, это огромное прегрешение! Не так давно в индийской армии почти каждый солдат готовил себе пищу, потому что боялся оскверниться. До 1963 года даже все воинские части формировались по кастовому принципу. Но теперь в армии, как мне рассказывали, соблюдение кастовых принципов не в почете. Во время военных конфликтов, в которых Индия была вынуждена участвовать после завоевания независимости (с Пакистаном и Китаем), к управлению армии пришли многие способные в военном отношении люди из низших каст, а не такие, которые только благодаря своему высокому происхождению носят погоны.

Кастовые приоритеты нельзя соблюсти и на больших предприятиях, где плечом к плечу работают представители разных каст и религий. Поэтому каждый новый завод или электростанция в условиях Индии становится очень значительной вехой и в формировании нового сознания людей. Они не только укрепляют экономическое могущество страны и собирают вокруг себя специалистов различных отраслей. Между прочим, осознавая социальную роль современных заводов, правительство зачастую строит их в отсталых районах, вдали от крупных городов, что расшатывает кастовую систему. Солидарность рабочих, объединенных в профсоюзы, становится сильнее кастовой солидарности.

Определенную роль в ликвидации кастовой системы играет транспорт — люди вместе ездят в поездах, автобусах. Однако приходилось видеть, даже в Бенгалии, где кастовые ограничения слабее, что в вагонах второго класса многие люди не осмеливаются опуститься на сиденья, а садятся на пол или на свои вещи. Та же картина в автобусах, сиденья в которых расположены вдоль, порой на них не садятся и стоят, а в середине, поближе к дверям, пристраиваются на корточках женщины в самых дешевых сари, все они босиком, во взгляде покорность.

Приходилось наблюдать и такую картину, когда кондуктор буквально за руку втаскивал в автобус испуганных женщин. При этом он не позволял им садиться на корточки. Я не знаю, к какой касте принадлежали эти бедняки, потому что по их

внешности об этом нельзя было судить. Но они были из низких, это очевидно.

В соответствии с конституцией Индии ни одному человеку его вероисповедание, национальность или каста не дают никаких привилегий. Более того — запрещена любая дискриминация. Но «неприкасаемые» даже не могут заполнить все предназначенные для них вакансии в государственных учреждениях. Как свидетельствуют многие статьи в газетах, члены высших каст зачастую унижают «неприкасаемых» просто так, чтобы не дать им почувствовать себя людьми. По-прежнему их хижины отделены от остальной деревни ручьем, рощей, прудом или полем, по-прежнему им приходится в жаркую и сухую погоду, когда каждая капля воды на вес золота, терпеливо ждать у единственного колодца в деревне, пока придет кто-то из «чистой» касты, зачерпнет воду в свое ведро и перельет ее в их посудину.

Еще сегодня во многих деревнях «неприкасаемым» надо иметь немало смелости, чтобы опустить письмо в почтовый ящик или зайти в автобус на остановке, находящейся на территории «чистых» каст. И не дай бог, если «неприкасаемые» без разрешения панчаята деревни поселятся на участке никому не принадлежащей земли, вздумают пройти свадебной процессией не по тем дорогам, по которым им разрешено ходить, или жених не выйдет из скромного паланкина, в котором его несут, и не пройдет пешком мимо домов индийцев «высоких» каст. Любое непослушание со стороны «неприкасаемых» считалось вызовом, который немедленно должен наказываться — бывали случаи, когда сжигали хижины этих бедных людей, их самих избивали, а подчас и убивали. Газеты сообщали и о многочисленных случаях изнасилования девушек из низших каст.

Нет ни малейшего сомнения, что центральное правительство и правительства штатов стараются обеспечить всем гражданам предусмотренные конституцией права. Но тысячелетние традиции оказываются нередко сильнее усилий властей.

Правда, надо заметить, что растет и решимость хариджан («неприкасаемых») бороться за свои человеческие права. Лучшее свидетельство тому — частые выступления сельскохозяйственных рабочих за повышение минимальной заработной платы, против самоволия землевладельцев.

В последние десятилетия многие хариджане переходят в христианство или буддизм. Только в 1957 году в буддизм перешло полмиллиона человек. Но их судьба от этого не изменилась. В глазах всех остальных они остались теми же «неприка-

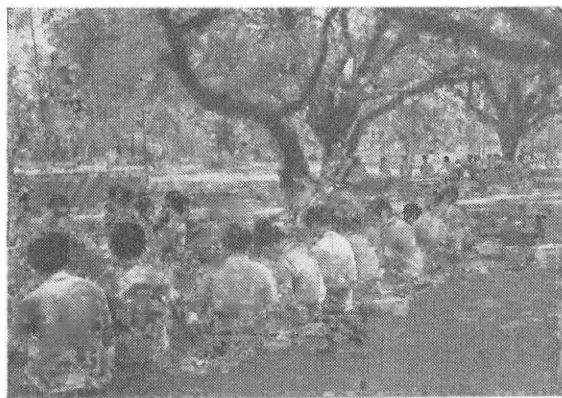

В этом доме жил автор
во время своего
пребывания
в Шантиникетоне

Здание факультета
искусств
в Шантиникетоне

На уроке
в Шантиникетоне

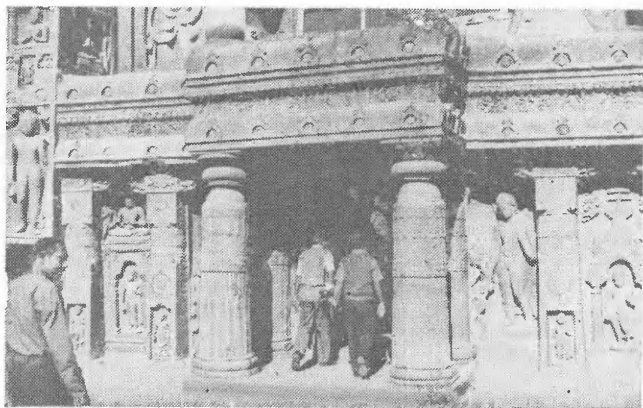
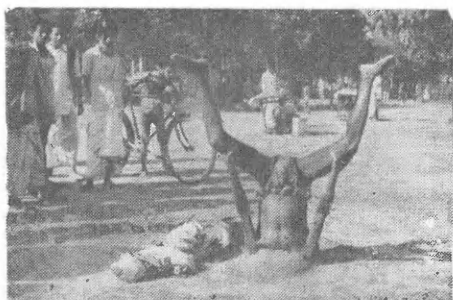

**Школа
в бенгальской
деревне**

**На хлеб можно
зарабатывать
и таким образом**

**В поисках мира
и красоты**

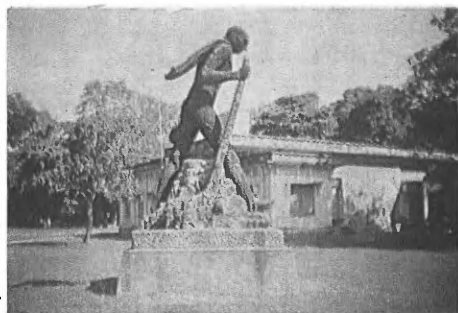

В Бомбее соседствуют
здания XIX века
и ультрасовременные
кварталы

В центре Мадрасы

На озере Дал
в Сринагаре

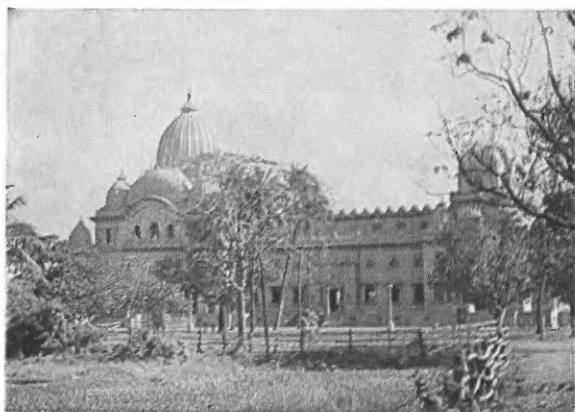
Скульптура Рамкинкора
в Сринагаре

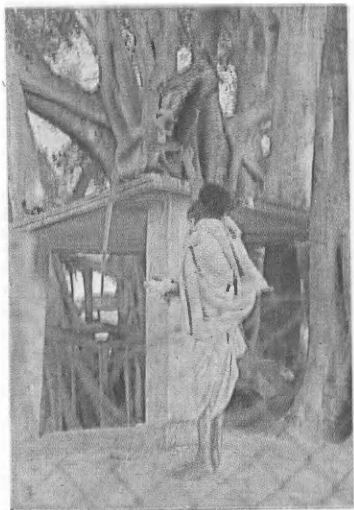
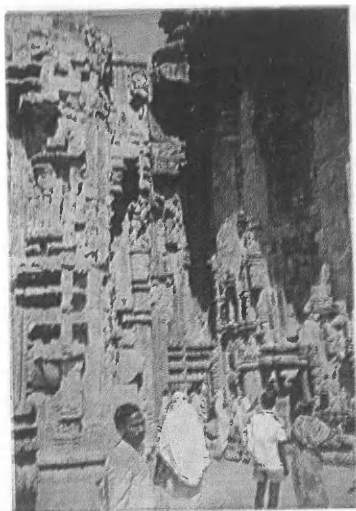
На автобусной
остановке
(Северная Индия)

Омовение в Ганге
В бенгальской деревне
Рамакришна Миши
(Южная Калькутта)

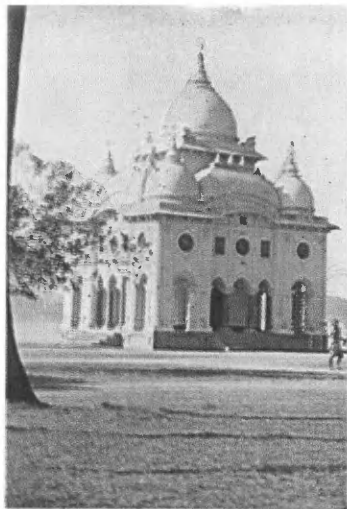
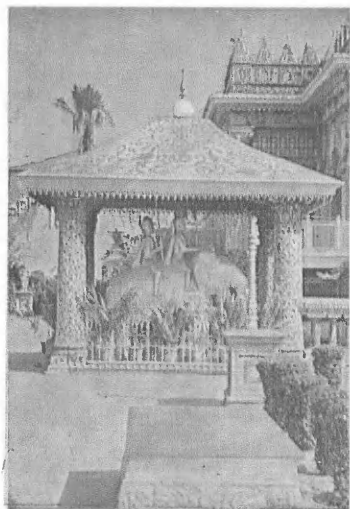

**Храм, вырубленный
в скале**

Садху с обезьяной

**Виктория-Мемориал —
крупнейший музей
Калькутты**

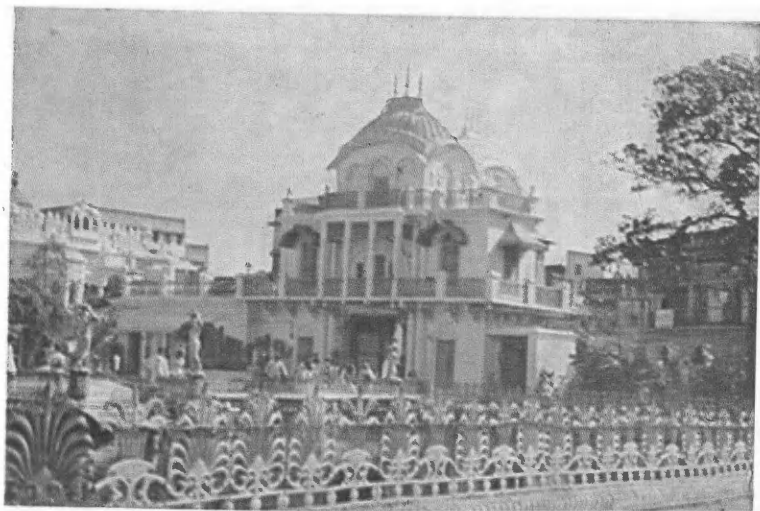

Джайнский храм
в Калькутте

Храм на берегу Ганга

Джайнский храм
в Калькутте

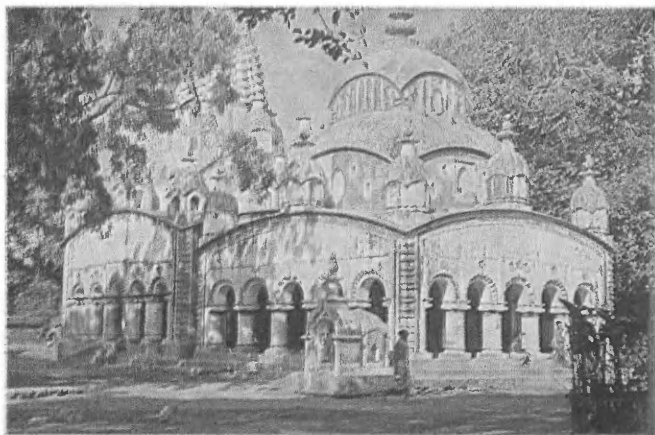

На одной из улиц штата
Западная Бенгалия

На Чоуринги-роуд

Индуистский храм
в бенгальской деревне

саемыми)). Не помогает и переход в мусульманство, потому что в Индии как среди христиан, так и среди мусульман под влиянием индуизма также существуют некоторые кастовые ограничения.

Большинство индийцев кажутся нам, несомненно, религиозными, хотя мы все же непростительно ошибаемся, когда внешние признаки религиозности современного индийца воспринимаем как глубокую суть его души.

СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА

Как индуистская, так и мусульманская семья в Индии отличается стабильностью. В индуистских семьях о детях заботятся не только мать, бабушка (свекровь), но и более дальние родственники. За воспитание мальчиков прямую ответственность несут все мужчины семьи. Часть забот о детях при необходимости берут на себя соседи из той же касты. Практически мало таких случаев, чтобы после смерти родителей или во время их тяжелой болезни дети оставались без присмотра и заботы. Братья, дяди, двоюродные братья, внуки и другие родственники тесно связаны, стараются оказать друг другу поддержку, часто они и живут под одной крышей. Рабиндранат Тагор, например, рос в Калькутте в доме, в котором обитало свыше ста человек. Для индуистов брат и двоюродный брат почти одно и то же.

В Северной Индии, на селе, зачастую братьями и сестрами называют себя все жители одного возраста трех высших каст, хотя между ними нет никаких родственных связей, даже общего происхождения. Иногда фиктивное родство распространяется и на соседние деревни, это является одной из причин, почему невесту приходится выбирать на стороне. Женщин во всей Индии меньше, чем мужчин, и поэтому девушка в принципе всегда может выйти замуж. А потомство тем лучше, чем более отдаленные семьи роднятся.

Родство и наследственное право признается по мужской линии — от отца к сыну. Жена становится членом семьи мужа и берет себе его фамилию. Вплоть до нашего времени сохранилась внутренняя патриархальная иерархия: дед, отец, его старший сын и так далее. Если все из них умерли, руководство семьи перенимают другие родственники по мужской линии. К старшему по рангу родственнику все относятся с большим почте-

нием. Лучше всего это видно на свадьбах, где родственники каждой стороны — мужчины нередко представляются, называя имя, степень родства и порядковый номер в семейной иерархии.

У иностранца обычно создается впечатление, что в семьях индуистов царствуют завидный мир, порядок и согласие. Думаю, что в основном так и есть, несмотря на финансовые проблемы, с которыми сталкиваются нередко семьи сегодня. Мне приходилось по нескольку дней жить вместе и близко познакомиться по меньшей мере с пятью-шестью семьями бенгальских интеллигентов. Ни разу не замечал, чтобы детей ударили или на них кричали. Юноши, несомненно, более уважительны по отношению к старшим членам семьи, чем у нас. Старые люди почитаются, но держатся обособленно. Муж в глазах жены является авторитетом даже тогда, когда она хорошо образованна и работает. В нескольких семьях, с которыми я подружился, жены в юности получили специальности, но в настоящее время нигде не работали. В одном доме, где мне довелось провести три дня, я, правда, не заметил никакого особого почтения жены к мужу — добродушному, спокойному и хорошо обеспеченному чиновнику железной дороги. Жена всегда находила в нем какой-нибудь недостаток и ругала его, ничуть не стесняясь моего присутствия. Они, между прочим, были тамилы — люди из Южной Индии, где религиозность как будто глубже и догмы социального поведения соблюдаются намного тщательнее.

Даже в наше время и в образованных семьях зачастую бывает так: вы приходите в гости, жена вместе с мужем вас приветствуют. Но, побыв несколько минут ради приличия, женщина уходит. Если вас угощают, то она не садится за стол вместе со всеми, а только прислуживает. В редких домах все обедали вместе. Сдержанность женщин в отношениях с незнакомыми людьми, должно быть, является отзвуком средневековых обычаев, когда она вообще не смела покидать женскую половину дома.

Я же посещал семьи представителей элиты общества, которые сильно европеизировались и к тому же принадлежали к высшим кастам (обычно брахманам). По-прежнему остаются в силе многие традиции, ограничивающие свободу женщины. Разговаривать на улице с чужими мужчинами считается незачинным. Женщины должны избегать поздних вечерних прогулок. Девушка на улице всегда должна ходить в сопровождении отца, мужа или брата. Если женщина вне дома одна, особенно ночью, то мнение о ней будет очень нелестным. Неприличным в Индии считается носить модные на Западе короткие платья

и юбки. Раньше — а в деревнях и сейчас — маленькие мальчики и девочки часто играли вместе, забывая о кастовых различиях. Когда же дети становятся немного старше, то резко разделяются по полу и по кастам. В школах начиная с четвертого-пятого класса мальчики и девочки сидят отдельно или их рассаживают по разным комнатам. Даже в учебных заведениях Шантиникетона, где большая часть занятий начальных классов проходит на природе, мальчики со скрещенными ногами сидят по одну, а девочки — по другую сторону от учителя. Только во время праздников *Холи* и *Дивали* молодые люди брачного возраста обоих полов и различных каст могут встречаться сравнительно свободно.

По словам великого индийского мыслителя Вивекананды, «еще не было такого случая, чтобы стала великой та страна и нация, которая презирает женщину». Особой любовью и уважением к женщине отличались поэзия, проза, драматургия, публицистика Рабиндраната Тагора во все периоды его творчества. Он всегда ставил женщину выше мужчины, потому что только она — мать — может в полной мере осознать ответственность за судьбу рода человеческого, охранять и спасти тепло домашнего очага. Мне кажется, что женщины Индии достойны представлений Тагора. Они с гордостью носят свой символ жены — пробор волос, окрашенный в красный цвет в Бенгалии, или медальон в виде буквы «М» на цепочке вокруг шеи в Южной Индии.

Должно быть, придет время, когда им не придется стыдиться, если у них небольшое приданое, и не чувствовать себя виновными перед обществом в случае смерти мужа. Несомненно, в этом процессе важное место займет образование женщин. К сожалению, получить работу образованной женщине еще труднее, чем необразованной, учитывая то, что число безработных среди интеллигентов весьма высоко. В Шантиникетоне я познакомился с одной девушкой, которая летом 1980 года закончила университет.

— Не выйду замуж, пока не устроюсь на работу, — сказала она серьезно.

Девушка была дочерью состоятельных родителей, и они, безусловно, могли ей помочь в трудоустройстве. А каково же тем девушкам, родители которых не имеют средств и не пользуются влиянием? Вряд ли в таком случае удастся при существующей безработице куда-нибудь устроиться. Многие состоятельные женщины даже не пытаются или не желают искать работу.

Кастовые различия, мнимое родство и различные запреты возлагают такое табу на чувства молодежи, что, я в этом убеж-

ден, «недозволенная» любовь между ними и не возникает. Даже в Шантиникетоне — поселке, где большая часть студентов живет в общежитиях, далеко от родителей и как будто вдали от различных барьеров, которые между людьми воздвигают религии, — редко можно увидеть прогуливающих вместе юношу с девушкой, о поцелуях тайком нет и речи. Нежная тропическая весна, воздух, напоенный ароматом вечно цветущих деревьев и кустарников, теплые вечера с изумительно красивым ночным небом вдохновляют поэтов, но, кажется, оставляют равнодушными сердца молодых. А может быть, так только кажется? Может быть, любовь тем глубже, чем меньше возможности имеет она реализовать себя в браке?

Несомненно, привычные ограничения в жизни женщины все еще сильны. На улицах городов по-прежнему мало женщин, а молодых девушек и того меньше. С наступлением темноты появление молодой женщины на улице — редкость даже в Калькутте, где гнет общественных предрассудков намного слабее, чем в других местах. Часто, когда муж и жена куда-то направляются, женщина покорно плетется сзади, а иногда еще и несет поклажу.

Хотя муж считается главой семьи, ее господином, женщина обычно умеет использовать в своих интересах то, что дает ей ее положение как хозяйки и матери.

С начала прошлого века в Индии проходит бескомпромиссная борьба за эмансипацию женщины, за ее равноправное участие во всех сферах жизни. Благодаря выдающемуся бенгальскому просветителю, «отцу современной Индии»), как его иногда называют, Раммохону Раю (1772—1833) и его сподвижникам была проведена кампания, в итоге которой в 1829 году английские власти законом запретили *сати* — саможжение вдов вместе с трупом умершего мужа.

В святых книгах это считалось самым великим деянием женщины. Сати никогда не было широко распространенным явлением, но только в окрестностях Калькутты в начале XIX века отмечено 370 случаев саможжения. В 1856 году благодаря смелым усилиям другого бенгальца, Ишшорчондро Биддшагора (1820—1891), был издан закон, который разрешал индусским вдовам вторично выходить замуж. Изданный в 1955 году акт об индуистском браке определил, что муж может иметь только одну жену (многоженство среди индуистов всегда было сравнительно редким явлением, и жен редко было больше двух).

Только законодательством в Индии мало что можно решить, так как постановления центральной власти в повседневной жизни зачастую игнорируются, особенно тогда, когда они противостоят какому-либо укоренившемуся обычаю, традиции. Так, например, закон о повторном браке вдов поддерживали многие известные общественные деятели, писатели того времени, но высшие касты его не приняли, так как, согласно традиции, при подобном браке касту теряет не только вдова, которая еще раз выйдет замуж (вдовы низших каст всегда могли повторно вступать в брак), но и все родственники новой пары. В 1954 году специальный акт о браке дал возможность вдовам повторно выходить замуж, обходя религиозные установления.

Согласно древним установлениям, вдова не участвовала вместе с другими членами семьи в праздниках и религиозных церемониях, чтобы не принести беды. К родителям вдова не имела права возвращаться. Они, как и родственники мужа, считались ответственными за то, чтобы она строго соблюдала традиции и не нанесла тем самым непоправимый вред духу умершего мужа. Когда-то в особо ортодоксальных семьях вдова спала на голой земле, ела только раз в день, к тому же сырую пищу, не могла употреблять мед, вино, мясо, соль. Она не имела права носить украшения, яркие ткани, красить волосы. Еще в прошлом веке многие вдовы брили голову. Вдова вела аскетический образ жизни: читала нескончаемые молитвы и устраивала церемонии поминания мужа для того, чтобы после смерти воссоединиться с ним. Неудивительно, что вдовы обрекали себя на саможжение с умершим мужем. Женщины знали, что на земле их жизнь превратится в жалкое существование.

В центре прогрессивной общественной мысли Индии всегда стояла борьба за увеличение брачного возраста, так как детский брак в этой стране в течение веков считался не только обычным, но даже похвальным делом. С большой роскошью отмечались первые месячные молодой жены, которые назывались «второй свадьбой», первые дети часто рождались, когда матери было 12–13 лет. Естественно, что вес ребенка не превышал 2 килограммов, он был недостаточно физически развит, а молодые матери часто при родах умирали.

В конце прошлого века английские власти повысили минимальный возраст вступления в брак с 10 до 12 лет. В 1925 году он был повышен до 13 лет и в 1929 году — до 14 лет для девочек и 17 лет для мальчиков. В законе, принятом в 1976 году, сказано, что девушки могут выходить замуж только в возрасте

18 лет, а юноши женятся в возрасте 21 года. Но так как государство брак не регистрирует, реальная картина никому не известна, и надо полагать, она намного негативнее, чем должна быть в соответствии с законодательством. По всей стране, по подсчетам 1959 года, средний возраст жениха — 20 лет, а невесты — 14,5. Своеобразная закономерность: чем ниже каста и чем менее образованны родители, тем раньше они женят детей. В тех кругах, в которых мне приходилось больше всего вращаться, то есть среди интеллигентов, брачный возраст такой же, как у нас.

Сохранилось еще одно негативное явление, связанное со свадьбой — выплата приданого родителями невесты. У служителя шантиникетонского («гест-хауза») Шораджа было три дочери. Он рассказывал мне, что за каждой из них в приданое придется дать не менее 3 тысяч рупий. К тому же устроить три свадьбы, за которые в основном должны платить родители невесты. Но где Шораджу взять эту огромную сумму, если он единственный кормилец и его зарплата составляет всего 350 рупий в месяц? Не свободны от этого разорения даже многие довольно обеспеченные семьи — деньги на приданое заставляют их влезать в долги, а иногда даже разоряют. Один преподаватель рассказывал, что он не может выдать свою дочь замуж потому, что самый («дешевый») жених обойдется в 30 тысяч рупий.

Интересные сведения о приданом опубликовала 26 мая 1979 года одна из ведущих газет — («Indian Express»). В статье под заголовком «Законы против приданого неэффективны» говорится: служащие Индийской административной службы — представители элиты («сто́ят») в Карнатаке до полумиллиона рупий, почти во всех других штатах — 100 тысяч рупий; в Гуджарате за сыновей владельца хорошего участка земли надо («платить») 50—100 тысяч рупий. Родители врачей и юристов везде требуют 50—75 тысяч рупий. Эти суммы больше зависят от имущественного положения и профессии жениха, чем от принадлежности к касте. Самый настоящий брахман (естественно, выбравший себе невесту из семьи брахманов) иногда («сто́ит») 5 тысяч рупий, а богатые («неприкасаемые») за своего отпрыска могут потребовать и в пять раз больше. Вообще, продолжает газета, «эти цены растут или понижаются в зависимости от "недостатков" или "нрава" будущей невесты. В Карнатаке, например, девушка подвергается тщательному осмотру (в который входит даже проверка голоса и зрения), прежде чем родители жениха назовут свою цену». Под большими заголовками газеты рассказывают о свадьбах, в которых приданое не

сыграло никакой роли, а рядом повествуют о том, что бесприданницу в доме мужа третируют.

И все же, повозмущавшись вместе с индийцами над таким явлением, позволим сделать несколько отступлений. Во-первых, так как брак заключается в рамках одной подкасты, деньги, полученные в качестве приданого, не выходят за рамки этой же общественной группы. Во-вторых, эти деньги никогда не тратятся зря, а обычно идут на укрепление экономической основы семьи (хотя их и получает отец жениха).

Завершая свои наблюдения за жизнью женщин в Индии, хочется напомнить, что за последние 20—30 лет многое изменилось. Ведь одно только то, что премьер-министром страны долгое время была женщина, — яркое тому подтверждение. В стране издано несколько законов, охраняющих женщину-мать и вменяющих в обязанность работодателей предоставлять ей время для кормления малыша и выплачивать пособие при рождении ребенка. Один из таких законов предусматривает равную для мужчин и женщин зарплату за одинаковую работу. И хотя предприниматели не всегда и не везде соблюдают эти законы, все-таки влияние прогрессивных организаций и профсоюзов возрастает, а вместе с тем и уверенность, что постепенно женщины добьются еще больших прав.

ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ Р. ТАГОРА

В 1901 году Р. Тагор открыл свою школу в Шантиникетоне. Среди первых пяти ее учеников был также его сын Ротиндронатх. Учебное заведение называлось «Брахмачарья-ашрам»), и в соответствии с воззрениями поэта, свойственными ему в самом начале века, оно должно было воплотить в себе все лучшее, что могли дать методы образования и воспитания в древней Индии. Одновременно эта школа была задумана как альтернатива системе механической зубрежки, характерной для Бенгалии того времени. Поэт хотел, чтобы индийские дети использовали современные методы обучения, но с сохранением национальной специфики.

Возвращение к древним принципам обучения и воспитания в школе в первую очередь выразалось в том, что ученики жили и учились в условиях крайнего воздержания и аскетизма. Ротиндронатх Тагор так пишет об отцовской школе: «Жизнь и учеников и учителей была не столько простой, сколько суро-

вой. Основой всего был идеал *брахмачарьи* (духовного воспитания и аскетического образа жизни. — *В.И.*). Желтая форма, скрывавшая бедность остальной одежды, два одеяла, являвшихся единственной постельной принадлежностью, вегетарианская пища, которая своим надоедливим однообразием напоминала тюремную, — все это было законом. Никто не носил обувь, даже сандалии, а такая роскошь, как зубная паста и масло для волос, была табу». Надо отметить, что не только описанные в древнеиндийской литературе лесные школы вдохновили Тагора на провозглашение простоты и воздержанности очень важным педагогическим принципом, а также и то, что в условиях Индии гораздо важнее было немедленно открыть побольше начальных школ, хотя бы и без классных помещений и мебели, чем ждать тех времен, когда будет достаточно средств для оборудования учебных заведений европейского образца во всех деревнях.

Поэт писал: «Главная цель учебного заведения не должна выражаться в тренировке ума и тела, чтобы избежать всяких случайностей, а в том, чтобы настроить человека таким образом, когда бы его голос смог слиться в единую симфонию с голосом жизни и вселенной». В другом месте он указывал: «Для достижения совершенства мы должны быть дикарями физически и цивилизованны духовно, надо быть естественными в природе и человечными среди людей». Тагор считал, что деревья, небо, вода просвещают ребенка не хуже школьной парты, книг и экзаменов, поэтому занятия под руководством его и других учителей проходили в основном на лоне природы.

Любое обучение, по мысли Тагора, должно быть духовным воспитанием: «Нашим идеалом должно стать создание таких условий дома и в школе, чтобы развить духовные узы с Высшим Существом». Принцип брахмачарьи, запрещающий раннее следование сексуальным и другим влечениям, как считает поэт, наилучшим образом способствовал становлению мужчины. Но здесь нельзя забывать, что религиозное воспитание, которое он популяризировал с самого начала, было идеализированным вариантом древнеиндийских лесных обитателей — *ашрамов* — и не имело никаких прямых связей ни с одной из существующих религий. Не случайно среди преподавателей школы были представители нескольких вероисповеданий, в ее общежития запрещалось вносить символы любой религии. Учебные заведения Шантиникетона при жизни поэта работали и тогда, когда жители окрестных селений праздновали многодневные религиозные праздники. Теперь школы Шантиникетона работают по общенгангальскому календарю.

Первая школа Тагора испытывала большие трудности как из-за того, что поэту не хватало средств (ожидавшиеся пожертвования для ее финансирования не поступали), так и из-за того, что учебное заведение должно было преодолеть социальное предубеждение, подозрительность, с которой люди всегда воспринимали все радикально новое. Все же «Брахмачарья-ашрам») существовала, развивалась, приспособлялась и стала намного современнее; число ее учеников иногда превышало сто человек.

Люди постепенно привыкли к школе поэта, она становилась все более активным носителем идей просвещения для окружающих селений. Когда в 1913 году Тагор получил Нобелевскую премию, жизнь и деятельность поэта оказались в центре внимания мировой прессы. Соответственно поднялся и престиж его учебного заведения. Может быть, именно то, что Тагор как поэт и личность стал широко известным во многих странах, выступал с лекциями в Европе, США, Японии, и навело его на мысль о создании университета, что явилось бы продолжением его педагогических экспериментов. Университет Вишвабхарати начал работать в 1919 году, а официально был открыт только 22 декабря 1922 года.

В стране, измученной колониальной эксплуатацией, вдали от городов, без всяких средств и доходов, которые необходимы для осуществления подобного замысла, поэт создал высшее учебное заведение и назвал его Вишвабхарати (эти слова примерно означают «всемирная культура»).

— Полупомешанный! Недоумок! — подобными эпитетами за глаза награждали Тагора некоторые его соотечественники.

Но поэт был не только идеалистом и романтиком, но и практиком и умел быть верным своей мечте. Наперекор тому, что всю жизнь ему приходилось бороться с инертностью и даже враждебностью, сводить концы с концами, как это умеют только жители Востока, Вишвабхарати непрерывно развивался, совершенствовался и начал приобретать все больший авторитет.

Главной целью деятельности университета с первых дней его существования было служить сближению культур Индии и других стран. Поэтому столь важное место в работе учебного заведения занимали литература и искусство. Уже в 1916 году поэт убежденно писал сыну: «Во имя будущего приближается к концу узкая эра шовинизма, первые шаги в сторону всемирной встречи человечества будут сделаны на равнинах Болпура (на месте нахождения Шантиникетона. — *В.И.*)). В статье «Центр индийской культуры» поэт писал: «Я хочу расширить сферу

деятельности университета так, чтобы он охватывал весь комплекс культуры Востока — арийской, семитской, монгольской и т.д. Его задачей будет открывать миру содержание мысли Востока»).

Позднее поэт еще более расширил концепцию Вишвабхарати и считал, что это должен быть международный университет. Когда основным побуждением деятельности М.К. Ганди стал отказ от сотрудничества со всем, что связано с колониальным режимом, включая учебные заведения европейского типа, поэт растерялся и писал в Шантиникетон своему другу и помощнику английскому миссионеру Чарльзу Эндрюсу: «Какая ирония судьбы, что я должен проповедовать сотрудничество культур по эту сторону моря, в то время как доктрина несотрудничества проповедуется на другой». Одной из причин, почему поэт не стал активным участником национально-освободительной борьбы, было как раз то, что он не смог признать политическую необходимость несотрудничества.

В 1922 году Тагор открыл центр сельскохозяйственного труда в Шуруле — поселке в 3 километрах от Шантиникетона. Два года спустя там же начала действовать еще одна школа, прямой задачей которой было обучение детей, живущих в близлежащих деревнях. В первой школе вопреки воле поэта в основном учились отпрыски горожан. Шикхошотро («Приют сирот») — так называли это учебное заведение Шриникетона («Место благополучия»). Там учились мальчики в возрасте от восьми до четырнадцати лет, которые уже немного освоили навыки письма и счета, и занимались они там пять лет. Освоению книжных премудростей в «Приюте сирот» (вначале в нем действительно было много сирот) уделялось еще меньше внимания, чем в школе Шантиникетона.

Дети учились работать в саду, наблюдали за природой, собирали лекарственные травы, осваивали ремесла — шитье, ткачество, рисование, умение готовить и вести домашнее хозяйство. Сначала школа была бесплатной, включая питание и жилье, и при этом в первые годы ее существования количество учеников не превышало двадцати. Когда в школе выросли свои учителя из числа бывших учеников, было решено, что работу учеников в различных видах деятельности будут оценивать в деньгах и таким образом оплачивать расходы на их обучение. Подобная система оказалась педагогически очень удачной, так как стимулировала старательность учеников и подняла качество их работы.

Стараясь сделать Шриникетон центром просвещения жите-

лей окрестных сел, поэт открыл там еще и школу по подготовке учителей начальных школ, школу для девочек и отделение искусства. Конечно, для всех этих направлений педагогической деятельности поэту не хватало ни времени, ни средств. За исключением Шикхошотро, деятельность Шриникетона остается весьма скромной и теперь. Поэту казалось: стоит только подтолкнуть телегу, и истощенный буйвол общественной жизнестойкости Индии получит новые силы и споро потянет ее дальше. Но подобная мысль оказалась утопией — телега просвещения и образования все еще тащится как бы в гору.

Для Тагора открылось необозримое поле деятельности. Но не хватало средств и поддержки. Было очень трудно убедить жителей окружающих поселков в том, что все, что происходит в Шриникетоне, делается лишь для их блага. Богачи по мере возможности старались разжиться за счет Шриникетона — цены на землю возросли во много раз, как только центр пожелал ее приобрести, сумма контракта по созданию пруда по непонятным причинам вдруг удвоилась и т.д.

С того времени утекло много воды. В 1941 году, когда поэт ушел из жизни, которую он так любил и хотел сделать прекраснее, при Вишвабхарати уже действовали созданная в 1901 году школа, педагогический факультет (колледж), факультет наук (своего рода научно-исследовательский институт), школа искусства и музыки, китайское отделение, отделение хинди и комплекс Шриникетона, в который входили центр реконструкции сельского хозяйства, Шикхошотро, школа прикладного искусства, профессионально-техническая школа. Университету принадлежала своя типография в Шантиникетоне. Уже тогда первая начальная школа (будем ее так называть) значительно отступила от своей оригинальной методики обучения и работала по учебникам, предложенным Университетом Калькутты; с этим учебным заведением и сегодня Вишвабхарати в значительной мере согласовывает свою деятельность.

Огромная сила яркой индивидуальности Тагора охраняла все его начинания от стандартизации. Изобразительное искусство, театр, пение и музицирование в Шантиникетоне достигли столь высокого уровня, что он стал пользоваться большим авторитетом во всей стране и за ее пределами. Работы в Шантиникетоне и Шриникетоне в основном финансировал сам поэт, хотя доходы от принадлежавших семье Тагора земель в Шилайде и Потисаре совсем иссякли. Нобелевская премия, доходы от книг и больших концертов, которые в различных концах Индии давали музыканты, певцы, актеры Шантиникето-

на, пожертвования из Индии и из-за границы, поездки поэта с «нищенской сумой»), как он их сам называл, не могли полностью удовлетворить нужды растущего комплекса.

В начале просветительской деятельности в 1901 году доходы Тагора были ничтожными, и, чтобы содержать школу, он продал дом в Пури, а его жена — значительную часть своих драгоценностей, с которыми индийские женщины расстаются лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Даже в семидесятипятилетнем возрасте поэт совершил длительную поездку по добыванию средств с танцевальной драмой «Читрангада». В Дели он встретил М.К. Ганди, с которым сохранил теплые личные отношения, несмотря на неоднократную полемику в печати по политическим вопросам. Ганди упрекнул поэта в неподобающем для его возраста занятии и спросил, насколько значителен долг Вишвабхарати. Узнав, что он равен шестидесяти тысячам рупий (при тогдашнем курсе рупии — сумма очень большая), Ганди посоветовал поэту вернуться домой. Через несколько дней пришел перевод от неизвестного благодетеля. Это, конечно, не был перевод от самого Махатмы, так как вряд ли у него имелось что-либо помимо того, что он носил на себе. Начиная с 1921 года и до начала второй мировой войны ежегодно 40 тысяч рупий предоставляли Шантиникетону американка Д.Л. Стрейт, различные индийские богачи, включая членов семьи Бирлы и правителей княжеств.

В 1951 году Вишвабхарати стал одним из государственных университетов Индии, и его финансирование полностью перешло в руки правительства. Кончились вечные долги. Университет теперь получает большие субсидии от государства.

За время десятимесячной командировки место, где жил Тагор, и для меня стало вторым домом. Каждый раз, когда я возвращался из поездки в Калькутту или из других мест, чувствовал, каким дорогим и близким стал мне этот поселок. От других учебных комплексов Индии внешне он отличается, может быть, только красивым и обширным жилым помещением, которое поэт построил для себя в 20-е годы, когда стал одним из самых известных литераторов в мире. Потом, то ли устыдившись того, что живет в здании, которое подошло бы любому махарадже или крупному богачу, то ли желая быть ближе к Матери-земле, которую горячо любил, поэт построил один за другим несколько маленьких, но очень красивых домиков и жил в них. Так появился красивый сад и небольшой комплекс зданий — Утторайона. Теперь к нему присоединилось здание Мемориаль-

ного музея Тагора и библиотеки. Комплекс окружает высокий забор с надписью: «Фотографировать без разрешения запрещено!» Неудобства, созданные надписью, испытывают многие посетители, которые на специальных автобусах или поездом до станции Болпур прибывают в Шантиникетон, чтобы осмотреть место жизни и работы великого поэта и великого человека.

К югу от Утторайоны, через дорогу, находится давно построенное, но очень современное и изящное здание, глядя на которое и в голову не приходит мысль, что любишь храм. Оно не имеет купола, нет вдоль стен и изображений богов, не видно никаких религиозных символов. Храм превосходно характеризует религию Тагора. Это только вера поэта, как он многократно определял свою религию, попытка создать синтезированного бога, который хотя и властвует над миром и воплощен в нем, хотя и находится в сердце верующего, но не признает никаких посредников между собой и человеком.

В этом храме раз в неделю, рано утром, ведется богослужение, во время которого читаются благозвучные фрагменты вед и упанишад, религиозно-философские сочинения поэта и звучат его песни в исполнении преподавателей Вишвабхарати и студентов художественного факультета. Посетителей обычно немного, кроме праздничных дней, учрежденных поэтом. Я думаю, что Тагор простил бы мне подобную откровенность, но мне эти богослужения казались только красивыми и торжественными концертами. Кажется, так же их воспринимали и остальные посетители — индийцы и иностранцы.

Рядом с храмом разрослась красивая манговая роща. Некоторые деревья настолько стары, что могли бы о многом поведать, если бы умели. О том, как поэт их любил, как много времени и сил им отдал. В манговой роще и теперь проходят занятия для младших классов, и каждый раз, когда по утрам приходилось через нее идти, меня охватывало чувство, что я врываюсь в святилище в грязных сапогах. К сожалению, я был не единственным, кто мешал занятиям мальчиков и девочек, так как рощу пересекала дорожка, по которой ходили многие. Между красивыми и большими деревьями манго построена небольшая сцена. По торжественным дням на ней собираются почетные гости, к которым за своими дипломами идут нарядно одетые выпускники университета. Поэт любил прекрасное в людях, природе, искусстве, предметах быта, увлекался проведением пышных празднеств, и Шантиникетон в своей повседневной жизни старается воплотить это его пожелание, хотя в условиях Индии это иногда слишком большое расточительство.

К востоку от манговой рощи располагаются обширная и богатая библиотека с удобными читальными залами и здание управления, где находятся комнаты рядовых сотрудников, кабинеты вице-канцлера (ректора), ректора (проректора, являющегося реальным руководителем повседневной жизни университета) и двух его заместителей. Начиная с Дж. Неру, канцлером университета является премьер-министр Индии. Он, конечно, живет в Дели, там же, где и еще одно должностное лицо университета — так называемый Посетитель, которым является не кто другой, как президент страны. Формально в деятельности Вишвабхарати участвует и губернатор штата Западная Бенгалия, который в документах университета значится под словом «Главный» (*Прадхан*). И в высшем коллективном органе — исполкоме, состоящем из девяти человек, действуют люди, живущие вне Шантиникетона; их назначает правительство штата Западная Бенгалия.

Студенты Вишвабхарати обитают в небольших комнатках, учебные помещения хорошо приспособлены для занятий. Каникулы бывают в октябре и июне. Сессии — в январе и июле. То обстоятельство, что самые трудные экзамены сдаются после летних каникул, имеет как свои недостатки, так и положительные стороны: человек и на каникулах вынужден не забывать, что он студент, но из-за этого настоящий отдых не всегда получается.

В Шантиникетоне помимо указанных выше объектов имеются кафедры, деканаты, на которых, так же как у нас, толпятся студенты, несколько магазинов, принадлежащих университету, небольшие, но хорошие дома для ведущих преподавателей и две небольшие гостиницы: «Purba-palli Guest House» («Дом для гостей») и «International Guest House». Первая — двухэтажное здание на открытом месте. Вторая — одноэтажное, скрытое деревьями и кустарником здание. В жаркую, безветренную погоду казалось, что меня поджаривают на огне.

Находясь в Шантиникетоне, нельзя не заметить хорошо оборудованные площадки для футбола, легкой атлетики, крикета, баскетбола и волейбола. Но особого оживления на них не видно. Физкультура не входит в учебную программу индийских школ любого уровня. Средств для спортивной работы не хватает. В Шантиникетоне я наблюдал, что молодежь довольно часто играла в волейбол, изредка в баскетбол. Многие в более прохладное время увлекаются крикетом — игрой, не требующей много движений, а в жару играют в футбол. Работники Шантиникетонского филиала Банка Индии в своем дворе довольно час-

то и хорошо играли в бадминтон. Среди них иногда я видел и девушек.

Спорт как основное занятие, или большой спорт, как это называется у нас — слишком дорогое удовольствие для развивающихся стран. Может быть, поэтому европейцы начинают успешно конкурировать со странами Азии даже по хоккею на траве, который издавна пользуется там большой популярностью. В Индии дети, к сожалению, бегают, прыгают, борются и играют только вне школы. Должно быть, есть учебные заведения, где они это делают и под руководством учителя физкультуры, но мне довелось это наблюдать лишь один раз, в Бангалуре. Учитель построил девочек парами и предложил бегать наперегонки. Но как же можно бежать в платье, которое тянется до земли, или в длинных, чрезвычайно широких шароварах? Поэтому от соревнования пришлось отказаться, и девочки вместе с учителем перешли к игре в крикет.

По сравнению с теми несколькими сотнями воспитанников во всех учебных заведениях Шантиникетона и Шриникетона в период последних лет жизни Тагора число студентов, достигающее в настоящее время 2913 человек, кажется впечатляющей цифрой. Самым большим является гуманитарный факультет, или, как его здесь называют, колледж. В 1979 году на нем обучалось 579 студентов, а в колледже точных наук — 329 юношей. На очень характерных для Вишвабхарати факультетах изобразительного искусства и музыкальном занималось соответственно 169 и 165 студентов. Университет подготавливал 77 будущих учителей и 83 специалистов сельского хозяйства. В школах, созданных Тагором в Шантиникетоне и Шриникетоне, овладевало знаниями соответственно 807 и 219 учащихся, а в группах предуниверситетской подготовки занятия посещали 134 юноши. Среди всех студентов и учащихся был 41 иностранец. По официальным данным, в том же году в университете и школе Шантиникетона обучалось 15 представителей Бангладеш, от других стран — Голландии, Японии, Таиланда, Шри-Ланки, Непала, ФРГ, США, Великобритании, Австралии, Франции, Швейцарии, Уганды, Малайзии, Мавритании — было по одному или два студента. В графе «Россия» вписана цифра один, под которой подразумевался я. Среди воспитанников различных взлелеянных Тагором учебных заведений несколько сот человек было из других, иногда весьма отдаленных штатов Индии.

Шантиникетон по-прежнему обладает значительной притягательной силой в глазах юношей многих штатов Индии (их принимают на облегченных условиях, вне конкурса). Все же прихо-

дится сомневаться, является ли Вишвабхарати в настоящее время тем международным центром культуры, о каком мечтал поэт. Правда, помимо студентов, аспирантов и научных сотрудников разных стран сюда приезжают и лекторы, но за время моего пребывания среди них не было ни одной выдающейся личности.

В Вишвабхарати девушек даже несколько больше, чем юношей. Прекрасные и застенчивые, но в то же время раскованные и смелые, они стоят у аудиторий, в деканатах, прогуливаются по коридорам, по хорошо заасфальтированным дорожкам, катаются в колясках велорикш. Часто девушки первыми подходили ко мне и начинали разговор, небольшими группками посещали «гест-хауз». В Шантиникетоне ничто не свидетельствует о том, что в Индии женщины должны бороться за равноправие во всех сферах жизни (хотя в правилах жизни студентов имеется пункт, строго регламентирующий порядок посещения женского общежития, а также указан особый распорядок дня для девушек). Все больше женщин становятся преподавателями и служащими Шантиникетона. Подобными условиями едва ли может похвалиться какое-либо другое высшее учебное заведение Индии.

При жизни Тагора преподавателями Вишвабхарати могли работать люди, которые завоевали личное доверие поэта не только знаниями, но и своими высокими моральными качествами, умением создавать почти внутрисемейные взаимоотношения со студентами и развивать их, проявлять инициативу в самообслуживании и самоуправлении.

Было даже время, когда учителя жили вместе с учениками в общежитиях — зданиях барачного типа. К преподавательскому составу поэт был намного требовательнее, чем это можно было ожидать от романтика, воспевшего женщину, идеальную любовь, красоты природы, всепобеждающую жизнь. Он считал, что прекрасным человек становится лишь тогда, когда справляется с делом, ему порученным.

Воплощение замыслов поэта облегчало и то, что тогда было меньше учащихся и студентов, да и число преподавателей оставалось невелико. Авторитет и строгость основателя учебных заведений не позволяли шалостям перерасти в непослушание или в серьезные проступки.

В настоящее время работа Вишвабхарати и подчиненных ей школ стала объектом значительного внимания индийской общественности. В середине 1978 года деятельность этих учебных заведений рассматривалась даже в парламенте страны. Поддер-

живая детище крупнейшего современного поэта Индии и всего Востока, центральное правительство всегда выделяло университету щедрые средства для содержания студентов и обширного (1100 человек) обслуживающего персонала (в это число не входят 27 профессоров, 68 доцентов, 178 старших преподавателей и 120 ассистентов), а также ассигнования на строительство учебных корпусов и общежитий. В среднем расходы на одного учащегося и студента в Вишвабхарати в несколько раз превосходят расходы в других аналогичных учебных заведениях Индии. Однако включение университета в общую систему просвещения страны сделало его в чем-то похожим на другие университеты, за исключением учрежденной поэтом форменной одежды желтого цвета (между прочим, ее носят не все), занятий под открытым небом для учащихся начальных классов, уклона в сторону гуманитарных наук и искусства.

В декабрьском номере журнала «Порибортон» за 1978 год был помещен ряд материалов о Вишвабхарати. Два из них назывались: «Почему так беспокожно в "Обители покоя"?» и «(В глазах жителей района Бирбхума Шантиникетон — это сад, обнесенный забором)». В этих деловых корреспонденциях в концентрированном виде высказано то, о чем пишут газеты, говорят в Калькутте, Дели и в Шантиникетоне: Вишвабхарати отступил от идеалов поэта, быстро теряет место второй культурной столицы Бенгалии (после Калькутты), какое он имел при жизни Тагора; университет мало дал для просвещения и повышения уровня образования окружающих поселков, его сотрудники и студенты редко появляются в деревнях. «Шантиникетон является трагедией нашей жизни. Мечта Рабиндраната о вольном потоке здесь обратилась в поддержку закостенелых традиций», — пишет в журнале один из авторов.

По-моему, дела обстоят не так уж плохо. Невозможно создать Остров грез, где бы царствовали мир, благополучие, идеальные отношения между людьми, где без малейших изменений реализовались первоначальные благородные цели в условиях, когда Индия отчаянно борется за то, чтобы все ее жители были обеспечены самым необходимым. Только неисправимый идеалист и мечтатель может утверждать, что в период жизни поэта Шантиникетон был менее подвержен внешним веяниям, чем теперь.

Несмотря на замкнутость этого учебного заведения, оно всегда реагировало на важнейшие события в общественной и политической жизни Индии. Развитие радио, телевидения и транспорта предопределяет стандартизацию жизни как в Индии, так

и в любом другом государстве и связывает весь мир в единое целое. Деревни и деревеньки, надеющиеся получить от Шантиникетона какой-то кусок материальных (вряд ли духовных) благ, и информационная лавина, которая стремительно распространяется во всем мире, заключают «Обитель покоя» в железные объятия характерных для всей страны проблем, социальных связей и политических столкновений. Шантиникетон — это «сад с забором» только в том смысле, что его обитателям принадлежат сладкие плоды в виде щедрых государственных субсидий, каких нет в других местах.

«ОБИТЕЛЬ ПОКОЯ» ИЗНУТРИ

Шантиникетон после Калькутты действительно является «Обителью покоя», но сначала она встретила меня не так любезно, как я предполагал. Когда на моторикше, заплатив двойную цену, я добрался до гостиницы, оказалось, что места для меня там нет. Все происходило почти так же, как в Москве или Риге. К тому же был праздничный день, и все учреждения не работали. Хорошо, что мне удалось найти профессора Бхудеба Чоудхури, с которым я познакомился во время его двухнедельного пребывания в Риге. Быстро нашлись необходимые документы, сообщавшие о моем прибытии, хорошая комната и, как бесплатное приложение, даже несколько небольших зеленых дивных ящериц на потолке туалета. В Бенгалии они живут повсюду, даже в большом читальном зале Национальной библиотеки. В Калькутте вороны смело сидели на оконных решетках моей комнаты, а здесь по вестибюлю первого этажа гостиницы прогуливались коровы и оставляли «нерукотворные памятники», воробьи тоже безбоязненно сидели на лопастях вентилятора.

В Шантиникетоне и во всей Индии человек действительно не столь удален от других живых существ, как у нас. Это я заметил с первых дней. Другие внешние впечатления: поселок находится на менее отдаленном расстоянии от окружающих деревень, чем я думал. Вокзал располагался всего в 20 минутах ходьбы. Земля бесплодная, выгоревшая, травы очень мало, а стадо коров, пасущееся на поле у Вишвабхарати, большое — около 60–70 голов. Пастуха не было, и скотина ходила, где ей заблагорассудится. Вместе с коровами паслись козы и ослы,

которых здесь стригут, а для работы используют редко. Ослы частенько противно кричали и дрались.

Всюду, как коршуны на гнездах, сновали велорикши, готовые наброситься на очередную жертву и увезти ее хоть на край света, если только заплатят. Рикши Калькутты, которые бегом тащат двухколесную коляску по брусчатке с одним, двумя или тремя седоками, похожи на загнанных лошадей. Велорикши Шантиникетона в основном молодые парни, которые поют, смеются и не очень-то утруждают себя, большую часть времени проводя в ожидании пассажира на перекрестках и у наиболее крупных зданий. Бипин, один из них, с которым я всегда разговаривал, проходя мимо, молодой, стройный мужчина с лицом красавца киноактера, рассказывал, что за день (в 1978 году) зарабатывал 7,5–8,5 рупии. Это сравнительно немало, если учесть, что коляска на трех колесах стоимостью 875 рупий собственная. (Большинство рикш вынуждены их арендовать и каждый день отдавать хозяину 2,5 рупии.) Рикшей может стать каждый. Работа действительно неквалифицированная, и ее может делать любой, так как крутить педали — искусство небольшое. Обычно это и нетрудно, потому, что ездить приходится мало, а дороги и тропинки достаточно хороши. На двадцать тысяч жителей Болпура и Шантиникетона и многочисленных приезжающих приходится восемьсот велорикш. Сколько же их по всей Индии! Рикш чересчур много, и крайне редок случай, когда их не было бы поблизости.

В Калькутте я часто видел босоногих рикш, которые бегом тащили коляски с пассажирами. Это тяжелый труд. Правительство штата Западная Бенгалия уже давно хочет запретить этот вид транспорта, но всегда сталкивается с демонстрациями протеста со стороны рикш, так как ничем другим они добыть средства существования для себя и своих семей не могут. Одному из калькуттских рикш-бегунов (велорикш там нет) я однажды сказал, что не сяду в его повозку, потому что я такой же человек, как он, и не могу его погонять. В ответ услышал:

— Вы правы, сахиб! Конечно, правы. Только что бы я ел, если бы все так думали?

Сначала ко мне с вопросом *Джабен?* («Поедете?») спешили велорикши со всех сторон. Но мой ответ всегда был одинаков — ехать некуда. И сразу я терял в их глазах всякий интерес. В Шантиникетоне многие считают, что расстояние в 400–500 метров лучше проехать, чем пройти пешком; даже в школу, которая находится не далее чем в полукилометре от дома, дети обеспеченных родителей отправляются в трехколесных по-

возках. Очень приятно прокатиться на велосипеде по асфальтированным дорожкам, тем более что велосипеды, произведенные в Индии, легки, быстры и прочны. Но зажиточные индийцы не любят ходить пешком. Один мой знакомый профессор свои шантиникетонские маршруты (в день вряд ли более полутора километров) проезжает на велосипеде, а в Болпур, до которого всего два с половиной километра, едет на велорикше.

В Шантиникетоне никто не обидит живое существо. Это усвоили бродячие собаки, без присутствия которых невозможно себе представить любое поселение. Обычно они настроены миролюбиво и никого не замечают, за исключением других собак, оказавшихся на их территории. Их подкармливают остатками пищи из столовой. В Шантиникетоне и даже в Калькутте собаки спят в очень оживленных местах прямо на тротуаре или даже на середине проезжей части улицы без всякого беспокойства, потому что знают: мир принадлежит им и пешеходы и водители будут уважать их права — обойдут или объедут. Часто в темноте приходилось случайно наступать на такого большого зверя, но собака не обижалась — видно, понимала, что это нечаянно. Единственный случай, когда бродячие собаки Шантиникетона лаяли на меня, — это когда они меня видели пробегающим ранним утром по тропинке вдоль железной дороги. Бегом я регулярно занимался, несмотря на кобр, которые будто бы жили в крутых откосах железнодорожного полотна. Должно быть, бегающего человека среднего возраста собаки еще никогда не видели.

Моя повседневная жизнь в Шантиникетоне вряд ли может стать темой для интересного рассказа. Я вставал около шести утра и делал йогическую зарядку (в более прохладное время к тому же пробегал с километр), потом завтракал вместе с другими жителями («гест-хауза») и спешил сесть за работу у себя в комнате или пойти в библиотеку. Иногда посещал лекции преподавателей университета, оформлял различные бумаги, покупал фрукты. Затем обедал и снова садился за работу, если не было какого-нибудь мероприятия, шел в гости, или кто-то приходил ко мне. Поужинав и прослушав по «Селге» последние известия, в половине десятого ложился спать.

Меня часто спрашивают, чем я питался. На этот вопрос легко ответить. Когда я находился в Шантиникетоне, завтрак состоял из двух маленьких жареных яиц, четырех-пяти небольших кусков обжаренного белого хлеба и чашечки кофе. На обед нам приносили большую тарелку, полную отваренного на воде и остывшего риса, который можно было есть сколько хочешь, два

кусочка вкусной, но сильно проперченной рыбы (несколько раз была баранина) в соусе, для его приготовления, видимо, использовалось растительное масло, небольшую тарелочку с сильно наперченными овощами и еще маленькую тарелочку жидкого горохового пюре. Мои соседи по столу все клали на тарелку руками, хорошо перемешивали и пальцами отправляли в рот. Многие европейцы, подолгу жившие в Индии, делали то же самое, и с успехом. Я все же пользовался ложкой и везде возил ее с собой, так как в поездах и небольших придорожных харчевнях ложек нет. Во всяком случае, в Бенгалии пальцами берут пищу почти все — начиная с рикш и кончая широко известными поэтами и уважаемыми профессорами, и мне не кажется, что в этой привычке есть что-то нехорошее. Скорее наоборот — мне стало даже казаться, что я единственный валяю дурака и не делаю так, как хотел бы делать еще в детстве.

Находясь вне Шантиникетона, я часто не получал и ту небольшую ежедневную порцию, которой меня угощал повар гостиницы «(Пурбо полли)» — отец то ли одиннадцати, то ли тринадцати детей (сколько их было на самом деле — никто из служащих не мог точно сказать). Большие и маленькие, они бегали по двору и саду, залезали на гуаву прямо у моего окна и собирали плоды до того, как те успевали созреть, а ночью спали, тесно прижавшись друг к другу, на глиняном полу комнаты рядом с кухней.

Ужин в Шантиникетоне — точное повторение обеда. Моим друзьям, с которыми я вместе жил, не казалось, что пища чересчур однообразна. Посетив многие семьи, я убедился, что даже состоятельные люди к пище и ее вкусовым качествам относятся без излишнего почитания, за исключением, конечно, дней праздников и приема гостей. Может быть, поэтому среди них так мало тучных. Когда я уезжал, на прощальный обед или ужин меня пригласили шесть семей. Измученный жарой, я смог пойти только в три места, и везде угощение было королевским — более десяти очень вкусных, мало наперченных блюд (эти люди были моими друзьями и знали, чего я избегаю) в индийском и европейском вкусе.

Опасаясь, что для моего организма количество перца в столовой гостиницы может оказаться опасным (я был единственным европейцем, который смог выдержать этот рацион питания до конца), я старался несколько разнообразить свое меню и ужин нередко готовил сам: кипятил чай, молоко, варил горох, макаронны. Мог купить помидоры, огурцы, лимоны, белый хлеб, мед, масло, сыр, но сметаны, творога, колбасы или

копченостей в продаже не было. Но, будучи ленивым по природе, электроплитку не перегружал, и мой ужин обычно состоял из молока или чая с хлебом или печеньем. Молоко мне приносили трое детишек, всегда ждавших от меня сладостей.

Каждый день я покупал фрукты. Делал я это тайком, нес в гостиницу, чтобы служители гостиницы не заметили, как расточительно я живу. Я не шучу. Фрукты в Шантиникетоне очень дороги, их мало выращивают. Представьте: поселок, в котором вместе с учащимися и студентами живет не менее трех-четыре тысяч человек и где всегда бывают посетители, фруктами обеспечивают всего два розничных торговца. Утром на коляске велорикши они откуда-то привозят бананы, апельсины, мандарины, кокосовые орехи, манго или что-нибудь другое в зависимости от сезона, сгружают на площадь в два квадратных метра и полдня торгуют. К вечеру торговцы пополняют свои запасы, но никогда на платформе не видно более десятка бананов и четырех-пяти килограммов апельсинов или манго. Иногда пишут, что фрукты в Индии дешевые. Да, но с точки зрения зарплаты советского человека, будь то в Индии или на родине. В 1979 году в Калькутте (а там жизнь дешевле, чем в ряде других крупных городов) в самый сезон килограмм манго стоил не меньше двух рупий. За эти же деньги можно было купить 8—10 средних бананов, 4—5 апельсинов. А две рупии тогда была дневная зарплата многих десятков миллионов трудящихся, нередко являвшихся единственными кормильцами больших семей. Заработок в 5—6 рупий в день для большинства не организованных в профсоюзы сельских и городских труженников считался хорошим. Рассудите сами: могли ли они покупать фрукты?

Между тем фрукты, особенно бананы и сок кокосовых орехов, — лучшее средство против различных неинфекционных заболеваний желудка и кишечного тракта. Меня инструктировали, что фрукты в Индии, если их не варят, должны двадцать минут вымачиваться в растворе красного дезинфицирующего мыла, а потом ошпариваться кипятком. Я часто себя обманывал тем, что фрукты мыл перед очисткой и потом промывал под краном. Иначе и нельзя было действовать, так как во время путешествий достать кипяченую воду почти невозможно. А часто обходился вообще без всякой дезинфекции, угощая себя бананами, мандаринами (в Индии они крупные и необычайно вкусные), апельсинами или плодами манго. Неописуемо вкусны виноград Южной Индии и лечо — небольшие плоды, похожие на клубнику.

Мой рассказ переходит в русло слишком личных ощущений. Но невозможно не сообщить то, что, находясь в Шантиникетоне, я работал при свете керосиновой лампы и двух свечей (лампу дал университет, свечи покупал сам), так как в штате Западная Бенгалия остро не хватает электричества. Кроме того, что мы уже отвыкли читать и писать при таком освещении, было еще и другое неудобство — через окна, которые вообще не имеют стекол, а только ставни, на свет слетается множество насекомых. Москиты — примерно такие, как наши комары, только намного резвее. Они нападают без жужжания и люто кусают. Хочешь не хочешь, но приходилось применять против насекомых окуривание, которое хотя и помогало, но одновременно вызывало головную боль.

Вечером я забирался в жесткую постель под противомоскитную сетку. Когда не было тока, а иногда он отсутствовал по 15–18 часов в сутки, и не гудел вентилятор, становилось жарко, как в финской бане. Через небольшие промежутки времени надо было бежать к ведру с полуостывшей водой (летом в душе бывает только горячая вода, так как бак находится на крыше) и обливаться, чтобы хоть чуточку поспать. Когда со второй половины апреля началась сильная жара, даже при включенном вентиляторе у стола приходилось сидеть без рубашки, а ночью через каждые часа два вставать и лезть под душ или даже спать под влажной простыней.

И еще одна беда, связанная с нехваткой электричества. Работающий вентилятор поглощает посторонние шумы. Когда же пропадает ток и вентилятор не работает, то становятся слышны стук барабанов в деревне, звуки радио, визг собак. Пение птиц и лай собак не очень мешают, но зато голоса людей подобны уколам длинных и острых игл. А их много. Красивыми, тихими вечерами люди обычно собираются группами, болтают и громко смеются до полуночи и позднее.

Электростанции не могут произвести нужного количества электроэнергии и в других частях Индии, но нигде эта проблема не стоит так остро, как в Бенгалии. В Калькутте часто не бывает электричества в течение многих часов подряд. Это значит, что останавливаются машины на заводах и фабриках, трамваи, везде перестают гудеть вентиляторы, в том числе и в больницах. Часто приходилось бывать в центре Калькутты около семи вечера, когда вдруг город погружался в темноту. Странная и жутковатая картина. Постепенно правительство штата начало в какой-то мере регулировать, какие объекты и районы и в какое время должны поочередно отключаться от сети. Вла-

дельцы многих больших магазинов, гостиниц и кинотеатров приобрели генераторы. Они появились и в крупнейших концертных залах, где обычно действуют кондиционеры.

Чтобы иностранец смог прожить в Шантиникетоне полгода и не скучать, он не должен праздно проводить время, иначе «Обитель покоя» может быстро надоесть. Тагор туда перебрался, чтобы в городе ему не мешали работать. В Шантиникетоне проводятся концерты, выставки и публичные лекции, но не каждый день и даже не каждую неделю. В Болпуре есть два кинотеатра, но там часто показывают те же кассовые кинофильмы на хинди, что обычно мы смотрим дублированными в Советском Союзе, с супергероями из среды сытых и богатых, красивыми песнями и танцами, романтической любовью и счастливым концом. Когда в Болпуре проводился фестиваль реалистических фильмов выдающегося бенгальского кинорежиссера Ритика, кинотеатр отнюдь не ломился от публики. Индиец, должно быть, не может жить без сказок.

В сказку может превратиться и действительно великое искусство. Попробуйте представить полный запах поздний вечер 15 апреля. Первый день индийского Нового года. Поздно... Уже затихли и шантиникетонские собаки, под звездным небом в исполнении выдающихся музыкантов начинается концерт классической индийской музыки. Вы, так же как и другие, в окружении громкоговорителей сидите на брезентовом покрывале в восточной позе, слушаете, как ночную тишину наполняет музыкальная дробь ударных инструментов, импровизирует певец — поет без слов, используя все возможности своего голоса, тональные и интонационные. Воистину классическая индийская музыка, так же как и вся культура, намного ближе к природе, чем наша. Не зря в Индии таким успехом пользуются концерты под открытым небом, особенно поздно ночью, когда человек больше всего чувствует себя наедине с природой.

Иногда казалось, что моя жизнь становится однообразной, тяжелой и неинтересной, а ежедневные жареные яйца и рис с рыбой не самой лучшей и подходящей для меня пищей. Мой керосиновый фонарь давал слабый свет, свечи гасли на сквозняке (а без сквозняка в такой жаре жить невозможно), туалет через окно посещала большая крыса, которая меня не боялась и часто попадалась под ноги, когда я в темноте шел обливаться водой. Временами от москитов совсем не было спасения. Несмотря на то что друзей было немало, порой чувствовал себя одиноким и искал выход в чтении и работе. Но вскоре я убедился, что мои

трудности — это мелочи и они переходящи по сравнению с повседневной жизнью большинства жителей Индии.

Из гостиницы, в которой я жил, было видно, например, как каждое утро к куче золы рядом со столовой прибежали четырех-, семи-, десятилетние, очень бедно одетые девочки и с огромным энтузиазмом, как будто надеясь найти золотые монеты, искали несгоревшие кусочки угля, чтобы разжечь ими печки в своих хижинах. В комнате не было урны. Все, что мне не нужно, бросал в ведро. Сначала думал: «Куда все это девает уборщик, который приходит убирать комнату?» Оказывается, все очень просто — содержимое ведра высыпалось на землю под балконом. Дети бедняков собирали бумажки для растопки печки, корки бананов съедали ослы. Куда-то девался и остальной мусор. Уборщик моей комнаты каждый раз проверял ведро с отбросами, нет ли там пустой бутылочки, коробочки или еще какой-нибудь вещи, которая может оказаться полезной. И как много усилий он прилагал, чтобы одной спичкой зажечь несколько фонарей!

Пессимизм несвойствен индийцам. Скорее наоборот, так и кажется, что в Шантиникетоне все громко поют — поют рикши, ожидая клиентов, поют молодые парни, сидя на крыше или гуляя по улице, поют женщины, подметая дорожки, поет повар, готовя обед, поют дети, лазая по деревьям. Не раз приходилось слышать, как радостно распевают бездомные Калькутты.

Шантиникетонские торжества, учрежденные Тагором, — незабываемое зрелище, особенно ежегодный праздник основания школы. Празднование начинается 22 декабря и продолжается несколько дней. Трогательны шествие учащихся и студентов с песнями Тагора вокруг учебных помещений, общая молитва на том месте, где отец поэта построил первое здание в Шантиникетоне, волнующий концерт. Я направился на него за полчаса до начала, но близко к певцам и музыкантам подойти уже не мог. Но это не беда, так как микрофоны и усилители в Шантиникетоне работают великолепно. Индийского производства! Этот концерт был самым большим и ярким из всех услышанных мною в «Обители покоя». Очень популярные в Бенгалии песни Тагора на этот раз исполнял смешанный хор, но в один голос, как это принято в Индии. Между песнями — чтение текстов упанишад на санскрите, приветственная речь вице-канцлера. Как всегда, но на этот раз особенно, мое восхищение вызвали индийские струнные инструменты, особенно вина. Когда на вине играет большой мастер, кажется, что со звуками музыки в душу вливаются голос вечной вселенной, восторг и от-

чаяние человечества. Вибрирующая интонация, столь характерная для индийских песен и инструментальной музыки, словно воспроизводит ритмы, в которых свой свет на землю изливают звезды, реки несут воды в моря и океаны ...

25 декабря проходило второе мероприятие праздника, которое называют «Convocation»). По сути, это было подведением итогов учебного года в Вишвабхарати: выступили вице-канцлер, руководители обеих начальных школ, затем вручали дипломы почетных докторов университета. В Шантиникетоне во всех торжественных празднествах соблюдается индийская традиция, согласно которой помимо докладчика и выступающих еще должен быть Председатель мероприятия и Главный гость. Председатель не объявляет выступающих и не руководит мероприятием, но он имеет право на заключительную речь. Главный гость только сидит в почетном кресле. (Так же было и тогда, когда в Вишвабхарати и Северобенгальском университете я выступил с небольшим циклом лекций о Тагоре. Роль Председателя в обоих случаях выполняли, к большой чести для меня, вице-канцлеры университетов.)

Одним из двоих, кто получил диплом Почетного доктора, был Шоттоджит Рай (таким дипломом до этого была награждена и латышская народная поэтесса Мирдза Кемпе). Этого атлетического вида великана (почему-то у нас известного под именем Сатьяджита Рея), сидевшего в почетном кресле со спокойствием каменной скульптуры, считают вторым величайшим бенгальцем после Тагора. Кроме создания чудесных реалистических и романтических фильмов на бенгальском языке и на хинди, для которых сам Ш. Рай пишет музыку, он является автором широко признанных книг для детей. Затем вручали документы всем диссертантам этого года и выпускникам университета: юноши и девушки шли друг за другом в красивых желтоватых бенгальских национальных одеждах, чтобы получить диплом из рук вице-канцлера. Девушкам на лоб наносили красный почетный знак, а тогдашний премьер-министр Морарджи Десаи вручал зеленую ветвь и прикладывал руки к груди в ритуальном приветствии.

Высказав мысль о том, что современная система образования в Индии — по существу, копия иностранной и должна быть заменена на новую, а индийцам следует вернуться к наследию Ганди и Тагора, чтобы осуществить то, что было ими задумано, премьер закончил свое обращение словами: «Мы должны помочь миру освободить все человечество».

Немного таких событий, ситуаций, которые я хотел бы вновь пережить в Индии, но этот праздник — несомненно. Но не

для того, чтобы посмотреть торжественные мероприятия, хотя они были хорошо организованы и красочны, а для того, чтобы быть участником так называемого внешнего праздника. Я бродил по обширной ярмарке, раскинувшейся рядом со зданием управления, и разглядывал прибывших в Шантиникетон со всей Бенгалии музыкантов, певцов, чтецов, заклинателей змей, факиров и акробатов. Это шествие — прекрасная традиция, введенная поэтом. Я слушал чарующие звуки музыки. Наиболее излюбленным инструментом ансамблей мусульманских музыкантов является народный инструмент, напоминающий самодельную скрипку. Индуисты ошеломляют слушателя чистыми и словно льющимися звуками небольших, похожих на трубы инструментов. Временами мелодию импровизируют — создается впечатление, будто один музыкант так увлекается, что никак не может прервать игру, чтобы дать возможность включиться другому.

Порой монотонными казались религиозные и дидактические выступления чтецов, рассказывавших истории из жизни раджей, святых и мудрецов. Молодой, обнаженный до пояса брахман в сопровождении оркестра говорил о конце света, который может произойти, если люди не будут обращаться к богу. Это благочестивое выступление внимательно слушали пожилые люди, сидевшие рядом со мной. Затем выступил укротитель змей: он танцевал на сцене, вынимая кобр одну за другой из корзин и сопровождал свое выступление стихами, произносимыми речитативом. Захватывающими были выступления акробатов: кувырки, сальто, хождение на руках, пирамиды, проползание без помощи рук через обручи такого маленького диаметра, что казалось, через них и голова еле-еле пролезет, и, наконец, борьба, стрельба в мишень из лука.

Однако вершиной бенгальского народного искусства, несомненно, являются барабанщики, певцы-баулы и народный театр — джатра. Если бы мне надо было назвать вещь, наиболее характерную для Индии, я бы упомянул удлинненные, средней величины барабаны — самые характерные музыкальные инструменты Индии. Слушать и смотреть концерт индийских народных барабанщиков — это удовольствие, которое нельзя ни пересказать, ни забыть. Их барабаны, большие и маленькие, круглые и цилиндрические, всегда подвешены на шее так, чтобы барабанщик мог одновременно выгнцовывать ритм. Он носится по сцене, словно тропический ураган, и извивается, словно змея, выражая этим свои радости и горести наподобие наших лучших мимов, выбивая ритм пальцами, как ксилофонист свои-

ми палочками. Первый раз я видел, на что способен оркестр из одних барабанов. Вся Индия полна ими. Барабаны в окрестных с Шантиникетонем деревнях бьют чуть ли не через день, отмечая какое-нибудь торжественное событие. Многие тысячи людей по всей стране образуют касту барабанщиков и тысячелетиями главным образом этим ремеслом зарабатывают пропитание. Неудивительно, что лучшие из них достигли выдающегося мастерства.

Из произведений Тагора и других бенгальских писателей я знал, что в Бенгалии живут своеобразные народные певцы-*баулы*. С одним из них я познакомился поближе, когда впервые ехал в Болпур. В вагон вошел одетый в алую, длинную, похожую на платье одежду человек с однострунным инструментом — *эктарой* — в одной руке, маленьким барабанчиком — в другой и бубенчиками на лодыжке для поддержания ритма и стал петь. Я был неописуемо взволнован — казалось, что слушаю большую знаменитость. Стесняясь, дал баулу полрупии, больше монет у меня не оказалось, и, не заметив, что другие пассажиры дают в пять, даже десять раз меньше, извинился перед ним, что вынужден так низко оценить его искусство. Баул сел рядом со мной, и мы стали беседовать. Имя двадцатидвухлетнего черноволосого певца — Дебдаш-баул. Он женат, имеет ребенка. Становясь баулом, индуист теряет свою касту, ранее существовавшие связи с обществом и называет себя именем, в которое входит обозначение *даш* («слуга, раб»), и тем самым как бы обрекает себя на служение богу. Но в жизни баулы более свободны от религиозных предрассудков, чем индуисты и мусульмане.

Дебдаш-баул признает только две касты — мужчин и женщин, носит вокруг шеи совсем простое украшение, зарабатывает в день 4—5 рупий. У него был домик, но он его продал, теперь снимает комнату в Болпуре и платит за нее 13 рупий в месяц, ест только один раз в день, так как на двухразовое питание денег не хватает. Пел он по калькуттскому радио, учит пению трех студентов Вишвабхарати. Окончил восемь классов, но даже по-бенгальски пишет не особенно грамотно, несмотря на то что был вторым учеником в классе. Молодой человек немного читает и по-английски, но с трудом может сказать несколько слов. О географии, а значит, и о Европе у него весьма смутные представления. Все эти сведения о себе баул мне, конечно, не сообщил во время первого знакомства. Он меня посетил в Шантиникетоне уже через некоторое время после того, как я туда прибыл, попросил денег для приобретения дешевого одеяла, которым можно укрыть плечи в зимнюю прохладу, и пригласил

в гости. Через некоторое время я пошел к нему с двумя американцами, с которыми вместе столовался в «гест-хаузе». Мы познакомились с женой Дебдаша, сынишкой, посетили кладбище баулов. Я впервые увидел, в какой бедности могут жить люди. Комната — глинобитная лачуга, но полупустая, так как у баулов имущества нет. Две тонкие свернутые тростниковые циновки (естественно, не на кровати, а на глиняном полу), кое-что из одежды, маленькая угольная печурка, несколько глиняных чашек и мисок, два чугунных и алюминиевых горшочка, изображение Кришны на стене, какая-то мелочь — и это все.

Сколько таких людей в Индии! А есть еще миллионы беднее! Баул хотя и мало, но все-таки каждый день что-то зарабатывает. Быть может, у него есть и немного рупий, припрятанных на черный день, когда он заболит и не сможет петь.

— Что будет делать ваш сын? — спросил я баула.

— Будет баулом, — был ответ.

— А если у него не будет голоса? — поинтересовался я.

— Будет — заверил меня баул.

Это «будет» было сказано с большой убедительностью. Может быть, действительно все бенгальцы могут петь, если только немного этому поучиться? Или, быть может, у ребенка баула нет другого выхода, как только петь? И чем же другим он может заработать на жизнь в условиях, когда не хватает работы как в деревне, так и в городе, хотя плата за его искусство мизерная. Жизнь певца трудна — каждый день надо петь в поездах, автобусах (к тому же надо купить билет на проезд). Почти в каждой бенгальской деревне живет по меньшей мере две семьи баулов, поэтому им приходится выдерживать немалую конкуренцию, особенно во время религиозных праздников, когда собирается наибольшее количество людей. Баулы дружелюбны и готовы помочь друг другу. Они проводят свои профессиональные встречи, на которых поют всю ночь.

Кажется, за годы, прошедшие со дня смерти Тагора, изменилась и психология баулов. Хотя они еще и поют о любви к богу, как и раньше, признают только один праздник в году — день Радхи и Кришны в марте, но вряд ли стоят вне общественно-политической борьбы. Дебдаш-баул, прибыв ко мне в гостевой дом «Пурбо-полли», разговаривал со служителями о политике так же живо, как и другие.

Тагор когда-то писал: «Те, кто читал мои сочинения, знают, что во многих из них я выразил свое уважение к песням баулов. Я часто встречался и беседовал с баулами, когда находился в Шилайде. Во многих песнях я сознательно использовал

характерную для баулов мелодию. История нашей страны передала нам традицию единения и синтеза с помощью глубинной истины человека, а не под давлением необходимости. В литературе баулов и их учении я вижу воплощение этой традиции — она принадлежит как индусам, так и мусульманам». Поэта восхищало и то, что баулы относительно свободны, не признают никаких социальных норм и каст. Поэтому общество всегда считало их отверженными. (*Баул* значит «безумец»).

Во время шантиникетонских праздников баулы часто держались вместе с мусульманскими народными певцами, жили в палатках отдельно от других участников ярмарки. Дебдаш-баул застудил горло и не пел на заключительном концерте, когда выступали почти все лучшие баулы Бенгалии. Казалось, они были настоящими профессионалами, которые умеют петь и танцевать у микрофона не хуже наших эстрадных певцов. Их выступление было записано для передачи по радио. Может быть, кто-то из них станет в Калькутте знаменитым и преуспевающим, как это недавно произошло с Пурнодашем-баулом.

Баулы теперь поют о многом, в том числе и о шантиникетонской ярмарке. Их исполнению присущи неторопливый ритм, красивые движения под мелодию и пританцовывание. Одновременно другие баулы аккомпанируют на эктарах и барабанах. Иногда пение становится громче, исполнитель как бы в экстазе обращается к богу, но через мгновение песня снова возвращается в плавное, как бы философское русло.

Выступления народного театра *джатра* широко известны только в Бенгалии и Бихаре. Они имеют в культуре восточно-индийских народов то же значение, что и наши народные песни, — их исполнители славят все хорошее, нравственное, благородное, осуждают подавление человеческой личности, ортодоксальность в религии и общественной жизни, бичуют зло. Несмотря на то что наиболее известными персонажами джатр, проповедующих индуистскую мораль, были в основном мифологические цари, их жены, военачальники и их слуги, а также брахманы, народный театр никогда не служил интересам правящих классов и высших каст, а старался показать ум простых людей, их находчивость, честность, самоотверженность, трудолюбие.

У меня не хватило сил и досмотреть после полуночи представления джатр на шантиникетонской ярмарке вместе с тысячами ее посетителей — ведь на следующий день надо было снова садиться за книги. К тому же игра самодеятельных актеров не показалась по-настоящему изысканной. В памяти еще были свежи воспоминания о двух постановках джатр, которые незадол-

го до этого поздно ночью посмотрел в Шантиникетоне. Актеры там, правда, были из Калькутты, но в целом традиции джатры соблюдались: места для зрителей расположены вокруг небольшой почти четырехугольной сцены, декораций нет, пьеса не делится на действия, поэтому не нужен и занавес.

Напряженность действия поддерживает частая смена актеров — они входят с одной стороны сцены и уходят с другой. Персонажи делятся на положительных и отрицательных. К тому же объектом насмешек могут быть и властители, брахманы, священнослужители и военачальники. Конец пьесы всегда счастливый — добро побеждает зло, влюбленные получают возможность пожениться. В джатрах непременно есть и комические характеры. Комический эффект (правда, это не традиция народных джатр) создает и применение литературного языка (*шадху-бхаша*) в повседневной жизни. Джатры, естественно, не обходятся без песен и танцев.

Спектакли проходили на лугу, над которым подвешено тонкое покрывало, прикрепленное к бамбуковым шестам. Билеты стоят 1–3 рупии, поэтому народу полным-полно. Зрители сидят тесно прижавшись друг к другу, живо реагируя на происходящее. Актеры говорят громко, установлены микрофоны, поэтому зрителям хорошо все слышно.

Первая постановка была посвящена мифологической теме: богиня Мохамая (Дурга) победила демона уже в начале пьесы и, в дальнейшем многократно появляясь по ходу действия, учила людей, как им жить. Однако сюжет пьесы составляли междоусобные интриги двух раджей. Вторая постановка (ее играла другая группа) начиналась с юмористических скетчей из повседневной жизни бенгалцев. Затем следовала основная часть пьесы, в которой среди раджей, их министров и военачальников появлялись певец и барабанщик, выделяющиеся своим умом. Когда певец начинал петь и барабанщик играть, перед ними открывались все двери и легко решались проблемы. Знакомая тема в нашем фольклоре!

Художественный уровень обеих постановок джатр, по-моему, высок. Актеры не только великолепно пели и танцевали, но и были выдающимися мастерами гротеска и сатиры. Впервые в жизни я понял, что игра на барабанах — это музыка, что он придает мелодии не только ритм, но под руками больших мастеров выражает душевные радости и муки, смятение и отвагу. Конечно, только тогда, когда вместе со звуками барабана по сцене извивается, прыгает, иногда стремительно мечется и сам барабанщик. Жители Шантиникетона говорят, что джатры за по-

следние двадцать лет стали очень популярными. Быстро растут уровень их исполнительского мастерства и идейное воздействие. С помощью джатр распространяются идеи демократизма и человеколюбия. В последнее время появляются джатры с сюжетами, которые не имеют никакой связи с индийской традицией. Может быть, с целью получения прибыли отдельные калькуттские театральные коллективы ставят спектакли по мотивам жизни реальных выдающихся людей, и они широко рекламируются. Несомненно однако, что подобные постановки направляют традиционный театр в ярко выраженное современное и острополитическое русло, независимо от того, как трактуется та или иная историческая личность XX века.

В окрестностях Шантиникетона за время моего пребывания состоялось по меньшей мере десять спектаклей джатр, и все они собирали множество зрителей. Если какую-то джатру передавали по радио, ее с детским интересом всегда старались прослушать от начала до конца все служители «гест-хауза». Даже крикет, во время важнейших матчей которого на самую большую громкость включалось радио в моей гостинице и во всех окружающих домах, не вызывал такого энтузиазма.

Шантиникетонские праздники на самом деле похожи на огромную ярмарку. Длинными рядами выстроены лавки, в которых можно купить все, начиная от самых дешевых пластмассовых подвесок и браслетов, которые в качестве украшения служат бедному люду, и кончая холодильниками, телевизорами и произведениями искусства. Широко представлены изделия мастеров народных промыслов — корзины, посуда, предметы домашнего обихода. Возле них, а также у продавцов дешевых украшений царит самое большое оживление. Торговля происходит с раннего утра, то есть примерно часов с шести, до поздней ночи. Громкой и надоедливой музыкой напоминают о себе устроители различных аттракционов.

Тагор замыслил ярмарку как место встречи крестьян и ремесленников окружающих деревень и районов. Несомненно, в огромной массе людей они и теперь широко представлены. Но нетрудно заметить, что большая часть посетителей относится к обеспеченному меньшинству Индии. Они весь долгий день и вечер ходят по магазинам и павильонам с товарами, которые просто сложены на земле, толкуются вокруг эстрады, на которой беспрерывно проходят концерты народных исполнителей. Что бы ни устраивалось, главными потребителями являются они!

Сельскохозяйственный рабочий, зарплата которого в 1978 году была 2—3 рупии в день, не пойдет в закусочную, так как

довольно большой, поджаренный на растительном масле, сильно наперченный блин с овощами стоит 2 рупии. Не пойдет неграмотный сельскохозяйственный рабочий и в построенные на ярмарке павильоны политических партий. Самый большой из них принадлежал шовинистическо-индуистской РСС.

Над обширным бамбуковым строением большая надпись: «Обновление мира путем укрепления характера». Вдоль стен лозунги: «Один язык, одно государство, один правитель», «Прошлое поможет создать наше будущее». Кажется, кому может повредить укрепление характера? Но, по мысли идеологов РСС, индеец может себя совершенствовать, только усваивая древние индуистские традиции. Под лозунгом об укреплении характера понимается религиозно-шовинистическое воспитание. Не знаю, что бы произошло, если бы рядом с этим центром пропаганды всемогущества индуизма были построены павильоны других религий — буддистов, мусульман, христиан, — ведь каждый из ортодоксальных приверженцев этих религий столь же высокого мнения о своем учении.

Обширный и хорошо посещаемый павильон на ярмарке принадлежал прогрессивному книгоиздательству «Мониша». В нем можно было приобрести хорошие книги индийских и советских авторов, работы классиков марксизма-ленинизма. Свои киоски имели и Коммунистическая партия Индии (марксистская), а также еще две левые партии — Революционно-социалистическая партия и Социалистический центр единства. Это официальные названия партий. Не знаю, как в них могут ориентироваться неграмотные и полуграмотные индийцы, хотя эмблем и лозунгов этих партий на стенах домов и заборов предостаточно. Большими портретами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и Мао Цзэдуна внимание зрителей привлекал павильон «Бирбхумского (это район, в котором находится Шанти-никетон. — В.И.) комитета эмансипации женщин». Ничто в этом павильоне не указывало на то, что его владельцы занимаются борьбой за освобождение женщин, но маоистская и другая подобного рода литература там выставлялась открыто и навязчиво.

Все же я должен сказать, что все левые, с которыми я встречался в разных концах Индии, хотя и удивлялись моей сдержанности в оценке политической ситуации в Индии, ко мне как гражданину Советского Союза относились с большим и неподдельным вниманием и уважением. При этом надо иметь в виду, что некоторые партии, к которым они принадлежали (например, Революционно-социалистическая партия), высказывали

тогда критические замечания об отдельных аспектах внутренней и внешней политики нашей страны. Присутствие различных политических организаций на ярмарке все же никогда не выливалось в митингование. Очевидно, это было запрещено в соответствии с воззрениями Тагора, который считал, что Шантиникетон должен находиться в стороне от политической борьбы.

Можно сомневаться в том, насколько популярны у бедняков эти ярмарки, хотя я своими глазами видел, как по всем дорогам группами и поодиночке шли к «Обители покоя» босоногие посетители. Но вечером 24 декабря вряд ли кто из жителей обширной округи оставался дома, если только был способен двигаться. Такого фейерверка — богатого красками, полного интересными выдумками — я не мог до этого момента и представить. Почти 45 минут в небо взмывали разноцветные ракеты, которые или разрывались с большим грохотом на мелкие огни, или, медленно угасая, тихо падали на землю. Они выстреливались то медленно одна за другой, то быстро, как из пулемета, то залпами. Яркие ракеты были только одной составной частью фейерверка. Он начался тем, что в небо поднялись два шара, к которым были подвешены большие пылающие лестницы. Потом друг за другом загорались как будто увешанные большими бенгальскими огнями искусственные деревья различной формы, начался огненный бой, деревья обстреливали друг друга разноцветными искрами с расстояния не менее десяти метров. Потом запылала стена огня, начали вертеться огромные огненные колеса, низвергаться пылающий огнепад высотой по меньшей мере с двухэтажный дом и шириной метров тридцать.

Когда эта неопишуемая восточная феерия и канонада закончилась и сотни тысяч людей стали расходиться, открылась огражденная площадка, где находилось армейское подразделение пиротехников. Волшебники, устроившие такое представление, какое даже во сне представить нельзя, превратились в простых смертных, одетых в форму цвета хаки. Так сгорает любое показное величие! «Сгорело» и много средств, за счет которых можно было бы лишний раз накормить миллионы отошавших детишек с тонкими ручками и ножками, вздувшимися животами. Но людям надо еще и нечто большее, чем горсть риса и кусок материи вокруг тела, чтобы было, что вспомнить и о чем мечтать. На строительство храмов и благоустройство святых мест, удовлетворение прихотей богачей, рекламирование дорогих товаров растрачивается очень много средств. Почему же память великого человека нельзя раз в году отметить фейерверком, который не забудется всю жизнь!

Тагор придавал чрезвычайно большое значение эмоциям в жизни человека, но вряд ли он мог представить, что когда-нибудь выборы совета студентов его университета будут проходить с таким же накалом страстей, как и выборы Всеиндийского парламента. Студенческое руководство Вишвабхарати и каждого факультета выбирается путем тайного голосования. Формально те студенты, которые претендуют на должности в советах, не представляют политические партии, но на самом деле каждый из них симпатизирует одной из них, поэтому в предвыборной агитации этот факт не менее важен, чем способности соответствующего кандидата и его чисто человеческие качества. Накануне выборов именами кандидатов и призывами голосовать за них расписаны все стены. После шумной агитации, регистрации кандидатов и повторного голосования студенческий совет в конце 1978 года был переизбран. Его президентом с перевесом в три голоса стал кандидат, который поддерживал Индийский национальный конгресс (И), а большинство совета даже в таком учебном заведении, как Вишвабхарати, в котором учатся в основном дети обеспеченных родителей, завоевали «левые»).

Очень скоро пришлось убедиться в том, какую власть имеет ассоциация студентов, выборы руководящих членов которой по меньшей мере недели на две выбили университет из привычного ритма работы. Я помню, как в январе 1979 года началась забастовка. Ее непосредственная причина — повышение цен в студенческих столовых Вишвабхарати. Кормить за 85 рупий в месяц, как объясняло студентам руководство Вишвабхарати, столовым в убыток. Стоимость питания была увеличена до 120 рупий. Студенты старались доказать, что и за 85 рупий можно вполне прилично кормить учащихся, если бы продукты не уплывали на сторону. Может быть, действительно 120 рупий в месяц многовато. Могу сказать только, что, питаясь в другой столовой за сумму, в три раза бóльшую, я получал очень скромную еду. Руководство университета заявило студентам: «Вы недовольны работой столовой? Мы тоже. Возьмите контроль над ней в свои руки, как это было во времена Тагора». Студенты не согласились и выдвинули встречный аргумент: «Хорошо. Тогда пусть преподаватели, которые живут в хороших домах и едят то, что им нравится, присоединятся к студенческому столу, как это было на начальном этапе существования школы Тагора»).

В конце 1978 года ассоциация студентов Вишвабхарати выдвинула ультиматум руководству университета: если не будут

выполнены договоренности, достигнутые во время сентябрьской забастовки того же года, занятия будут прерваны. Руководство университета, естественно, не спешило вникать в условия, выдвинутые студентами, и в тот день, когда должны были начаться экзамены, аудитории оказались пустыми.

Через несколько дней после начала «дополнительных каникул» (меня они, к счастью, не коснулись, так как работники библиотек не бастовали) студенты любезно дали мне список требований бастующих. Он занимал шесть больших, красиво отпечатанных и технически безукоризненно размноженных листов. Требования были написаны на английском, в хорошем юридическом стиле. Первое, что мне бросилось в глаза, — среди множества пунктов и подпунктов не было ни одного, который свидетельствовал бы о том, что студенты обязуются сделать что-либо в пользу своего университета, они только требовали, требовали, требовали: срочно начать строительство научной библиотеки; немедленно сделать звуконепроницаемыми помещения, в которых происходят музыкальные занятия; расширить мастерские факультета искусств; в кратчайший срок начать строительство общежития для научных работников; организовать регулярное автобусное сообщение между Шантиникетоном и станцией Болпур (расстояние два с половиной километра); увеличить количество принимаемых студентов; понизить требования на экзаменах и расширить участие студентов в тех или других органах университета.

Особый интерес у меня, конечно, вызвали пожелания студентов по улучшению работы столовой, так как они были повосточному изысканными: в каждой столовой должен быть выбор не менее чем пяти блюд и пяти закусок из четырех систем приготовления пищи — бенгальской, южноиндийской, североиндийской и китайской. Таким образом, получалось сорок названий! (Хотел бы я дожить до той поры, когда на завтрак, обед и ужин были бы на выбор хотя бы два блюда!) Список требований, адресованный вице-канцлеру, кончался следующими словами: «Мы требуем немедленного решения проблемы столовой. Надеемся, что вы и ваша администрация будете разумными и постараетесь избежать конфронтации».

Среди руководства студенческой ассоциации не нашлось людей, которые могли бы сказать: «Будем требовать, но в меру, будем и сами что-то делать». А в распоряжении вице-канцлера Вишвабхарати Шуроджита Шинхо, человека весьма уравновешенного и авторитетного, конечно, не было ни лишних 10 миллионов рупий, ни какой-то другой возможности избежать «кон-

фронтацию». Молодые, хорошо одетые люди группами и по одному ходили по Шантиникетону с утра до вечера, собирались у административного здания, у библиотеки, на главном («проспекте»), который ведет из Болпура в сторону реки Копаи, и у почтового отделения «Обители покоя». В ответ на угрозу руководства университета закрыть его до тех времен, пока студенты не решат возобновить занятия, начиная с 15 января группа студентов на неопределенное время объявила голодовку. Не знаю, как они голодали, но и этот шаг не дал ожидаемых результатов, так как немедленно вышел приказ администрации, которым Вишвабхарати был объявлен закрытым на неопределенное время, и студентам было велено покинуть общежития.

После этого шага руководства стачка приняла качественно новый характер. Общежития никто не покинул, и начались демонстрации. Студенты применили так называемую тактику *гхерао*, которая, по сути, является арестом руководства. В административном здании на заседание собралось все руководство университета и его основных подразделений — всего около двадцати пяти человек. Их окружили студенты и пригрозили не выпускать до тех пор, пока не будут исполнены все требования. Когда самые уважаемые люди Вишвабхарати были задержаны в зале заседаний более полутора суток (еду им приносили, и студенты даже развлекали своих преподавателей концертами), вице-канцлер вызвал полицию. Прибыло несколько машин с вооруженными людьми, которые легко бы справились с участниками *гхерао*, занявшими вестибюль второго этажа административного здания (чиновники с первого этажа все время могли работать нормально). Но полицейские к заключенным профессорам и доцентам не добрались, так как студенты — юноши и девушки легли прямо на землю вокруг административного здания и не пропускали полицию к зданию. Простояв несколько часов, машины стражей закона и порядка убьли восвосяси, а арест продолжался почти трое суток, до того времени, пока «орган власти» — так называли свой окруженный объект бастующие — согласился возобновить переговоры.

Было крайне грустно смотреть, как несколько сотен хорошо одетых молодых людей, выкрикивая хором лозунг «Inquilab Zindabad» («Да здравствует революция!»), бывший популярным во время борьбы за свободу, 19 января в два часа тридцать минут ночи мимо моих окон направились к красивой вилле вице-канцлера, окружили ее и кричали не менее часа. Я вышел на улицу. Ко мне подошло несколько человек. Из разговора с ними я узнал, что юноши будут бастовать и собирать

ся на демонстрации до тех пор, пока не добьются своего. Спросил, не кажется ли им, что главная задача студентов все же самим учиться, а не учить своих профессоров. Они вежливо ответили что в демократическом государстве может быть и наоборот.

Какой контраст между забастовкой в Вишвабхарати и демонстрациями трудящихся в Калькутте! Однажды мне пришлось в поезде ехать в этот большой город. Сел, как обычно, в вагон второго класса и был удивлен, что вместо пестрой публики увидел различного возраста, очень бедно одетых мужчин с маленькими котомками. Оказавшись среди этих людей, я захотел побеседовать с ними. Не удалось. Обычно бенгальцы очень охотно разговаривали со мной. С трудом и не сразу я узнал, что мои спутники — сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне, едущие в Калькутту, чтобы участвовать в демонстрации по призыву руководства Коммунистической партии (марксистской) штата Западная Бенгалия. Многие из них, может быть, впервые ехали на поезде. Большинство, вероятно, никогда раньше не были в Калькутте. Мы вместе сошли на станции Шеалда.

Из всех вагонов к месту встречи спешили такие же люди. Несколько человек, одетых получше (очевидно, представители сельской интеллигенции, которая играет большую роль в политической и общественной жизни Индии), начали организовывать митинг. К бамбуковым палкам, которые у многих были с собой, люди начали прикреплять лозунги, коряво написанные на изношенной, побелевшей, даже надорванной красной материи. Образовалась колонна из нескольких сотен людей. Шум огромного города заглушал выкрики демонстрантов, но небольшие, потрепанные транспаранты, которые в эти часы несли люди труда в своих мозолистых руках со всех сторон на площадь Майдан в центре Калькутты, где состоялась мощная демонстрация, нельзя было не заметить. Вторую подобную демонстрацию я видел однажды в Тривандраме, столице другого «красного» штата — Кералы, где по главным улицам извивалась длинная колонна «неприкасаемых» с требованием восстановить их человеческие права во всех областях жизни.

Забастовки в Шантиникетоне, конечно, что-то совсем противоречащее мечте Тагора — создать учебное заведение, в котором студенты, преподаватели и работники жили бы в согласии, чтобы им была присуща общность взглядов и интересов. Несомненно, что подобные выступления отражаются и на без того невысокой дисциплине студентов. Уже не говоря о том, что мало кто из них посещает обязательную утреннюю молитву

памяти поэта до начала занятий и проходящие каждую среду в шантиникетонском храме богослужения. Часто малолюдны лекции и семинарские занятия, хотя плата за обучение небольшая, а за каждую переекзаменовку надо платить 25 рупий (хорошее нововведение: те, кто не хочет хорошо учиться, платят за свою лень).

Не знаю, приведет ли меня жизнь еще раз в Шантиникетон, но после проведенных там месяцев судьба взлелеянного Тагором детища всегда будет меня заботить.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Индийские философы в отличие от европейских издавна считали, что человек не должен быть властелином природы и кичиться своей властью над ней. По воззрениям великих мыслителей этой страны (во всяком случае, начиная с сочинителей упанишад), человек после смерти может перевоплощаться и принять облик животного или человека. С этим воззрением тесно связано учение о ненасилии, самыми последовательными сторонниками которого являются джайны. Они строгие вегетарианцы. Самые ортодоксальные из них не едят после захода солнца, чтобы случайно в темноте не съесть какую-нибудь живность, а во время сезона дождей, когда много насекомых, закрывают рот платком, чтобы случайно не вдохнуть в себя, например, москита. Хотя доктрина ненасильственности никогда последовательно не соблюдалась во всей Индии (в средние века, например, богачей развлекали боями перепелов, петухов, баранов, быков, даже буйволов и слонов), все же она оказала заметное влияние на отношение индийцев к живой природе.

Некоторым животным поклоняются (это остаток тотемических культов). В особом почете обезьяны, потому что, согласно мифу, их вождь Хануман помогал главному герою «Рамаяны» Раме сражаться с правителем демонов Раваной. Имеются даже храмы в честь Ханумана, где можно встретить много этих животных. За пределами святых мест я видел обезьян редко. Помню, однажды в Болпуре одна обезьяна, взобравшись на крышу двухэтажного дома, бросала куски черепицы в прохожих. Не следует думать, что животные, которые живут вблизи храмов и постоянно находятся среди людей, являются ручными. Да, они выпрашивают угощение, а иногда сами лезут в сумки, но стоит только кому-нибудь к ним приблизиться или, упаси

бог, подразнить, как они оскаливают свои большие острые зубы или сердито бросаются навстречу с угрожающим видом.

В Южной Индии и Бенгалии в некоторых местах поклоняются кобрам. Понятно, что в основе этого культа лежит страх. Теперь в Индии ядовитых змей не очень много, в распоряжении врачей имеется сыворотка, с помощью которой жизнь ужаленного человека можно спасти — конечно, если сыворотка под рукой и если известно, какого вида змея укусила (в Бенгалии их четыре, и укусы каждой смертельны). По-прежнему с этими не совсем приятными рептилиями весной и летом можно встретиться даже в городе. Один из моих знакомых несколько лет назад видел кобру в своем саду в Кхарагпуре — одном из крупнейших городов Западной Бенгалии. Незадолго до моего приезда ядовитая змея проникла в туалет частного дома рядом с «гест-хаузом», а другую видели на дереве в нескольких десятках метров от моего окна. Но так как по крайней мере в течение пяти лет в Шантиникетоне никто не был укушен, я не слишком серьезно воспринимал настойчивые предупреждения опасаться змей и забывал о них даже тогда, когда гулял по полям. Все же одну — сероватую, тонкую и длинную — увидел среди бела дня у главной библиотеки. Мне сказали, что она неядовита.

Для индуиста корова — животное священное. Ее нельзя ни бить, ни убить. Когда средневековый поэт сравнивал глаза девушки с глазами коровы (а у них действительно умное выражение), он выражал свой восторг и девушкой и коровой, подчеркивая близость людей и животных. Даже в конституции Республики Индии записано, что государство старается организовать земледелие и животноводство на современной научной основе и принимает особые меры, чтобы улучшить и сохранить породы домашних животных, запретить убийство коров и телят, а также другого молочного и тяглого скота.

Не совсем ясно, как возник культ поклонения корове. Еще за несколько столетий до нашей эры не было запрета на ее убийство. Также непонятно, почему убийство коровы и брахмана являются равнозначными грехами или почему вола можно бить постоянно, а в иных случаях и убивать, не говоря уже о буйволе, который веками был жертвенным животным.

В Индии живут по меньшей мере сто пятьдесят миллионов людей, питающихся говядиной, — мусульмане, христиане, люди племен, не входящих в сферу запретов индуизма. Но индуистские ортодоксы все время выступают за введение полного запрета на убийство коров во всей стране. В марте 1979 года гандист Виноба Бхаве (он завоевал большую популярность в народе

своими обращениями к крупным землевладельцам добровольно отдавать излишки земли безземельным крестьянам) выступил с заявлением, что начнет голодовку, если парламент не примет закона, охраняющего жизнь коров. Началась широкая кампания в печати. Хотя большинство крупных газет, несмотря на то что они принадлежат индуистам, выступили против подобного шага Винобы Бхаве, указывая, что нельзя законом устанавливать, что может и не может есть человек, а также признавая необходимость селекции крупного рогатого скота даже в том случае, если не есть его мясо. Политические деятели, чувствуя, что парламентские выборы не за горами, и учитывая, что индуистов в стране подавляющее большинство, стали лавировать.

В 1959 году Верховный суд вынес решение, запрещающее забивать коров и телят (включая молодняк буйволов), но разрешающее уничтожать негодных для использования в хозяйстве буйволов и волов. Все штаты за исключением Западной Бенгалии и Кералы, а также нескольких штатов Северо-Восточной Индии (где у власти находились левые правительства) формально поддержали это решение.

Таким образом, кампания по защите коров получила не только религиозный, но и политический характер. Влиятельная газета «The Statesmen» (принадлежащая богачу-парсу Навалу Тате, которого никак нельзя заподозрить в поддержке левых правительств) на этот раз резко выступила против Винобы Бхаве и опубликовала несколько убедительных статей против запрета убивать коров, выдвигая довольно веские аргументы. Так, газета указала, что, по неофициальным данным, в штатах, где действует запрет, каждый год забивается около двух миллионов голов крупного рогатого скота. Их тайно доставляют в места, где открыто работают скотобойни. «Как в Индии можно организовать земледелие и животноводство на современной основе в соответствии с требованиями конституции, если не будет ликвидирован избыток крупного рогатого скота и не будет произведена селекция?» — спрашивала газета.

И действительно, множество коров, бродящих по Шантиникетону в месяцы, когда зеленеет трава (ее почти по всей Индии скот съедает еще едва выросшую), дают по три литра молока в день, в остальные семь-восемь месяцев, когда они в основном питаются рисовой соломой, надой уменьшается до двух литров. Причина столь низких надоев не только в недостатке травы, но и в том, что необразованные крестьяне не понимают значения выведения более продуктивных пород молочного скота.

Тощие и больные коровы бродят по улицам городов в надежде найти брошенную банановую корку или клочок травы, еще не съеденной козами. Заботясь о больном и искалеченном крупном рогатом скоте, Виноба Бхаве и те, кто его поддерживали, предлагали создавать даже «больницы» для коров. Однако индуистская традиция не убивать ни одно живое существо в то же время не требует его любить. Не довелось в Шантиникетоне видеть, чтобы дети так ласкали теленка, ягненка или собачонку, как это происходит у нас.

Еще со времен Будды особым почетом в Индии пользовался прирученный слон. Веселый толстячок Ганеш — такой милый и ласковый — бог с головой слона. Теперь вне заповедников диких слонов осталось мало. Их сравнительно немного и как рабочих животных. Я видел их только трижды: при переезде цирка с одного места на другое, в какой-то североиндийской деревне и в городе Джайпуре (Раджастхан), где флегматичные и отошавшие животные возили на себе туристов. Кататься на слоне — удовольствие не из приятных. Кажется, огромное животное тебя нарочно бросает во все стороны. Не зря люди садятся на спину слона во что-то наподобие корзины, из которой трудно выпасть.

В индийских заповедниках еще сохранилось около двух тысяч тигров. В восточной части страны обитает около 700 носорогов. Помимо тех четырех львов, которые смотрят во все стороны с герба Индии, еще немного этих диких животных можно встретить в полупустынях на западе страны.

В деревнях Индии основной тягловой силой служат буйволы и волы. Они тянут двухколесные повозки, плуг, приводят в действие старинные оросительные устройства. В Западной Индии много верблюдов, кажущихся воплощением спокойствия и философской отрешенности. Лошадей мало, зато пони можно встретить по всей стране. По горным дорогам они перевозят грузы, а в городах в разукрашенных повозках катают туристов. В Кашмире встречаются очень сильные, маленького роста горные лошади. На одной из них я за несколько часов по глинистым и каменистым горным тропам добрался до зоны снегов и вернулся назад в долину (около двадцати километров), а лошадка не выглядела усталой.

По улицам крупных городов бродят не только «святые», бесполезные и обреченные на медленную смерть коровы. Вблизи центра Калькутты, у Национальной библиотеки, я видел пасущиеся стада овец и свиней. В Южной Индии по улицам бродят как будто никому не принадлежащие козы и подбирают все

отходы. Везде много тощих, болезненных, раненных в постоянных сварах полудиких собак.

Среди всех животных в Индии, несомненно, меньше всего уважают свиней. В глазах мусульман это нечистое животное. Свинину не едят и индуисты так называемых «чистых кастовых групп». Свиньи иногда бродят только возле лачуг «неприкасаемых». Когда мои шантиникетонские друзья услышали, что я, приезжая в Калькутту, посещаю китайские рестораны, чтобы поесть свинину с рисом, они пытались отговорить меня от этого, говоря, что от свинины, которая обычно недостаточно прожаривается и не вываривается, можно приобрести различные болезни.

Ни разу на обочинах я не видел ни косулю, ни кабана, ни какого-нибудь другого зверя. В вестибюль моего «гест-хауза», спасаясь от смерча, правда, однажды забежала лисичка.

И к миру растений индеец относится по-иному, чем мы. В наши дни на селе какое-нибудь огражденное забором дерево еще может быть объектом поклонения, так как индуизм в значительной мере является религией боготворения природы. Без веточек манго и дымовых палочек из сандалового дерева не обходятся многие религиозные и светские торжества. Дерево как таковое всегда воспевалось в индийской поэзии. Тагор считал его символом всей живой природы и ее первенцем, поэтически наделив растения способностью чувствовать, радоваться и страдать. Невольно на ум приходят строки поэта, где он изображает способность баньяна давать жизнь сотням новых побегов, таким образом вырастает целая роща; когда он воспевает стройный, могучий деодар или восторгается величественной, светлоствольной чинарой в Кашмире. Деревьям и кустам в пору цветения, несмотря на полив, с трудом удается выдержать обжигающее солнце, не поникнуть под сильными струями дождей.

Когда несколько месяцев подряд цветет довольно крупное дерево — *кришначура* — или когда далеко вокруг распространяет свои пряные запахи ашока или бонфул, кажется, что природа старается раскрыть перед человеком свою непревзойденную красоту и чарующую прелесть. Хочется даже прикоснуться к колючим южноиндийским кустам и кактусам, чьи уколы могут быть весьма болезненными. Все эти красавцы, большие и мелкие, нежные и грубые, весьма отличаются от наших деревьев, и сначала становится даже грустно, что среди них не видишь дубов, ясеней, лип, берез, сосен, елей, сирени — почти ничего, что напоминало бы родину, за исключением садовых цветов, многие из которых завезены в Индию из Европы.

Любовь индийцев к природе и красоте выражается во всем: даже занимаясь тяжелым физическим трудом, женщины украшают себя дешевыми побрякушками, а в красивые черные волосы вплетают цветы. В любой, даже в самой бедной деревенской семье рядом с изображением индийского божества всегда лежат цветы. Но продажа цветов не так распространена, как у нас. Должно быть, потому, что, для того чтобы их приобрести, многим надо отказаться даже от еды, так как в больших городах цветы дороги. Помню одного старого, очень бедно одетого продавца цветов в Шантиникетоне, который всегда стоял с небольшим букетиком лотосов в руках. Однако цветы у него не покупали, хотя один лотос стоил всего несколько анн. Я тоже проходил мимо старика не задерживаясь, так как знал, что цветок в этой жаре сразу увядает. Но теперь мне кажется, что эту нежную алую прелесть мне надо было покупать каждый день и любоваться прекрасным цветком, пока он не погибнет в тепле и под взмахами вентилятора, потому что, кажется, нет в мире ничего прекраснее только что раскрывшегося бутона лотоса.

Жителей Индии природа не только радует, но и кормит. Можно смело утверждать, что народ стал обладателем могучей и богатой цивилизации благодаря щедрости земли и собственному трудолюбию. Уже в древности, вырубив леса, земледельцы на Севере выращивали пшеницу и ячмень и везде, где было орошение, — рис. В засушливых южных областях людей кормило просо. Горох, фасоль, чечевица, а в особенности тыква были известны на всем субконтиненте. Керала уже тогда была знаменита своими пряностями и постепенно познакомилась с ними всю Европу. К нам пришел оттуда сахарный тростник.

Среди плодовых деревьев королевой, несомненно, является кокосовая пальма, которая лучше всего растет там, где в избытке и влага и тепло. Керала, узкой полосой протянувшаяся вдоль юго-западного побережья Индии, является подлинным раем для кокосовых пальм. Они там дают до четырех урожаев в год. С одной большой пальмы можно собрать двести-триста орехов размером с человеческую голову. Богата кокосовыми пальмами и Бенгалия. Человек их использует разносторонне. Незрелый кокосовый орех дает двести-триста граммов освежающего и очень ценного напитка; созрев, он становится пригодным в пищу, а из его ядра выжимают масло. Толстую и твердую скорлупу кокосового ореха применяют в качестве посуды, из прочных волокон, находящихся между скорлупой и ядром, вьют веревки. Съедобны и полезны как лечебное средство его цветы. Из ствола живого дерева получают сок для питья

и приготовления опьяняющих напитков, а из срубленного — прочные пиломатериалы. Из листьев плетут корзины, изготавливают веера и шляпы или покрывают ими крыши хижин.

Чудом природы является и манговое дерево (в Индии в год собирают около двух миллионов тонн плодов манго), цветение которого знаменует начало весны, а время плодоношения приходится на конец жаркого периода и начало сезона дождей. Проезжая на поезде по долине Ганга, где уже давно вырублены все леса, видишь почти одни манговые деревья, так как они растут в более засушливых местах и не требуют большого ухода. Деревья манго имеют широкую и разветвленную крону. Плоды их иногда чуть больше слив, а есть и полуторакилограммовые. Они похожи на плотные удлинённые плоские зелёные «почки», подвешенные к ветке почти полуметровым живым шнурочком. Плоды манго бывают и сладкими и кисловатыми. Под довольно толстой кожицей мякоть белая, коричневая или красноватая. Их можно использовать в подливах, желе, маринадах, они хорошо сушатся.

Щедра на урожай и папайя, похожая на небольшие, подвешенные на деревьях продолговатые дыни (дыни и арбузы в жару быстро прокисают, и поэтому их не везде выращивают). Простой люд питается огромными, но не очень вкусными плодами хлебного дерева. Выращивают здесь апельсины, мандарины, виноград и другие плоды. Кажется, никому не надо рассказывать, как выглядит обыкновенный банан, и не надо описывать, каков он на вкус. Но в Индии выращивают и такие бананы, которые не превышают длину пальца и намного слаще тех, которые мы имеем возможность купить у нас. В Южной Индии есть очень сочные, большие и нежные красные бананы.

Фрукты все же в основном потребляются зажиточными людьми. За исключением кокосовых орехов, манго и бананов, плодовые выращиваются мало, чтобы не занимать землю, которая должна в первую очередь производить основные продовольственные культуры, то есть зерновые.

Равновесие в отношениях между природой и людьми в Индии, так же как и в других местах, начало нарушаться уже тогда, когда лесов стало мало, а на их месте появились поля и города. Вместе с малоценными породами деревьев вырубались и сандаловые деревья, красное и черное дерево. Несмотря на все запреты, деревья и кусты по-прежнему уничтожаются из-за нехватки топлива для приготовления пищи. Редуют даже склоны труднодоступных гор и возвышенностей. Путешествуя по Индии только поездом или автобусом, я ни разу не видел боль-

шого леса или джунглей, как у нас принято называть индийские леса (местные жители джунглями называют и небольшие кустарники). Эрозия почвы — результат вырубки лесов — тяжелая проблема, с которой приходится здесь сталкиваться.

Ученые считают, что человек, постепенно расширяя свои владения за счет растительного мира, способствовал тому, что климат Индии стал жарче. Не знаю, правда ли это, но теперь этот климат переносится с трудом.

В Индии времена года принято называть следующим образом: прохладный, или, как говорят индийцы, холодный, сезон (декабрь — март), жаркий (апрель — май), сезон дождей (июнь — сентябрь) и сезон отступления юго-западного муссона. Уже в этом делении нет привычных нам названий времен года. Бенгальцы утверждают, что у них существуют шесть времен года — каждое по два месяца. Не знаю, так ли это, но, когда я жил в Западной Бенгалии, мне казалось, что по-настоящему прохладно бывает лишь ночью с конца декабря до середины февраля, в остальное же время тепло или жарко как днем, так и ночью. В то же время на равнине Кашмира, у подножия Гималаев, температура примерно такая же, как в наших широтах. Зимой она относительно постоянна, но не ниже минус 15–20°, а летом солнце печет куда сильнее, чем в нашей Прибалтике. Но люди живут и на высоте трех-четырёх тысяч метров над уровнем моря и даже еще выше, где климат весьма суров. В разных районах Индии различно и количество осадков. В северо-восточном горном районе неподалеку от города Шиллонга (штат Ассам), ежегодно выпадает самое большое количество осадков в мире — около тринадцати тысяч миллиметров, а на некоторых довольно обширных равнинных территориях Западной Индии — только пятьдесят миллиметров за год. На большей же части Индии осадки колеблются от четырехсот до семисот миллиметров, и они в основном выпадают в течение нескольких месяцев во время летнего муссона.

Я прибыл в Индию 23 сентября, и она меня встретила настоящим теплом — 34–35° в тени. Разъезжая по Дели с группой советских туристов, приехавших из Средней Азии, приходилось непрерывно слышать восклицания:

— Как непереносимо жарко!

Когда я им напоминал, что у них в Ташкенте или Ашхабаде бывает и за 40° в тени, то получал ответ:

— У нас влажность воздуха низкая, поэтому жара легче переносится.

Когда я прилетел в Калькутту, где влажность воздуха была, несомненно, выше, чем в Дели, казалось, что меня обволакивает воздух парной в бане. Но термометр показывал те же 34–35°, что и в Дели!

Но прежде чем я испытал на себе безжалостное солнце Индии, пришлось познакомиться с мощными муссонными ливнями. Чтобы создать у читателя яркое представление о них, обратюсь к своему калькуттскому дневнику:

«Какое сегодня число? Кажется, 28 сентября. А дождь не перестает. Льет как бы из огромного небесного крана, который боги забыли закрыть. Часов пять почти без перерыва. Утром на соседних улицах вода была по колено. Некоторые автобусы еще ходят. Люди бредут кто как может, рикши работают по-прежнему. Ем сыр, который, к счастью, взял с собой из Риги. Мой сосед по комнате, приятный юноша из Ирана, который собирался поступить в университет, где-то достал вареный рис и лепешку. Вечером меня приняли в свой "клуб" участники своеобразной кухни самообеспечения этого Международного дома студентов, где главенствовали семь бангладешцев — преподавателей различных учебных заведений.

Прошла еще одна дождливая ночь. В небольшом домике напротив, в котором обитает мусульманская семья, вода поднялась намного выше порога. Пустые банки из-под краски, вычищая которые семья зарабатывает себе на жизнь, плавали по всему двору. На улице в самых глубоких местах вода доходила до подмышек. Кухня нашего общежития закрыта и затоплена, снабжение продуктами полностью прекращено.

— Придется голодать, — сказал повар.

Электричество отключили (я тогда еще не знал, что его не отключили, а просто упало напряжение). Днем его почти не было. Вода в кране появлялась только изредка.

К вечеру улица стала оживленнее. Люди куда-то брели по грязной воде и что-то несли на голове. Пытались проехать на своих двухколесных тележках рикши. Чуть не вплавь, со смехом куда-то направились два мальчика. Очевидно, вода не везде поднялась высоко (вскоре стало ясно, что затоплена только часть Калькутты). А что теперь делали бездомные, чем питались, если даже вороны у моего окна, кажется, каркали от голода? (Позже выяснилось, что люди были расселены по школам, колледжам и другим зданиям.)

Только что меня угостили обедом — восемью маленькими печеньями, чашечкой кофе и одним бананом, видимо, кто-то

доставил съестное. За обеденным столом состоялся разговор, обсуждали, кто отправится за ужином. Я тоже вызвался, но мое предложение было отклонено даже без обсуждения. (Потом я много раз чувствовал, что в Индии я в глазах местных людей выглядел таким же взрослым ребенком, какими нам кажутся индийцы, приезжающие в Ригу.) Вода может быть заражена микробами, она очень грязная, продукты надо нести на голове, и я не был огорчен, что пришлось остаться в комнате. (Затем почти месяц я был вынужден жить, не принимая участия в доставке продуктов, хотя многократно просил возложить на меня хотя бы какую-нибудь обязанность.)

29 сентября. Уже прошло два дня, как в кране почти нет воды. Тока тоже нет. Но кухня начала действовать. Прошлой ночью в три часа сорок минут случилось происшествие. Кто-то постучал в дверь и громким голосом прокричал, что ожидается землетрясение и что все жители должны покинуть пятиэтажный дом. Я жил на втором этаже и вместе с людьми из соседних комнат сломя голову выскочил на залитую грязью улицу, с которой только что сбегала вода. О том, что надо запереть комнату, я даже и не подумал. Если под угрозой голова, кто будет жалеть о волосах! Но мой сосед Мустафа, как восточный человек, был разумнее и, выйдя после меня, показал ключик от маленького висячего замка, который сторожил нас и наши вещи от калькуттских воров. Довольно долго мы топтались в грязи, ожидая, когда начнет колебаться земля и развалится старый, растрескавшийся дом. Но ничего подобного не произошло, и через какое-то время мы обратили внимание на то, что жители соседних домов спят сладким сном. Кто-то из бангладешцев пошел в полицейский участок, чтобы выяснить, что же за светопредставление нас ожидает. В полиции ответили, что им ничего не известно о подобных ужасах. Мы вернулись в дом и легли спать». Но еще и теперь меня иногда волнует мысль, что бы произошло, если бы Калькутту действительно постигло землетрясение. Многие дома ветхие, требуют срочного капитального ремонта.

Вот еще выдержка из дневника: «После перерыва в несколько дней стали выходить газеты. Теперь можно хоть что-то узнать о жизни города и о событиях в мире, от которого Калькутта была отрезана по меньшей мере два дня. Газетные заголовки гласили: "Сильнейший за 60 лет дождь сделал Калькутту инвалидом. 360 миллиметров осадков за двадцать четыре часа. Затоплены обширные районы. Непрерывный ливень 27 сентября полностью парализовал жизнь Калькутты". Впервые за историю го-

рода вышел из строя городской водопровод (который, между прочим, капитально не ремонтировался и не расширился уже более ста лет). На доске объявлений нашего дома появилось сообщение: "В продаже нет риса, картофеля, кур, угля".

Вчера посетил знаменитый Калькуттский зоопарк. При подъеме уровня воды в Хугли на дорожках и даже в клетках зверей на моих глазах начала подниматься вода. Газеты пишут, что в городе Навадвипе триста тысяч жителей полностью изолированы от внешнего мира и ждут помощи. Многие из них сидят на крышах и деревьях. У оказывающих помощь не хватает продуктов и лекарств. Не на чем также все это доставлять, так как моторных лодок и вертолетов мало.

Затоплена территория примерно в тридцать пять тысяч квадратных километров, смыты десятки тысяч домов, затоплены угольные шахты (Западная Бенгалия — важный район угледобычи), многие мосты разрушены, дороги размыты. Телевидение показывает, как самолеты и вертолеты сбрасывают пакеты пострадавшим от наводнения — люди как мухи облепили большой мост.

Сегодня впервые прочел о Шантиникетоне, что он по-прежнему находится в окружении воды»).

Через несколько месяцев газеты сообщили, что пострадали десять с половиной миллионов человек, по меньшей мере тысяча двести погибли. Бурлящая вода унесла около миллиона жилищ, около двухсот тысяч голов скота, уничтожила урожай на площади 2 800 000 акров, частично или полностью вывела из строя восемнадцать с половиной тысяч школ.

13 октября газета «The Statesmen» опубликовала рассказ одного из пострадавших: «Начались дожди. Еле успели собрать самые необходимые вещи. Вода поднималась и поднималась, и мы могли только обреченно смотреть на это, когда шли по лестнице в соседний дом. В общую какофонию сливались крики женщин и детей, мычание беспомощного скота и собачий вой, а над всем властвовал разъяренный смерч, и непрерывно хлестал дождь, который лился на землю, как будто ее за что-то наказывая. Смерч сворачивал, словно лист бумаги жечь на крышах, вырывал деревья с корнями и оставлял от хижин лишь одни воспоминания.

Вода безжалостно поднималась. Крысы металась, змеи выползали из своих нор, домашняя птица старалась взлететь повыше, но сразу уносилась смерчем туда, где царствовали стонущие раскаты и безумный вихрь воды. Несколько счастливицков забрались на кокосовые пальмы и держались за стволы и

ветви, но вскоре осознали, что усталость заставит их отправиться снова в воду, а возможно, и погибнуть. Многие плыли к массивному двухэтажному дому, где их принимали более счастливые братья. В конце лестницы бурлил вихрящийся поток. Воздух в помещении стал удушливым, остро пахло нечистотами. Погас свет, так как оборвались провода. Вокруг — темнота и духота. Москиты кусали, мухи не давали покоя, и мы уже не осознавали, где находимся, и двигались с помощью свечей или керосинового фонаря. Местная католическая миссия прислала на плоту хлеб и финики. Если человек в состоянии был удержаться на дороге по горло в воде, то, двигаясь таким образом, он мог добраться до жилья и топлива, чтобы приготовить себе пищу. Несколько человек, однако, утонули, запутавшись по пути в болотных сорняках. Несколько человек умерли от укусов змей. Еще нескольким просто не хватило сил жить без пищи, питьевой воды и надежды.

Потом ветер стих, и через просвет в тучах засверкали золотистые лучи солнца. Появились птицы, они кружили над нами. Кончилось ли наводнение? Не совсем. Вода не спадала еще два дня. На седьмой день затихли стоны, причитания и вопли. Плавающие трупы людей и животных, следы, оставленные водой на стенах первого этажа дома, и грязь вокруг свидетельствовали о том, какой ужас мы пережили. Утешало лишь сознание, что мы выжили, несмотря на потери. Мы остались жить».

Наступило 25 октября. Наконец я сидел в вагоне поезда первого класса, который вовсе не похож на первоклассный, так как довольно грязен и запущен. Когда он оставил за собой пригороды Калькутты, взору неожиданно открылись обширные рисовые поля, поселки со своими небольшими мазанками в окружении тропических деревьев. На полях созрел рис. На большинстве он был еще зеленым, на некоторых только высаживали рассаду, а на других рис уже почти созрел.

Вскоре на полях стали заметны следы бедствия. Там, где проходили потоки воды, рис в лучшем случае полностью полег, а в худшем — был покрыт толстым слоем речного ила. Как очистить эти поля? Местами с корнем вырваны пальмы высотой 4—5 метров. Несколько поселков полностью смыты с поверхности земли. Но там люди уже строили заново свои мазанки. Сперва делали бамбуковый каркас для стен и крыши, потом обмазывали стены глиной и покрывали тростником или рисовой соломой. И дом считался готовым, так как сделать глиняный пол — искусство небольшое: глина тут же под рукой. Теперь я понял, что двести рупий, которые правительство штата выде-

лило в кредит каждому, у кого смыло дом, не так уж и мало, учитывая, что рабочая сила бесплатна, бамбука, кажется, хватает и нет нехватки глины)). Но как рассчитаться с правительством, если нет ничего, за исключением собственной жизни и старых долгов? Поэтому многие и не стараются остаться на земле, а отправляются в город, где пополняют уже и так несчетное количество ищущих работу и нищенствуют.

В индуистской мифологии известна легенда о правителе Тришанку, который повесился между небом и землей потому, что боги его не пускали в свою обитель, а спуститься на землю ему не позволяло проклятие мудрого Вишвамитры. Эта легенда мне пришла на память, когда я находился в Калькутте и изо дня в день ждал — может, завтра будет открыта дорога в «Обитель покоя»). Но нет худа без добра. Мне удалось основательно поработать в калькуттских библиотеках. Когда я приехал в Шантиникетон, оказалось, что он вовсе не пострадал.

Для меня, например, идеальной погодой для работы казалась бенгальская зима, хотя и в это время года все дни кажутся похожими: нет облаков, безветренно, колебания температуры незначительны. Второго ноября вдруг похолодало, но вскоре снова стало тепло. В конце ноября в Калькутте днем было 30°, а ночью — 18°. А в январе, лежа под противомоскитной сеткой, надо было накрываться двумя тоненькими одеялами и даже закрывать ставни перед незастекленными окнами. Зима для европейца в Индии — наиболее удобное время для путешествий. Правда, меню в это время года не слишком изобилует фруктами. Но бананы, апельсины, мандарины можно было достать даже в Болпуре и Шантиникетоне.

Зимой я часто ездил и ходил в соседние деревни, участвовал во всех научных и культурных мероприятиях Шантиникетона. Но мои бенгальские друзья явно мерзли. Красноречивым свидетельством этому служили ватные одеяла толщиной 4—5 сантиметров (без преувеличения), которые днем проветривались на садовой ограде нашего «гест-хауза»). По утрам люди ходили с повязанными головами и основательно «упакованными» ушами, потому что уши у индийца мерзнут больше всего. С наступлением прохлады велорикши продолжали ездить в одной рубашке, но на шее появлялся шарф, на голове шапка. Однажды я даже спросил у врача, привычка это или необходимость — закутывать голову. Но исчерпывающего ответа так и не получил. Если утром 8—12° и если земля еще не успела остыть после вчерашних 23—26° в тени, то даже в самые «холодные» дни зимы можно обходиться без сандалий. Но почему от прохлады надо обе-

регать голову и уши? Однако шутки в сторону. Зимой и в Индии холодно. И не только в ее северных штатах, где ночная температура опускается до нескольких градусов выше нуля. Но что претерпевают в это время бездомные, не имеющие ни крыши над головой, ни одежды, смогли бы рассказать только они сами.

Поздней осенью и зимой в Индии почти не бывает дождей, за исключением вечно влажного предгорья на северо-востоке и побережья Индийского океана на юге. В Шантиникетоне, например, после перерыва в два — два с половиной месяца прошел дождь, и снова осадков практически не было до второй половины марта — начала апреля, когда на какой-то месяц появилась даже зеленая травка. Естественно, что неорошенные поля в это время становятся серо-желтыми и животным не найти на них пропитания.

Долгое время я не мог привыкнуть и к тому, что продолжительность дня и ночи в течение года существенно не отличается. Казалось странным, что теплым вечером солнце вдруг исчезает за горизонтом. 21 декабря в Калькутте оно восходит в пять часов тридцать минут, а садится в шестнадцать часов пятьдесят семь минут, но 13 апреля, когда день должен бы быть значительно длиннее, солнце восходит в пять часов восемнадцать минут, а заходит в семнадцать часов пятьдесят шесть минут. На самом юге Индии день и ночь круглый год имеют примерно одинаковую продолжительность.

После захода солнца в тропиках становится темно намного быстрее, чем у нас, и практически весь год нельзя работать 11—12 часов в сутки без искусственного освещения. Деревни быстро погружаются в темноту (за исключением нескольких домов, к которым подведено электричество, или тех, где жители могут позволить себе зажигать дорогие, яркие керосиновые лампы особой конструкции). Какая-нибудь примитивная коптилка имеется в каждой хижине, но можно ли при ее свете работать?

Если зима приходит медленно, то весна короткая и быстро уступает место лету. Уже 7 марта был такой жаркий день, что служители моего «гест-хауза» говорили:

— *Бхишон гором* («Ужасная жара»).

Появились большие черные зонты, которыми укрывались от солнца. Никакой большой жары по индийским меркам, правда, еще не было. Только 34,5° днем и 17° ночью, то есть примерно такая же температура, как в конце сентября и в первой половине октября, когда бенгальцам кажется, что стоит приятная, теплая погода.

Уже 23 марта я записал в своем дневнике: «Давящий, знойный воздух, дышать тяжело, непрерывно потеешь. Перед сном надо постоять под душем, чтобы тело остыло и можно было бы заснуть». Тогда я еще не знал, что при настоящей жаре пот выступает на теле только при быстром движении, так как он моментально испаряется. Конец марта — прекраснейшее время весны, когда по утрам и вечерам громко поют птицы. Я научился различать по голосам голубую индийскую кукушку, голубя и индийского соловья. Воздух становится густым от избытка запахов, которые щедро выделяют деревья и кустарники.

Опасаясь жары, выхлопотал разрешение один месяц пожить в горном Дарджилинге, откуда осенью и зимой видна Канченджанга, один из восьмидесяти тысячиков Гималаев. Но когда я туда направился после лекций о Р. Тагоре, прочитанных в Северобенгальском университете, понял, что Дарджилинг, где в основном живут непальцы и тибетцы, все же не та Индия, которая мне была нужна. К тому же возникли опасения, что там, вдали от библиотеки, не смогу полноценно работать над своим исследованием, из-за которого приехал в такую даль.

Врач из Шантиникетона, прежде чем разрешить мне одному отправиться в длительное путешествие по многим штатам, посадил меня напротив себя, согнул в локте правую руку, оперся ею о стол и предложил мне схватить его ладонь. Его руку я пригнул к столу, хотя врач был моложе меня и чуть крупнее.

Он сказал, что я действительно здоров, и... дал указание сделать мне прививки от нескольких заразных болезней. Борьба с тропическим солнцем была намного длительнее и мучительнее, хотя могу утверждать, что я не сдался — делал все то, что делал бы и в более прохладное время. Только в более медленном темпе и со стиснутыми зубами, проклиная однообразие, которое давит больше всего. В Шантиникетоне температура в помещениях немного спадает только за несколько часов до восхода солнца. Днем она сохраняется с точностью до полуградуса, так как нет облаков и ветра. Нежное дуновение, которое иногда создавал ничтожный сквозняк в моей комнате (в Индии все дома строятся так, чтобы был сквозняк), было подобно волне жары из открытых дверей парной¹.

¹ Во второй половине мая я на двенадцать дней выезжал в Кашмир, чтобы посмотреть этот рай земной. Там стояла неожиданно холодная погода. Получился почти такой же перепад температур, как если бы из горячей парной прыгнуть в снег, а потом снова забраться на полочку. Но мне чудом удалось избежать простуды.

Настоящая жара, свыше 37–38°, началась во второй половине апреля и продолжалась все время, пока я жил в Шантиникетоне, то есть до середины июля. В сентябре–октябре Бенгалия пережила самое крупное наводнение за последние шестьдесят лет, после него последовал самый продолжительный период жары и засухи за всю историю метеослужбы Индии. По меньшей мере две недели в Калькутте в середине дня температура была 41–42,5° в тени. Начиная с 7 июня изредка выпадали дожди, но настоящие муссонные ливни так и не начались до середины июля. Это также своеобразный рекорд для Восточной Индии. До 1979 года самый ранний муссон был зарегистрирован 26 мая 1937 года, а самый поздний — 24 июня 1948 года.

«Старая мельница судьбы мелет нашу жизнь» — эта латышская мелодия постоянно вертелась в голове в жаркую погоду под унылое гудение вентилятора (если он работал). Не было ни малейшего желания выходить из дому, но если это приходилось делать хотя бы на несколько часов, то надо было брать с собой сосуд с водой, так как за день надо выпить как минимум 3–3,5 литра. Нельзя забывать и соль. При жаре солоноватая вода вкуснее подслащенной. Нелегко в это время, если надо далеко ехать. Мне пришлось двое суток провести в поезде по пути в Кашмир и столько же при возвращении. Хотя окна вагона были закрыты и темные шторы опущены, зной все же проникал в вагон, и все казалось горячим, к чему бы ни прикасалась рука, — собственные волосы, одежда, сиденье. Хорошо, что к вагонам подносили фрукты и на вокзалах были краны, где можно было пополнять запасы воды. Особенно запомнилась поездка в автобусе из Дханбада в штате Бихар в Болпур. Попробуйте представить, как может себя чувствовать человек в переполненном автобусе, стоя больше на одной ноге, чем на двух, выслушивая протесты остальных пассажиров, которым мешают две ваши сумки, в условиях, когда окна плотно закрыты и на улице 44° в тени.

Глинистая почва Бенгалии в жару растрескивается как после землетрясения, местами образуя щели шириной в 10–15 сантиметров; пересыхают пруды и мелеют реки. В поисках воды люди нередко покидают родные места, скот погибает от голода и жары. Засыхают деревья и кустарники. Урожай стограет на корню. Многие люди заболевают, а некоторые даже умирают от солнечного удара. Начинается массовая миграция людей в перенаселенные города. Особенно трагическим становится положение племен, которые живут в гористых, лесистых областях и питаются только тем, что дает природа.

Днем синеватое небо кажется безжалостным и монотонным, в праздничный наряд оно начинает одеваться во время заката, когда появляются красноватые облака, более яркие, чем у нас, нередко образуя контуры каких-то фантастических чудовищ. Потом быстро темнеет, но ранняя ночь не настраивает человека на сон. Так и хочется посидеть на горячей, растрескавшейся земле и полюбоваться на яркие, «чужие» звезды. В полнолуние кажется, будто весь мир утопает в их богатстве и роскоши. Новолуние отличается от того, которое наблюдается в наших широтах, так как рога месяца повернуты почти прямо вверх. Что-то подобное я впервые увидел на Кубе пятнадцать лет назад. Казалось, будто какой-то небесный шутник повернул Луну на 70—80°. Я не мог к такому, подвешенному за рога к небесам светилу привыкнуть и в Индии. При взгляде на него меня вдруг охватывала острая и жгучая тоска по родине. Прекрасными светлыми лунными вечерами, гуляя по полю, я вдруг осознал, почему бенгальские поэты посвящают Луне столько изысканных эпитетов.

Понял также, почему они воспевают начало сезона дождей — избавителя от жары и суши. Гроза мне всегда нравилась, за исключением тех случаев, когда я находился в сельских домах, не защищенных от ударов молний. Не знаю, так ли это, но у меня возникло убеждение, что грозы в Индии не так опасны, как у нас, — их раскаты сильнее, но наказывают они меньше. Но зато всегда опасны смерчи, которые возникают во время сильных ливней. Буря, гром и молнии являются постоянными спутниками черных грозовых туч. Если замечаешь дождевую тучу,двигающуюся в твою сторону, срочно ищи убежище, потому что она пронесется быстро, но закрутит облако пыли, сухих листьев и веток.

Первый дождь после месяца непрерывной и безжалостной жары я в дневнике описал следующим образом: «На северной стороне неба появляется темная туча и движется в сторону Шантиникетона. Легкий южный ветерок затих, потом подул северный. Грома не слышно, ветер усиливается, и падает температура, и бесчеловечный властитель — жара отступает. Поют птицы. Ветер гонит облака все быстрее, слышатся первые раскаты грома. В моих ушах это отдается сладчайшей музыкой, ибо гром возвещает о приближающемся дожде и возможном конце сезона жары. Тучи черно-серые, как будто сложены из кусков. Темно-синие пятна на серо-желтом фоне становятся крупнее и опускаются все ниже. Вспыхивают молнии, но грома уже не слышно. Неужели дождя не будет? Становится темно, хотя солнце еще не

зашло. Сверкание молний прекращается, и на мою голову обрушиваются капли дождя. Вдали снова грохочет гром, в тучах вновь начинают полыхать огни. Ветер затихает, дождь усиливается, и я ухожу с балкона. Идет дождь. Потом как будто затихает, но через мгновение начинается с новой силой. Приглушенно гремит гром уже без перерыва, как во время далекой артиллерийской канонады. Край неба почти все время ярко алеет. Светло, как в полнолуние. Ясно различимы предметы в комнате, дома и деревья за окном»).

Такой фейерверк без выраженных вспышек и раскатов грома я пережил только раз, но он продолжался минут двадцать и был одним из самых ярких природных явлений, которое мне довелось когда-либо наблюдать. Но, увы, после него сезон дождей не наступил, и жара возобновилась.

Что может быть привлекательнее купания в теплых южных морях или реках? Однако в Индии люди плавают мало. Очевидно, потому, что вода прудов и рек слишком теплая, она не освежает. А в океане она соленая и неприятно раздражает тело, если после купания не ополоснуться пресной водой под душем. К тому же существует опасность нападения акул. Я о них совсем позабыл, когда два раза окунулся в теплую воду Индийского океана.

НА ДОРОГАХ ИНДИИ

Многими неделями мне приходилось по десять часов в день проводить в библиотеке над книгами, комплектами старых журналов и газет, чтобы почерпнуть как можно больше информации об Индии и ее великом писателе и мыслителе Рабиндранате Тагоре. Но немало времени пришлось провести и в пути. Я многократно выезжал в Калькутту и другие города Бенгалии. В феврале в одиночку отправился в очень насыщенное путешествие по Индии, из которого вернулся «домой» настолько усталым, что казалось, никуда больше не поеду. Но прошло некоторое время — и опять в дорогу. На этот раз во второй половине мая я отправился поездом в Сринагар, а оттуда туристским автобусом проехал по всем возможным маршрутам живописной долины Кашмира.

Путешествовать по Индии нелегко, хотя для иностранцев имеются специальные льготы и получить билеты на транспорт

обычно не проблема. Однако если вы действительно решили посмотреть страну, встретиться с ее людьми и поэтому не летите в самолете, не едете в автобусе «люкс» или в вагоне первого класса, вам не будет обеспечен прием, который предусмотрен для состоятельного иностранного туриста. Если вы захотите ознакомиться с большим городом за несколько дней, не имея много денег, вы не сможете себе позволить жить в хороших гостиницах, питаться в дорогих ресторанах и ездить на такси. Чтобы осмотреть город, вы сядете в моторикшу — двухместное транспортное средство с мотоциклетным мотором и с крышей, — или наймете велорикшу и попросите, чтобы он отвез вас в какую-нибудь гостиницу поскромнее, или, если дело происходит днем, отправитесь на поиски гостиницы пешком, хорошо зная, что они располагаются рядом с вокзалами и автовокзалами и там, как правило, всегда найдутся свободные места. А если доведется прибыть на вокзал после полуночи вы, путешествуя один и не считая себя слишком изнеженным, можете пристроиться на своих вещах где-нибудь под крышей и немного подремать до того времени, когда город начнет просыпаться.

Путешествуя подобным образом, вы на каждом шагу можете встретить что-нибудь любопытное. Очень обогащают разговоры с людьми, представляющими самые различные слои общества, — студентами, мелкими предпринимателями, чиновниками, учителями, преподавателями. Желая перекусить, вы убедитесь, что острый перец служит непременной приправой здешней пищи. После острой еды очень приятно закусить сладким южноиндийским виноградом или североиндийскими маленькими дынями. Фрукты можно приобрести на вокзалах, автобусных остановках, а если опаздывающий поезд дальнего следования остановится у большого поля с дынями, пассажиры могут получить их прямо с грядок.

Соседи по вагону могут быть разными. Один постарается вам всячески помочь, другой, наоборот, всем своим поведением покажет, что привык жить за счет других и использовать их в своих интересах. Одни из них едут в гости, другие — помолиться святым местам, третьи — на поиски работы, в отпуск, на свадьбу или похороны. Коротая время в пути, пассажиры будут есть и вас потчевать кофе, фруктами, печеньем. Прибывая в какой-нибудь город, вы после разговоров с соседями по вагону будете уже хорошо проинформированы, что в нем необходимо осмотреть, какие сувениры приобрести и чего остерегаться.

Электрички и дизельные поезда много раз везли меня по железным дорогам Индии. В большинстве поездов имеются ва-

гоны первого и второго класса. В последнее время появляются и такие, в которых подобного деления нет. Соотношение в цене в поезде дальнего следования между вагонами первого и второго класса примерно 3:1 (билет во втором классе спального вагона на линии Калькутта — Джамму, примерно 1500 километров, в 1979 году стоил 72 рупии), а в пригородных поездах даже 6:1. Зато в первом классе купе большое, изолированное от остального вагона, спальное место мягкое, вентиляторов побольше, и они обычно работают. В вагонах первого класса имеется даже душ. Постоять под ним — настоящее блаженство в жаркое время. Но я его не испытывал, так как путешествовал в вагоне второго класса, где вообще не было воды.

Индийская железная дорога не обеспечивает пассажиров спальным бельем и матрацами. Пассажиры побогаче берут все это с собой в специальной упаковке. Когда пять пассажиров сложат эти упаковки на пол небольшого купе, шестому некуда даже ноги поставить (полки в три этажа), к тому же часть пассажиров имеет еще и другой багаж, в частности небольшие, обитые жестью чемоданы, закрывающиеся навесным замком диаметром 3—4 сантиметра. Подобные и меньшие замочки украшают даже чемоданчики, которые ненамного больше толстой книги. Для сна самая удобная — средняя полка, а на «третьем этаже» нечем дышать (даже тогда, когда воздух от вентилятора все время холодит пятки). Себя барином не считаю и, как многие, спал на твердой полке, подстелив тонкое простое одеяльце, укрывшись простыней (мужчины и женщины едут вместе, поэтому приходится укрываться даже в самое жаркое время), подложив под голову дорожную сумку.

Окна вагонов не застеклены. Но обычно они зарешечены, чтобы с крыши кто-нибудь не стащил вещи пассажиров. В очень жаркую или прохладную погоду опускаются жалюзи. Чай и еду во время движения поезда никто не разносит, поесть можно только на станциях, в том числе и горячие блюда. Но обычно они европейцу не по вкусу, так как сильно наперчены.

Вот отрывок из дневника, когда я, путешествуя в самую жару, был намного раздражительнее, чем обычно: «Приближается Джамму. Поезд, как это часто бывает, опаздывает на три часа. Два дня и две ночи провел в вагоне второго класса. Менялись соседи по купе, но не менялись их привычки, которые не всегда мне были по нраву. Для индийца это кажется нормальным, что он кладет ноги на скамейку напротив, рядом с другим сидящим пассажиром, что дети ползают по полу, который не подметался два дня и залит водой. Ночью редко кому приходит

в голову говорить тихо, чтобы не мешать спутникам. Кажется, в поезде и автобусе те люди, жильё которых содержится в идеальном порядке и чистоте, полностью преображаются. Чувство прекрасного, которое у индийцев врожденное, напроочь отсутствует на улице и в транспорте». Эта запись соответствует действительности.

На железной дороге Индии существует такой порядок. Покупая билет, пассажир заполняет небольшой бланк, в который записывает свою фамилию и конечную станцию. Ему выдается билет, в котором не указан номер вагона (кажется, что часто этого номера вообще нет). Чтобы выяснить ваше место, надо прибыть пораньше и найти свою фамилию в списке, вывешенном на станции. Не всегда я его находил и тогда вместе с другими пассажирами шел к служащим вокзала, которые, так же как и кондукторы, даже в самую жару ходят в черной форме. Не знаю, или я действительно такой тупица, или просто отсутствует настоящий порядок, но я за редким исключением находил свой вагон только в последний момент после отчаянных расспросов.

Посадка в вагоны второго класса поезда, не имеющего спальных вагонов и нумерации мест, иногда очень забавна. Вы стоите на перроне и ждете поезд (он называется «Дарджилингский экспресс»), чтобы отправиться в Шантиникетон. Наконец поезд появился. Уже издали его встречают молодые парни и на ходу через двери и не очень большие окна (в том случае, если они не зарешечены) забираются в вагоны. Когда поезд наконец останавливается, «нападение» приобретает особо острый характер. Через окна до сидений путь покороче, чем от дверей, поэтому тот, который не ленится, влезает через окно. Если повезет и дверь оказывается прямо перед вами, в вагоне вы оказываетесь одним из первых, но выясняется, что все места для сидения уже заняты. Кто-то предлагает свободное место, но требует за это 5 рупий. Вы с возмущением отказываетесь, но громко свое недовольство не выражаете. Ехать то надо. Место наконец отыскалось, вагон не так уж забит, и вы, отчаянно проталкиваясь сквозь толпу пассажиров, выходите на станции Болпур.

Большие станции всегда переполнены, потому что их используют не только пассажиры, но и бездомные. Стены часто разрисованы лозунгами. На них различные партии призывают голосовать за их кандидатов. О багаже можете не беспокоиться: только прибудете на станцию, сбегутся десятки людей в красных рубашках и доставят вещи туда, куда вам нужно. Но часто но-

силыщику я давал чемодан полегче, а сам нес тот, который потяжелее. Не мог смотреть, как пожилой мужчина поднимал груз на голову и нес, шатаясь из стороны в сторону. На перроне пассажиров встречает и большая толпа велорикш.

Путешествуя в таких же условиях, в каких ездит простой индеец, вы забудете и то, что в интересах сохранения здоровья можно пить только кипяченую воду, и будете наполнять свою пластмассовую посуду на любой железнодорожной станции, где только видна надпись «Питьевая вода». Забудутся и добрые, но невыполнимые советы, что обедать можно только в приличных ресторанах, а не в любой придорожной харчевне. Осознавая, что желудок, печень и почки могут сильно пострадать от чрезмерной дозы перца, вы постараетесь выбрать по возможности подходящие блюда из тех, что вам предложат в харчевне, со временем окажетесь весьма удивленными, что ничего особенно плохого с вами не произошло, даже если вы ели то, чем питаются сами индийцы. Но даже тогда, когда вам, как человеку мнительному, покажется, что вы заболели холерой, брюшным тифом и еще какими-то болезнями, то вас быстро поднимут на ноги таблетки под названием «Enterо-quinol».

Но советы врачей все же не стоит игнорировать. В Индии широко распространены туберкулез, проказа (начальные стадии которой теперь излечимы), трахома, различные кожные заболевания. Купаясь в прудах, употребляя воду из незакрытых колодцев или не принимая меры предосторожности при потреблении фруктов и овощей, можно заболеть неизлечимой формой так называемой амебной дизентерии. Но мне не казались слишком серьезными утверждения, что для европейца здешние болезни опаснее, чем для индийца, так как у индийца к ним выработался иммунитет. К вышеперечисленным болезням иммунитет не вырабатывается. В Бенгалии можно заболеть малярией, против которой нет по-настоящему действенной вакцины. В ноябре—декабре 1978 года только в штате Западная Бенгалия тысячи человек умерли от какого-то очень опасного и еще не изученного медициной энцефалита.

Служба здравоохранения Индии должна решать сложные проблемы, учитывая, как мало в стране врачей и как не по карману для большинства людей медицинская помощь. Остается лишь удивляться, как быстро возросла средняя продолжительность жизни: если в 1947 году, при достижении Индией независимости, она была только 32 года, то теперь 54 года.

Человек в Индии может иногда заболеть совершенно невероятным путем. При осмотре храма в Конараке мне вроде бы

что-то упало на шею. Потрогал — ничего нет. Через короткое время шея начала зудеть. Подошел пожилой мужчина и на языке ория начал что-то говорить, показывая на мою шею. Я ответил ему по-бенгальски. К счастью, он этот язык понимал и заставил меня немедленно раздеться и помыться в небольшом и грязном пруду, на другом конце которого плескались свиньи. Он сказал, что если я не послушаюсь его совета, то всю жизнь буду болеть неизлечимыми нарывами. Что оставалось делать? Окунулся в пруду по подбородок и два раза с головы до ног намылился дезинфицирующим мылом, с которым никогда не расставался. Позднее узнал, что мне на шею попала ядовитая слюна какой-то пролетающей мимо морской птицы. В гостинице тщательно вымылся под душем, и все обошлось благополучно. Спасибо незнакомцу, который так настойчиво уговаривал меня искупаться в пруду, словно я был его сыном. Случай очень редкий, и позже никто не мог мне сказать, что это была за птица. Против подобных происшествий не застрахован ни один человек. Даже в небольшом городе можно наступить, хотя и редко, на ядовитую змею.

Несколько фактов об индийском городском транспорте. По улицам автобусы движутся медленно, делая множество зигзагов. На главных магистралях запрещен проезд повозок, запряженных быками и буйволами, мото- или велорикш, а в Калькутте и людей-рикш. Но и на оживленнейших улицах нередко вдруг появляется корова, которая начинает «регулировать» движение по своему желанию. В Западной Индии на улицах важно шествуют верблюды, часто встречаются и пони. Небольшие переулки и проезды очень шумны — с утра до вечера на них сплошная толчея. В крупных городах много легковых автомобилей, в 1978—1979 годах все они были похожи друг на друга, потому что несколько индийских частных фирм, используя положение, по которому иностранные автомашины не ввозили в страну, уже двадцать пять лет производили одну и ту же модель.

Я не переставал удивляться велосипедистам, которые на переполненных улицах ухитряются не столкнуться и не наехать друг на друга. Нелегко было мне привыкнуть и к принятому в Индии левостороннему движению. Большие, тяжелые машины, катящиеся по улицам и дорогам, красиво расписаны со всех сторон. Долго не мог понять — зачем? Наконец мне кто-то пояснил: спереди машины, над кузовом, находится изображение одного из божеств — чтобы он охранял шофера от всяческих на-

пастей на долгом и зачастую тяжелом пути. В автобусах изображение святого или какого-то выдающегося человека (в Бенгалии — Шубхашчондро Бошу, Рабиндраната Тагора, которых иногда возводят в ранг святых) помещено на стенке салона, и рядом с портретом горит лампочка, лежат цветы.

Может быть, бог и помог двум шоферам автобуса «люкс» за одиннадцать ночных часов преодолеть путь в шестьсот семьдесят километров из Хайдарабада в Бангалур. Но ко мне он не был милостив, так как, устроившись на одном из задних сидений, я еле держался в полувисячем положении и приехал в столицу штата Карнатака словно пропущенным через молотилку. Не раз приходилось ездить по плохим и хорошим дорогам Кавказа, вдоль глубоких ущелий, и с опаской смотреть на шоферов, которые, казалось, не ведали страха. Но Кавказ — это детские забавы по сравнению с тем, на какой скорости я из пригималайского Дарджилинга в микроавтобусе спустился в город Джалпайгури. Дорога вдоль высокой горы, с которой мы съезжали, была неплохой, но не имела каких-либо заградительных валиков. Руководствуясь дорожными знаками и непостижимой интуицией, ежеминутно подавая сигналы, шофер вместе с пассажирами спланировал вниз.

Автобусы Калькутты переполнены сильнее, чем в других городах. У дверей толпятся люди даже тогда, когда есть место в салоне. Там же находится и кондуктор. Понятно — там прохладнее. В жаркое время температура в переполненном автобусе столь высока, что там можно париться, как в бане. На остановках, если пассажиров ждет немного, автобус до конца и не останавливается — только замедляет ход. Кондуктор на остановках равнодушным голосом выкрикивает одни и те же слова. В сумку, висящую на плече, он ссыпает только мелочь, а бумажные рупии различного достоинства умудряется держать между пальцами. Проводя с шумом рукой по маленькому, тугому рулону билетов, кондуктор напоминает пассажирам, что за проезд надо платить. Трамваи и автобусы украшены красивыми надписями на английском и бенгальском языках: «Позаботьтесь о своем багаже», «Остерегайтесь воров» и, конечно, «Места для дам».

Для женщин отводится примерно четвертая часть салона (но, насколько помню, только в Западной Бенгалии). Обычно этого достаточно, так как в основном едут мужчины. Места, отведенные для женщин, мужчины всегда без промедления освобождают, но без угрызения совести сидят на обычных местах, если женщины стоят. Что касается двух других надписей — ду-

маю, что они помещены зря, хотя бы уже потому, что редко у кого есть багаж и деньги, разве только пара рупий на обратную дорогу. Но на тонких, жилистых руках многих пассажиров видны часы (малооплачиваемый служащий на покупку наручных часов должен истратить свою месячную зарплату), а из нагрудных карманов белой рубашки торчат перьевые авторучки. Даже в жаркую погоду под рубашкой надета майка, с которой индийцы никогда не расстаются.

Акробатическая ловкость, которую в Калькутте демонстрируют кондукторы государственных автобусов, ничто по сравнению с тем, как работают кондукторы междугородных частных автобусов, следующих из Болпура в областной центр Шиури. Находящиеся в их ведении небольшие и запущенные (зато дешевые) автобусы обычно не переполнены, хотя с полчаса не могут набрать скорость, стараясь собрать по дороге как можно больше пассажиров. В отличие от калькуттских автобусов, у них на крыше предусмотрено место для багажа. Но часто там сидят и люди.

Кондуктор не позволит и километра проехать без билета. Деревенские старушки трясущимися руками подают кондуктору завязанную в углу сари рупию или полрупии. Чтобы никто не остался без билета, кондуктор на ходу автобуса ухитряется забраться на крышу. Ни разу не видел, чтобы кондуктором в Бенгалии работал пожилой мужчина. Это, как мы бы сказали, работа, опасная для жизни, и ее может выполнять только молодой и сильный человек. Однако, несмотря на то что о безопасности автотранспорта никто как будто и не задумывается и нет никаких автоинспекций, мне показалось, в течение десяти месяцев, что несчастные случаи здесь сравнительно редки. Как шоферы, так и пассажиры всегда трезвы. И уже только это говорит о многом.

Характерная деталь городской жизни — обилие нищих. Некоторые из них молча и подобострастно смотрят на вас, другие, особенно у храмов, где действуют профессионалы этого ремесла, отважатся схватить прохожего за руку, вымаливая подаяние. Чаще всего вы откупитесь мелкой монетой в три-пять пайс, иногда дадите больше, даже тогда, когда спутники-индийцы спокойно проходят мимо нищих. У вас не хватит сил пройти мимо, особенно после того, как увидите, какую радость доставляют ваши полторы копейки босоногим, полуголым детишкам и их матерям в Калькутте или замерзающим оборванцам у подножия кашмирских гор. Ведь им тоже хочется есть. Когда

живешь в Индии и видишь, как люди страдают от недоедания, забываешь предупреждения друзей, что, дав что-нибудь одному нищему, не удастся избавиться от десятков других. Но действительно, стоит замешкаться, как тебя буквально начнут осаждать неведомо откуда взявшиеся оборванные и голодные люди.

Незабываемы поездки на лодке по красивому кашмирскому озеру Дал в Сринагаре между плавающими домами, которые так же великолепны, как художественные музеи. Разница только в том, что в Лувре или Эрмитаже люди не живут, а дом-лодку богач может нанять, платя за него восемьсот-тысячу рупий в сутки. И я в Сринагаре неделю прожил в лодке. Конечно, в скромной. Не могу сказать, что это было всегда приятно. Как только откроешь окно, свои услуги непрерывно предлагают торговцы в лодках, хочешь поесть — иди к хозяину. Понадобилось тебе ведро теплой воды — тоже обращай к нему. А за все придется рассчитываться без какого-либо прејскуранта. Просто будешь платить столько, сколько запросят.

Не до конца радостным было и путешествие по морю из города Панаджи, столицы Гоа, в Бомбей. Стояла сказочная ночь. Небо над Аравийским морем было иссиня-черным и все в ярких звездах. Но рядом соседи — неряшливо одетые, грязные, босонogie западноевропейские хиппи. Они облюбовали себе Панаджи, потому что в этом бывшем центре португальских владений в Индии — Гоа — всегда тепло, но никогда не бывает слишком жарко. Панаджи — единственный город Индии, где дешевы европейские кушанья и не соблюдаются никакие «сухие» дни в отношении горячительных напитков. Кроме того, Гоа был негласным центром торговли наркотиками, откуда их перевозили в Бомбей. Если кто-то на корабле хотел заняться этим бизнесом, он мог это делать без всякого страха, так как таможенного досмотра багажа не было.

Индийские газеты много пишут о значении туризма в получении иностранной валюты, указывая, что миллион приезжающих прямо или косвенно кормит миллион триста тысяч индийцев. Однако количество туристов растет медленно, и далеко не все из них могут тратить много денег, а если и имеют такую возможность, то большая часть прибыли идет не государству, а владельцам частных гостиниц и ресторанов. Англичане, французы, американцы, западные немцы, скандинавы, с которыми мне какое-то время приходилось вместе быть в пути, признают, что в Индии по сравнению с другими странами путешествие обходится очень дешево. Отсюда можно привезти домой хорошие

вещи. Нетрудно снять гостиницу или приобрести билеты на транспорт.

Труднее европейцу получить привычную и разнообразную пищу за сходную цену. Индийцу нелегко понять разборчивость европейца. Однако это вовсе не означает, что в Индии не существует различных разновидностей утонченной кухни. Очень вкусный рис, оказывается, можно приготовить и без жиров. Об этом свидетельствует блюдо, называемое *мури*, которое в Бенгалии продают в поездах и на железнодорожных станциях в маленьких пакетиках. Если вы откажетесь от чрезмерной дозы перца, но сохраните другие пряности, которые добавит к моченому и жареному рису уличный торговец, вам покажется, что вы едите изысканные сладости. По-разному готовят и горох, который во всей стране является самым дешевым источником протеина. Почти ритуалом в Индии стало чаепитие из маленьких блюдец. Чай пьют с молоком. К нему легко привыкнуть, так как чай очень крепок и без молока кажется горьким. Распространены кофе и подслащенная простокваша. Но это уже еда не малоимущих и бедняков. У них не хватает денег даже на чай.

Часто индийская пища, которую можно вкусить в маленьких придорожных столовых (в больших ресторанах еда приобретает интернациональный характер), непривычна для иностранных посетителей страны. Но они по достоинству могут оценить баранину или козлятину, курицу, рыбу с рисом или лепешки из муки грубого помола — *чапати* — и плов. Впрочем, многие продукты становятся неузнаваемыми после их кулинарной обработки, разной в каждом штате.

Чтобы читатель мог понять, насколько индийская еда отличается от меню европейца, скажу, что ни разу в магазинах я не видел в продаже колбасы, копченого мяса, творога, сметаны. В Южной Индии, где 80—90% жителей — строгие вегетарианцы, нет сыра, редки рыбные блюда, а яйца можно купить лишь у мусульман. Молоко в свободной продаже редкость повсюду, за исключением Северо-Запада и нескольких мест в Южной Индии. Суп бывает только там, где подают европейские блюда. Различные пирожки, которые можно купить на углах улиц и обочинах шоссе, у автобусных остановок, не содержат мясной или рыбной начинки. Поэтому неудивительно, что, приезжая в Калькутту, я старался найти какой-нибудь китайский ресторанчик, где в помещении на 15—20 мест можно заказать 100—130 различных блюд индийской, китайской и европейской кухни. Пряности посетитель может добавлять по своему желанию. Мне, европейцу-гурману, эти рестораны, в которых на неболь-

шой кухне крутится лишь один повар-китаец, имеется один обслуживающий гостей официант-индеец, а хозяин-китаец собирает деньги у выхода, были больше по нраву, чем индийские рестораны. Но и в них не было ни говядины, ни молочных продуктов.

В Индии иностранцу приходится сталкиваться со многими непривычными вещами. Но после прожитых там десяти месяцев все удивительное стало мне казаться обычным. Так, например, я не раз смотрел на представления йогов (а быть может, трюкачей, так как истинные йоги неохотно демонстрируют свои способности, особенно в целях заработка). Впервые мое внимание привлек йог на ярмарке в центре Шантиникетона. Когда я подошел поближе, то вместе с немногими любопытными (из десятков тысяч посетителей ярмарки) увидел, что тело сухопарого мужчины от головы до солнечного сплетения зарыто в землю. Ногами он время от времени шевелил — сгибал то одну, то другую, раздвигал, вытягивал. Рядом с ним была небольшая посуда, в которую проходящие бросали мелочь (не больше 5—10 пайс). Когда и как человек зарылся в землю, не видел; не дождался и того, когда он начал себя откапывать. Постояв минут двадцать, я поспешил на какую-то важную встречу. Сначала подумал, что этот человек дышал через какую-то трубку. Но потом понял, что это было не так — ведь его грудь и живот не делали дыхательных движений, только иногда слегка подергивались. Через несколько часов я возвращался тем же путем, но йога уже не было. Точно такую же картину и такое же равнодушие к ней увидел в городе Шиури. К сожалению, и тогда у меня не было времени дожидаться, когда йог станет на ноги и я смогу с ним поговорить. Но ясно, что так задержать дыхание может только человек, который многие годы упорно тренировался.

Другой случай я наблюдал в Калькутте, на улице Парк-стрит. Там какой-то полуголый моложавый человек с густыми иссиня-черными волосами и большими горящими и как будто ничего не видящими глазами схватил большой факел и зажег его. Факел загорелся сразу, пламя достигало высоты сантиметров двадцать-тридцать. Что-то бормоча на непонятном мне языке (кажется, это был урду), мужчина медленно провел пылающим факелом по обнаженной руке от плеча до ладони. Движение факела сопровождал пар, вырвавшийся словно из-под кожи. Мне даже показалось, что в нос ударил запах паленого. Быстро и громко поговорив какое-то время, мужчина снова медленно провел факелом по руке. И так он повторял много-

кратно, в течение получаса. Солнце безжалостно палило, в тени было по меньшей мере 42°. Вокруг собиралось все больше людей. Я забыл сфотографировать этого актера-одиночку — может быть, стало бы ясно, действительно ли горел факел, или мы, зрители, включая меня, были заипнотизированы. Только одно вызвало подозрение: мужчина слишком легко потушил большое пламя.

Высокая специальная физическая и духовная тренированность йогов, несомненно, свидетельствует о том, как мало мы еще умеем использовать возможности своего тела. Когда приезжаешь в Индию, становится ясно, что и во многом другом это в значительной степени отличный от нашего мир. Если оценивать жизнь индийцев с их позиций, то многое, что может вызвать недоумение с нашей точки зрения, становится приемлемым. Почему, например, человек должен избегать сидения на теплой земле, как это делают уличные торговцы, парикмахеры, сапожники, астрологи? Почему, ожидая поезд, обязательно искать скамейку, на которой можно пристроиться, если там же, на перроне, можно расстелить маленькое одеяльце и растянуться на нем, как это делают многие индийцы — и бедняки и обеспеченные.

Популярные индийские газеты на английском языке регулярно печатают гороскопы. Большинство индийцев относятся к ним серьезно. Прочитав, что мне вещал астролог в «The Sunday Amrita Bazaar Patrika» от 21 января 1978 года: «Возможно, что общий темп ускорится и вы будете заняты. Предпочтение надо отдавать собственной инициативе, результаты которой, может быть, сделают других очень счастливыми. В эту неделю вам может представиться возможность улучшить свое положение и получить финансовые выгоды. Перед вами окажутся несколько новшеств, поэтому будьте предприимчивы по мере сил. Домашняя жизнь имеет тенденцию к усложнению — вероятно, кто-то из близких заболел...» Из этой программы один пункт действительно исполнился: мой ритм жизни через некоторое время получил огромное ускорение, так как я 1 февраля отправился в долгое и трудное путешествие по Индии.

Месяцем позже, когда гид, знакомя посетителей со знаменитой Джайпурской обсерваторией, стал восторженно рассказывать: «Наш жизненный путь определяют звезды», — я все же осмелился заметить: «Неужели я такая важная единица во Вселенной?» Он на мой вопрос не счел нужным ответить. У меня и в мыслях не было ничего плохого. Я лишь не учел, что гороскоп в Индии почти столь же авторитетен, как религия, и в

этом сомневаться не должно. Как же человеку не думать о звездах, если тропические ночи такие длинные и в году столько безоблачных дней? Они и для меня, несомненно, стали столь близки, что ради созерцания этих звезд я бы согласился вновь париться в чертовом котле, подогреваемом неистовым тропическим солнцем.

* * *

Меня часто спрашивают: что из пережитого в Индии больше всего запомнилось? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Вот, например, вспоминаю сухощавого, средних лет бенгальца, который после увольнения из армии замыслил создать Миссию всеиндийского народного благополучия. Ознакомив меня с планом деятельности своей миссии, он просил присоединиться к ней. Быстро просмотрев два больших, размноженных на ротапринте листа, я понял, что миссия надеется сделать почти все то, что до этого не сумели сделать все правительства Индии, вместе взятые. Когда я спросил, есть ли у него средства для претворения намеченных планов в жизнь, он ответил, что они только собираются, а замысел еще не начал осуществляться. Впрочем, в Индии есть несколько поселений — ашрамов, построенных на добровольные средства. Среди них самый известный, созданный в 1926 году бенгальцем Оробиндо Гхошем, в котором теперь живет 2 тысячи человек из более чем двадцати стран. Другое поселение построено на самом юге Индии, и ему присвоено имя выдающегося индийского мыслителя Вивекананды, который тоже был бенгальцем.

Кажется, больше всего в памяти остается то, что касается лично тебя. Часто вспоминаю, как однажды вечером в Калькутте никак не мог найти гостиницу и думал, что придется укладываться на тротуаре, рядом с бездомными. Или еще более глупый эпизод — как в Удайпуре, проснувшись, не на шутку перепугался, увидев рядом с собой в кровати бородатого и весьма непривлекательного типа. Оказалось, что зеркало, неизвестно зачем вмонтированное в изголовье, отражало мое собственное лицо. Часто задумывался над тем, почему у многих бенгальцев не вызывал удивления тот факт, что я говорю на их языке.

По ночам часто снились храмы с изображениями божеств, скульптурные панно и святые коровы, сине-серые полуметровые рыбы, которые на радость посетителям красуются на солнце в бассейнах у святилищ.

Не думаю, что в этой книге мне удалось ответить на воп-

рос: кто же он — индиец? Я не знаю, является ли типичным тот индиец, который босиком в воде сажает рис в орошаемой горными реками долине Кашмира, когда температура днем не превышает 15–18°, или торговец жареным арахисом, который каждый день с утра до вечера сидит у своей сложенной из камней печурки, развешивает товар в кулечки по двадцать пять — тридцать граммов, или шофер, который едет так, что его и встречную машину разделяют лишь несколько сантиметров, и все же умудряется избежать аварии, или сельский учитель, который должен не только учить детей под открытым небом, но и нести тяжелую миссию просветителя и адвоката наиболее обездоленных людей, или зажиточный крестьянин, которому должна половина деревни, или индийский финансист, политический деятель...

Дружественная нам страна трудится, сражается с вековой отсталостью, нищетой и социальной несправедливостью. Путь Индии нелегкий, и поэтому тем ценнее та дружеская помощь, которую мы вместе с другими народами можем ей оказать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда впервые приезжаешь в Индию, сначала все поражает непривычностью и непохожестью. Жара. Иной ритм жизни. Захватывающая красота и отталкивающая нищета. Все те отличия, которые связаны с тропиками, буржуазным общественным строем, нищенским уровнем жизни. Первые дни беспрестанно сравниваешь, и эти сравнения не всегда бывают в пользу Индии. Женщины в сари — ах, какая прелесть! Голодные, бездомные люди — ах, какой ужас! Свежие фрукты и овощи зимой — как хорошо! Какая грязь! И так далее ...

Через несколько месяцев жизни в индийской глубинке или разъездов по стране втягиваешься в ритм, привыкаешь к обычаям, замечаешь связи между неряшливостью и беспечностью, бедностью и веселостью, испытанием жарой и удовольствием от кондиционера. Главное — начинаешь сомневаться в том, все ли разумно и неизменно в нашем укладе жизни, привычках и правилах. Другими словами, Индия становится тебе роднее, ты начинаешь лучше понимать ее народ, ощущаешь себя его частицей. И вот тогда появляется желание рассказать соотечественникам то, что ты почувствовал и узнал.

Мой друг и коллега Виктор Ивбулис прошел через два этапа, обозначенные выше, и в его книге они отразились оба. Он старается сохранить свежесть восприятия туриста, но все чаще слышится голос опытного путешественника, которому есть что сказать. Его стремление показать реальную, рупийно-пайсовую Индию иногда отдает излишней дотошностью, но по крайней мере наблюдательность автора должна завоевать доверие читателей.

Автор книги — один из ведущих в нашей стране специалистов по творчеству Рабиндраната Тагора — поэта, прозаика, музыканта, художника, режиссера, которого по праву можно назвать создателем культуры современной Индии. Как наследник

древней культуры и создатель новой, Р. Тагор – фигура противоречивая и сложная. Исследовать его творчество – значит профессионально разбираться в средневековой индийской культуре, знать колониальный период, быть в курсе европейской культуры XVIII–XX вв., понять синтез всех этих разнообразных культурных слоев и течений. Другими словами, В. Ивбулис самой своей специальностью, многолетними занятиями был подготовлен к тому, чтобы воспринять Индию в правильной перспективе.

И ему повезло. Он не просто поехал в Индию, не просто прожил там достаточно долго, чтобы ощутить потребность учить вновь прибывающих. В. Ивбулис попал в Шантиникетон, любимое детище Р. Тагора, в университет, столь тесно связанный с личностью поэта. На русском языке почти нет материала об этом университете, и наблюдения автора, связанные с Вишвабхарати, особенно ценны как источник.

Советский читатель получил еще одну вдумчивую и грамотную книгу о современной Индии. Те, кто интересуется Индией, прочтут ее с пользой для себя.

Л.Б. Алаев

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Республика Индия. Общий взгляд	5
Трудное развитие	11
Союз наций и народностей	21
Города	31
Индийские деревни	45
Религия и жизнь	54
Семья и женщина	65
Воплощение мечты Р. Тагора	71
«Обитель покоя» изнутри	82
Человек и природа	103
На дорогах Индии	120
<i>Л.Б. Алаев. Послесловие</i>	134

Виктор Язепович Ивбулис

МОЯ ЗОЛОТАЯ БЕНГАЛИЯ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
"Рассказы о странах Востока"*

Редакторы Э.О.Сехар, Д.Н.Костинский
Младший редактор М.С.Грикурова
Художник Н.П.Парский
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор Л.Н.Кузьмина
Корректор Т.А.Алаева

ИБ № 15999

Сдано в набор 06.08.87. Подписано к печати 07.01.88
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная
Иллюстрации отпечатаны по высокой печати на мелованной бумаге
Усл. п.л. 7,14 + 0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 8,68
Тираж 30 000 экз. Изд. № 6367. Зак. № 142. Цена 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Не думаю, что в этой книге мне удалось ответить на вопрос: кто же он — индеец? Я не знаю, является ли типичным тот индеец, который босиком в воде сажает рис в орошаемой горными реками долине Кашмира, когда температура днем не превышает 15—18°, или торговец жареным арахисом, который с утра до вечера сидит у своей сложенной из камней печурки, развешивает товар в кулечки по 25—30 граммов, или шофер, который едет так, что его и встречную машину разделяют лишь несколько сантиметров, и все же умудряется избежать аварии, или сельский учитель, который должен не только учить детей, но и нести миссию просветителя и адвоката наиболее обездоленных людей, или зажиточный крестьянин, которому должна половина деревни, или индийский финансист, политический деятель...